

В ФОКУСЕ: РЕБЁНОК — РОДИТЕЛЬ — СПЕЦИАЛИСТ

ШАГИ НАШЕЙ ЛЮБВИ

ШАГИ НАШЕЙ ЛЮБВИ

СЕМЬЯ И ДЕТИ

ФОНД
ТИМЧЕНКО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
ЕЛЕНА И ГЕННАДИЯ
ТИМЧЕНКО

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Программа «Семья и Дети»

ШАГИ НАШЕЙ ЛЮБВИ

Москва
2014

Автор : Гайкалова А.И.
Авторское название: Шаги нашей любви
Практическое пособие для замещающих семей.

ISBN
Шаги нашей любви

М.: ООО «РПФ НИК», 2014. — 294 стр.

Серия «В фокусе: ребенок-родитель-специалист», Издательский проект программы «Семья и дети» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко

Предлагаемая книга адресована, в первую очередь, замещающим родителям. Автор книги — воспитатель, усыновитель, многодетная мама, психофизиолог рассуждает над тем, как сохранить силы для того, чтобы отношения с ребенком строились на принципах взаимной и ответственной любви. Автор уверена, что знания о себе самом дают понимание того, как строить отношения с ребенком и стать для него надежным проводником, за которым он захочет следовать сам.

© Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко

Все права защищены. Никакая часть данного произведения не может быть воспроизведена в какой бы о ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Предлагаем вашему вниманию уникальную серию методической литературы по вопросам защиты детства «В фокусе: ребенок-родитель-специалист». Программа «Семья и дети» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко призвана помочь каждому ребенку жить и воспитываться в семье.

Очень актуальна подготовка замещающих родителей, которые создадут возможности для развития ребенка, его социализации. Крайне важной нам представляется и работа, связанная с предотвращением отказов родителей от приемных детей, т.к. это наносит ребенку тяжелую эмоциональную и психологическую травму.

Сохранение ребенка в кровной семье или его перемещение в замещающую семью требует грамотной и тонкой работы специалистов сферы защиты детства. Вот почему большое внимание мы уделяем обучению и развитию специалистов.

При нашей непосредственной поддержке в регионах РФ создаются центры профилактики сиротства и семейного устройства «шаговой доступности», проводятся «Школы приемных родителей» оказываются услуги по сопровождению замещающих семей.

В процессе работы мы столкнулись с дефицитом качественной методической литературы. Так в 2014 году возникла идея реализовать издательский проект «В фокусе: ребенок-родитель-специалист». В серию включены произведения экспертов, практиков, замещающих родителей и приемных детей. Мы надеемся, что книги серии «В фокусе: ребенок-родитель-специалист» смогут поддержать и тех, кто только размышляет о приёме ребенка в семью, и тех, кто уже связан судьбой с приемным ребенком, и специалистов, которые помогают детям и семьям.

Автор данного пособия — усыновитель, психолог, специалист по семейному устройству через примеры и короткие истории

дает ответы на такие сложные вопросы: «Что необходимо, чтобы дети выросли счастливыми? Как поступать, чтобы мы, как родители, состоялись?» Автор показывает, что осознанность действий, «любого шага» — основная составляющая личностного и родительского успеха, а понимание родителем самого себя дает силы для выстраивания отношений с ребенком.

Мы будем признательны Вам за обратную связь и предложения, какие темы важно раскрыть в будущих книгах и кого из авторов пригласить.

С уважением,
руководитель программы «Семья и дети»,
кандидат социологических наук Эльвира Гарифулина
egarifulina@timchenkofoundation.org

ОГЛАВЛЕНИЕ :

Предисловие	6
Глава 1. Приживить веточку	10
Глава 2. Кнопки	20
Глава 3. Закон и порядок в доме	30
Глава 4. Традиции и ценности	35
Глава 5. Иерархия	46
Глава 6. Вылизывание щенков и тайна усыновления	56
Глава 7. Как же найти своего?	70
Глава 8. Что скажут близкие люди	74
Глава 9. Выбор	87
Глава 10. Кровные родственники	92
Глава 11. Чем страшна ревность	108
Глава 12. Если мы погорячились	128
Глава 13. Обиды и отмашки	138
Глава 14. Как лучше начинать	150
Глава 15. Дети родителям не ровня	167
Глава 16. Чем еще нас могут испугать	181
Глава 17. Входим в новый коллектив	194
Глава 18. Вдруг он станет воровать	203
Глава 19. Талант	213
Глава 20. Дурная кровь	223
Глава 21. Как привить всевозможные навыки	237
Глава 22. Взять ребенка-подростка	250
Глава 23. Большая девочка	260
Глава 24. От памперсов до презервативов	269
Глава 25. Ссоры, примирения и целая жизнь впереди	278
Заключение	291

ПРЕДИСЛОВИЕ

Думать над каждым шагом — такое возможно, пожалуй, только в разведке. А если не над каждым? Если, например, думать через шаг? И через сколько шагов обязательно надо думать, если это ради любви?

Сколько шагов мы готовы пропустить, если речь идет о том, чтобы вырастить и сохранить любовь — свою друг к другу, свою к нашим детям, детскую любовь к нам, их родителям?

Осознанность действий — именно это я всегда считала одной из основных составляющих личного и родительского успеха. Наблюдая за тем, как росли мои дети, и надеясь, что расту вместе с ними, я старательно считала шаги. Те, что сопровождалась раздумьями, и пропущенные, когда мои мысли витали отдельно от моих действий. Я анализировала цену этих пропусков, а друзья моих детей и дети моих друзей старательно предоставляли мне дополнительные возможности для наблюдений и размышлений. Очень скоро я поняла, как дорого приходится нам платить за эту небрежность — находясь рядом с детьми, думать не о них. Мне стало ясно, насколько много мы утрачиваем, выбирая «как легче», вместо «как правильно» и даже, вместо «как честно».

В 1996 году я начала свою работу воспитателя в Детском Доме № 19, и с этого момента вся моя жизнь полностью изменилась, словно нацелилась на то, чтобы я смогла обрести целостность

мысли и действия. Мне хотелось научиться жить так, чтобы каждую минуту максимально посвящать себя именно тому делу, которым я занята. Этим делом с тех самых пор остаются для меня человеческие отношения, воспитание детей и наша любовь — взаимная, ответственная, творческая.

Жизнь оказалась очень щедрой ко мне, и теперь, когда мои дети выросли, я могу рассказать людям о том, как училась ходить наша любовь, как делала она свои первые шаги, чтобы те, кто еще на пороге родительства или принятия ребенка в свою семью, почувствовали себя более уверенно и надежно. Потому что нет лучшей надежды, чем уверенность в том, что успех возможен, что путь к нему известен. Да и «шаги», «поступь» — это слова, родственные «поступку». Как она поступает, Любовь?

Мы наполнены мыслями о нашей всеобщей любви к нашим детям и о единственной любви каждого из нас. «Ты мой единственный! И ты! И ты!», — говорим мы то одному, то другому своему ребенку, и каждый раз говорим правду. Ведь каждый любимый нами человек, будь он взрослым или маленьким, рожден он нашим телом или же нашим сердцем, — все равно, и всегда исключительный и, единственный для нас. Мы счастливы, если осознаем это, поступая правильно. Мы счастливы, если не пропускаем шагов.

Я надеюсь, что собирательные примеры и короткие истории, представленные на страницах этой книги, дадут нам возможность убедиться, как значительна осознанность любого нашего шага, и помогут ответить на важные вопросы:

- что же необходимо, чтобы дети наши выросли счастливыми?
- как нам поступать, чтобы мы, как родители, состоялись?

Ведь страх попадания в тупик не сможет ужиться с тем, кто изучил маршрут. А ребенок не собьется с пути, если у него есть надежный проводник.

Сравнительно недавно я познакомилась с книгой Гордона Ньюфельда «Не упускайте своих детей», и эта книга очень обрадовала меня. Лидерство родителя, иерархическая зависимость детей от родителей, родительская власть, теория привязанности — все это сознательно соблюдалось в нашем доме и соблюдается сейчас. Мне было приятно осознать себя практическим единомышленником Гордона Ньюфельда — человека, чья школа становится все более популярной в мире.

В книге «Шаги нашей любви» я непременно коснусь тех положений, которые рассматривает Гордон Ньюфелд в качестве основных, ведущих в деле родительской ответственности за судьбы своих детей. Постоянно помнить об этом особенно важно сейчас, когда вошли в моду разговоры о свободах и тем поставили под сомнение устойчивость несущих опор многих важных построек, в нашем случае — семьи, ее нравственных и духовных ценностей.

Для любого пути очень важно знание местности и ее особенностей, но прежде всего, знание себя. Даже будь у нас в руках подробная карта, нам не преодолеть маршрута, если мы забыли о своей аллергии на цветы, если нас пугают случайные звуки, или если наши ноги нам не верны. Но когда мы в курсе всех свои особенностей и умеем владеть собой, то даже в темноте, без возможности видеть карту, мы догадаемся, как вести себя.

Примеры из жизни, приведенные на страницах этой книги, помогут нам убеждаться снова и снова, что главное условие любого управления — это умение управлять собой. Ведь это действительно самый важный родительский вопрос: как стать для ребенка тем надежным проводником, за которым он захочет следовать сам. Но надо и нам, родителям, не заблудиться в лабиринте эмоций, не упасть от усталости, не измучиться непониманием причин, и это не менее важная тема. Мы же помним, что в самолете при наступлении аварийной ситуации первым кислородную маску должен надеть именно родитель, и только тогда, когда сам в порядке, он сможет помочь своему ребенку.

Надеюсь, что читатели этой книги сумеют найти на ее страницах немало подходящих подсказок, чтобы суметь во время помочь себе и своим детям.

Я адресую эту книгу приемным родителям и усыновителям, опекунам и волонтерам, патронатным воспитателям, а также всем взрослым людям, по-настоящему заинтересованным в том, чтобы их дети выросли достойными, здоровыми, конструктивно мыслящими людьми, способными реализовать себя и жить в гармонии с окружающим миром.

А. Гайкалова, практический психофизиолог,
воспитатель, усыновитель, многодетная мама.

Глава 1. ПРИЖИВИТЬ ВЕТОЧКУ

Подвергните всё испытанию, сохраните хорошее, а если в вас самих созрело нечто лучшее, то правдиво и с любовью присоедините к тому, что я пытаюсь также правдиво и с любовью дать вам на этих страницах

Генрих Песталоцци,
«Лебединая песня»

Когда женщина рождает ребенка, она не догадывается, какой человек приходит в мир. Это только последнее время стало возможным узнать, кого мы ожидаем, девочку или мальчика. Раньше же, например, в молодые годы нашего поколения, мы этого не знали до тех пор, пока не рождалось дитя. Впрочем, как тогда, так и теперь, даже в час рождения нам оставалось неизвестным, какие черты будут преобладать в характере рожденного нами человека:

- будет ли этот ребенок хитрым или простодушным?
- потянется ли он к точным наукам, или же мы родили творческую личность, например, поэта?

— станет ли наш ребенок затаивать обиду и мстить, или же он, наоборот, будет склонен прощать и забывать?

— уже в песочнице наш ребенок будет все «грести под себя» или же он станет раздаривать свои игрушки и получать удовольствие от этого?

— он драчун или добряк?

— он лидер или ведомый?

— он предприниматель или мечтатель?

«Воспитание развивает способности, но не создает их», — утверждал Ф. Вольтер. К сожалению, как бы нам ни хотелось верить в обратное, но, если мы будем смотреть на вещи беспристрастно, нам придется согласиться: некоторые качества характера человека «на ровном месте» воспитать проблематично. Если их нет в природе, если они не заложены вообще, мы, может быть, сможем в какой-то мере их привить, но они не станут ведущими для наших детей. То есть, рождая детей самостоятельно, мы ничего не знаем о них, кроме того, что каждый конкретный ребенок — биологически наш.

Возможно ли, чтобы приемный ребенок стал именно нашим? Не биологически, конечно, но ведь мы и не о биологии говорим. Возможно ли, чтобы приемный ребенок стал СВОИМ?

Я уверена, что да.

Хорошему садовнику известно, как кропотлив труд по приживлению новой веточки к старому стволу. А может быть, нужно высадить в землю своего сада новое деревце, черенок, ведь деревья имеют свои секреты, они по-разному прорастают. Для одного дерева нужно надрезать ствол и буквально вживить в него новую ветку ранней весной. А другое дерево таким способом не привьется, этот род деревьев должен сначала пустить корни. Сложная и тонкая наука, и садовнику хорошо известно, что сами растут в саду одни сорняки. Он трудится для своего сада, и вот уже сад поднимается и цветет. Смотришь на иные сады средней полосы, а там и пихты растут, и туя разнородная, и тут же поднимается кедр. Как только

уживается рядом такая разнообразная растительность? Но ведь не просто уживается, а дополняет друг друга! Потому что хороший садовник знает, как ему поступать.

В Европе и Америке приемная семья — обычное дело. Принять в семью ребенка не означает для жителей этих мест ни каких-то особых человеческих качеств взрослых людей, ни, тем более, их геройства. Дети принимаются, потому что есть место и возможности, или, иначе говоря, потому что есть ресурс сил и физических показателей жизни. Другой вариант и вовсе прост: потому что такой ребенок взял да и подружился с чьей-то дочерью или сыном в школе, вот люди и подумали: «А почему бы и нет?» В самом деле, хорошая мотивация, не так ли? По-моему, самая нормальная.

Но для россиян этот шаг — прием в семью незнакомого маленького человека, остается по-прежнему довольно трудно осуществимым. И не столько потому, что вопрос с ресурсами у нас обстоит иначе, хотя и это тоже имеет место быть. И даже не потому, что мы больше, чем европейцы или американцы боимся за «завтрашний день», не имея особых социальных гарантий, не чувствуем себя защищенными, а потому, и мне признавались в этом многие мои соотечественники, что велик другой страх: вдруг веточка не привьется, вдруг и сам взрослый чего-то там особого не испытает?

Иными словами, вдруг не случится любовь?

Получается, что всемирные тенденции идеологического освобождения детей от привязанности к родителям, едва дети вырастают, россиянам по-прежнему не свойственны, когда «исполнилось восемнадцать, и будь добр сам». И это заметно, где бы в настоящий момент ни жили россияне. Например, российские эмигранты, более или менее успешно влившиеся в менталитет своих новых стран, по поводу воспитания детей и взаимоотношений с ними не спешат следовать местным традициям. Они сохраняют крепкие связи со своими детьми, родители гордятся своей нужностью взрослым детям и печалются, если дети отдаляются от них. То есть, наши природные привычки и потребности в формировании отно-

шений с детьми отличаются от того, что принято в некоторых странах.

Это касается и замещающих семей. Западные и американские родители берут ребенка, словно поднимают с земли птенца с поврежденными крыльями. Они бережно залечивают крылья, выращивают птенца и выпускают его на свободу. И это прекрасная традиция. И только мы, россияне, все еще продолжаем хотеть, чтобы наш ребенок нашим и оставался. То есть, мы, конечно же, готовы отпускать наших взрослых птенцов. Но нам просто необходимо, чтобы при этом наши связи не ослабевали, чтобы все мы становились и продолжали быть гарантом друг для друга. Гарантом того, что мы «не одни на этом свете», что «есть у нас родная душа», что мы можем надеяться друг на друга, что мы не утратим своей нужности для наших детей, как не станут нам чужими и наши родители, сколько бы ни проходило лет.

При этом скажем честно, что мы ничуть не меньше, чем европейцы или американцы, увлечены новыми модными теориями воспитания. Только вот, стоит детям немного повзрослеть, как большинство российских родителей, и этот факт не зависит от их социального статуса, оказывается весьма заинтересованными в том, чтобы связи с детьми не разрывались, и чтобы взаимозависимость не ослабевала. А это, как правило, крепость связей и подчеркивает. Тут мы ни о каких патологических случаях не говорим, только о самых что ни на есть, здоровых зависимостях и связях. О трогательных и милых обычаях, когда стареющие родители по-прежнему стараются что-то «впихнуть» или «подкинуть» своим детям, что-то «устроить» для них. В общем, — обеспечить всем возможным, несмотря на взрослость чад.

Интересно, что дети в то же время, исполнены благодарности к родителям и, декларируя свою взрослость, как правило, от помощи не отказываются, впрочем, пребывают в готовности ответить заботой на заботу. И это вовсе не идеальная картинка, то, что я нарисовала сейчас. Это нормальная для России картина, когда родители и дети, пусть с перевесом то в одну, то в другую сторону, проявляют

активное участие в жизни друг друга на протяжении всей жизни. И мне очень хотелось бы, чтобы в нашей стране устои семьи постоянно укреплялись.

И вот, рассматривая внутренние отношения разных российских семей, я поняла, что именно эти связи, их желанная крепость и самоценность, так характерные для семейственности моих соотечественников, и являются той главной категорией, в достижимость которой не очень-то верят люди, размышляя, а не взять ли ребенка в семью.

Этот факт оказался для меня сюрпризом, но сюрпризом приятным. Потому что я сама устроена так же: мне мало вырастить ребенка и отпустить его в самостоятельную жизнь. Для меня важно, чтобы мой ребенок, живя своей самостоятельной жизнью, связей со мной не утрачивал, чтобы мы оставались нужными друг другу с годами, разве что, пусть бы нужность эта видоизменялась со временем. Пусть бы с ней происходили метаморфозы, как, например, это случается с настоящей дружбой, но пусть бы сохранялось главное. Как говорил в своем бессмертном стихотворении Роберт Бернс: «Ты свистни, тебя не заставлю я ждать». Поэтому, конечно, я разделяла подобные чаяния людей, окружающих меня.

И так случилось, что в ту пору рядом со мной оказалось несколько человек, задававших себе вопрос о приемном ребенке. То были прекрасные, но не очень решительные люди, которые хотели бы сделать этот шаг, но что-то в их внутренних потребностях никак не могло состыковаться с реальностью, которая под разными соусами гласила: «Вы растите ребенка не для себя, ребенок — свободный человек!» И даже если мои соотечественники соглашались с тем, что нужно подходить к вопросу выращивания детей социально и как к гражданской позиции, все равно в глазах людей оставался отблеск тоскливого и тревожного недоумения: «Как же так? Но это же будет МОЙ ребенок, какая тут может быть позиция? Я же ДУШУ в него вложу, я же ЛЮБИТЬ его буду, он же МОЙ!»

И решение по взятию ребенка в семью откладывалось.

Так для меня стало ясно, что большинство россиян хочет не просто взять ребенка, им этого недостаточно. Россияне хотят, чтобы ребенок, пришедший в их жизнь, стал ИХ ребенком, чтобы о нем можно было бы по праву сказать «Он — мой», и чтобы связь «родители — ребенок» была нерасторжимой. Осознается это или же нет, но тут присутствует ярко выраженное желание видеть продолжение традиций и устоев своей семьи, знать точно, что нить не оборвется.

Получается, что внутренне мои соотечественники предъявляют к союзу «усыновитель-ребенок» или «опекун-ребенок» не просто куда более суровые требования, чем в других странах, но относятся к заключению такого союза даже более строго, чем к браку между женщиной и женщиной, где разводы допускаются, а порой еще и ожидаются с нетерпением. К вопросу приема ребенка в свою семью россияне подходят с невиданным для нашего, во всем стремящегося к сепаративности времени, максимализмом.

Тот факт, что расторжение созданных отношений между взрослым и приемным ребенком практически всегда воспринимается россиянами как самая настоящая трагедия, тоже подтверждает наше особое отношение к теме. Он показывает, как резко такой подход отличается от чисто социального подхода, когда отдать обратно ребенка, который не совместился с семьей, не только не драма, а простой и разумный ход. Печальный, но и только.

Кроме того, мне показалось фактом, что безобидная, на первый взгляд, фраза «вы растите ребенка не для себя, ребенок — свободный человек» воспринимается моими соотечественниками как прогорклое «масло масляное». Как будто словосочетание «мой ребенок» само по себе делает дальнейшую свободу этого ребенка невозможной. Именно так многие перспективные российские приемные родители реагировали на попытку некоторых специалистов объяснить, что, беря на воспитание ребенка, растить его надо, а вот привязывать — нет. Именно тут и начинался порой неосознан-

ный бунт устоев: МОЙ ребенок НЕ ПРИВЯЗАННЫМ ко мне быть не может!

Не только разделенность, но и упрощение нашему времени свойственно. Лозунги «не усложняй», «будь проще», которыми последние годы была наполнена реклама, уже вошли в обиход, как ценности нового времени. И «лучи» этих новомодных «светил» в той или иной степени касаются основных пунктов нашего бытия. Кроме вопроса сиротства в России, который был и остается драматичным и жертвенным, — в соответствии с общественным мнением и традициями.

Несмотря на стремительно меняющийся мир, россияне по-прежнему уверены, что, забирая ребенка в семью, они берут на себя тем самым, пожизненную ответственность за него. И они готовы к этому шагу! Лишь бы только им «совпасть», лишь бы только встретить «своего» человека, лишь бы только принести свою любовь туда, где она придется впору.

Этот подход, такой неудобный для решения нашей проблемы, тем не менее, вызывает во мне горячее сочувствие, хотя я и понимаю комплексность причин, которые за этим стоят. Надо признаться, я и сама прошла через такие состояния. Много лет изо дня в день я боролась за то, чтобы каждый детеныш, которого я посчитала своим, моим навсегда и остался. И чтобы я во веки веков была Его МАМОЙ, на которую можно надеяться, что бы ни случилось. МОЙ ребенок должен был точно знать, что мама его не подведет. Но и мне, в свою очередь, было необходимо, чтобы я тоже могла безошибочно знать: каждый из моих детей, нет, ВСЕ МОИ ДЕТИ ПРИДУТ, если мне понадобится их помощь. И даже если я не позвала, все равно придут и сами спросят, как я жива. На меньшее я не соглашалась, но понимала: ради пресловутого стакана воды придется сначала вычерпать океан.

И потому, что со мной все это было именно так, мне кажется сейчас особенно важным помочь тем моим соотечественникам, которые устроены похожим образом, российским максималистам

и идеалистам, ставящим любовь превыше всего рационального и верящим в нее несмотря ни на что.

Я хочу немного облегчить задачу тем моим соотечественникам, для которых «жить трудно» все еще заповеданная программа, чтобы эту программу, наконец, изменить. Тем российским женщинам и мужчинам, кто не растратил любви, отпущенной на их век, и для кого ресурс именно любви, а не материальных средств и даже не физических сил является определяющим в решении принять в свою жизнь не ими рожденное дитя. Поэтому все, что я буду писать далее, будет исходить именно из следующего постулата:

Я хочу, чтобы мой приемный ребенок не просто вырос счастливым и успешным, но чтобы он навсегда стал для меня моим родным человеком, и чтобы наши связи только крепли с годами, как росли бы наша потребность друг другу и наша любовь.

Все эти методы, безусловно, подойдут нам в общении и с кровными детьми, как мы увидим дальше, разница в подходах невелика. А желание, чтобы ребенок стал «своим», конечно же, не означает, что мы будем фанатично воспитывать его «под себя» — без учета веяний времени, требований социума или его, ребенка, склонностей и родственных связей. Мы попросту не имеем права сбрасывать эти связи со счетов, будь то родственники приемных детей или бывшие супруги, а также их родня. Это также не означает, что мы отстающие утописты, надеющиеся на что-то невозможное. Я собираюсь доказать, что и в наше время взаимная потребность между взрослыми детьми и их родителями реальна и достижима, и что это самая здоровая и правильная форма отношений между родственными поколениями людей.

Размышляя о том, как же нам воспитывать ребенка, будь то ребенок кровный или рожденный из сердца, мы постоянно будем говорить о любви. О зрелой и умной любви, которая все время растет и готова преображаться ради того, кому посвящена. О любви, способной обуздывать эмоции, анализировать свои действия и нести ответственность за каждый свой выбор и за каждое свое слово.

Мы будем стараться понять, как, сохранив свойственное россиянам стремление вырастить ребенка в любви и традициях своей семьи, соединить это наше, такое дорогое для меня, российское качество семейственности, с практически повсеместным понятием того, что любая форма замещающей семьи — социальная норма. И что здоровое общество только так и может на этот вопрос смотреть.

И мне кажется, прежде чем мы начнем всерьез готовиться к приему ребенка в семью, нам нужно убедиться, что мы действительно готовы для важных перемен в жизни. Что мы — зрелые люди, способные анализировать свои реакции, понимать причинно-следственные связи и управлять своими эмоциями. Или, иначе говоря, что мы умеем держаться в седле и в случае неожиданности не вылетим из него кувырком.

Пример, который я сейчас приведу, поможет нам перейти к теме самоуправления. Хорошо, если мы вдруг случайно узнаем себя в ком-то из действующих лиц. Это может быть подтверждением для нас, что мы действительно готовы к работе над собой.

— *О!* — замечает мама. — *Ты наконец надела эту кофту!* (Мама подарила эту кофту дочке, не раз предлагала ее надеть, но дочь не соглашалась, расстраивалась и считала, что кофта ей не идет).

— *Да,* — радостно кивает дочь, — *тетя Наташа приходила и так здорово расписала, какая я в этой кофте, что я решила ее носить!*

— *Ну, конечно!* — мама скептически кривит рот. — *Если я тебе говорю, тебе хоть бы хны, а тетя Наташа сказала, так ты сразу ее послушала!*

Что тут происходит? Мама опосредованно получила результат, к которому стремилась: дочь надела то, что мама считала подходящим. Маме бы радоваться, она этого и хотела! Однако мама вовсе не чувствует себя счастливой. Ведь дочь послушалась не ее. И тогда она двумя фразами «срубает» только что проросший результат. Мама, во-первых, не поощряет дочь в ее выборе, во-вторых, принижает в глазах дочери авторитет подруги, в третьих, гасит радость ребенка, который, будь сейчас похвален, почувствовал бы уверенность в себе,

устойчивость, надежность и близость к маме, а также благодарность, которую нам очень полезно чувствовать друг к другу.

И что мы можем о такой маме сказать? Владеет ли она собой? Знает ли, чего хочет на самом деле? Или она, управляемая минутой и случайным стечением обстоятельств, просто болезненно реагирует на событие, которое, как ей кажется, подрывает ее авторитет? При этом о самом ребенке, да и об авторитете тоже эта мама не думает вовсе. Ведь стоило ей сказать: «Конечно, как я рада, что у вас обеих такой отменный вкус, ты и вправду красавица у меня!», и тут же авторитет, о котором мама якобы печется, сразу бы возрос. Кроме того, поощренная дочь в следующий раз отнеслась бы к выбору мамы более мягко. И, что не менее важно, ее дальнейшие отношения с подругой мамы могли бы носить открытый и доверительный характер. Но, увы. Случилось неожиданное. Ведомый эмоциями и страстями, человек среагировал болезненно и «вылетел из седла». Все возможные бонусы ситуации были этой мамой мгновенно утрачены.

Вот бы так сделать, чтобы никогда не забывать мудрых слов немецкого философа Артура Шопенгауэра: «Как лекарство не достигает своей цели, если доза слишком велика, так и порицание и критика, когда они переходят меру справедливости»...

В нашем примере мы видим спонтанную реакцию, продиктованную обидой, уязвленным самолюбием, ревностью. Мама девочки, безусловно, любит свою дочь, ведь она ревнует ее, и о ревности мы в этой книге будем немало рассуждать. Но это та самая «безумная любовь», одна из ее множественных личин, которая шагает как попало, поступь которой неверна. Ведь мама не осознает, что с ней происходит. Кроме того, она понятия не имеет, какую весть приносит ее реакция дочери. И это не мама управляет собой, потому что она, конечно же, не стычек и раздора между собой и дочерью хочет. Ею управляет нечто привычное, застарелое.

И я называю это —

Глава 2.

КНОПКИ

Когда мы говорим, что кто-то прекрасно владеет собой, что именно мы имеем в виду?

- что человек не теряет поведенческого равновесия
- что его эмоции стабильны
- что он не зависит от окружающих мнений
- что он четко держит свою линию, не срывается и не ожесточается, если рядом что-то идет «не так», при этом по своему здравому решению, он способен продемонстрировать как несгибаемость, так и компромисс. Он не опускает рук, склонен искать выход, а не виноватых. Он не драматизирует ситуацию и из возможных вариантов всегда выбирает оптимальный, иначе говоря, он:
  - мастерски управляет сложным механизмом под названием «Я».

Мне представляется пульт управления человека самим собой ничуть не менее сложным устройством, чем пульт управления каким-нибудь космическим кораблем. Но надо оговориться: обсуждая наши *кнопки*, давайте условимся, что все системы у нас работают нормально. Или лучше, выражаясь ненаучно, скажем так: они работают более или менее нормально. Такое положение вещей не годится для космического корабля, но вполне жизнеспособно для человека.

Однако даже при том, что мы живы, здоровы и вполне нормальны, лучше бы нам все-таки не забывать, что, чем больше кнопок на пульте управления у нас «залипает», тем менее комфортным и даже безопасным будет наш полет, а именно, наша жизнь.

К сожалению, наблюдая за поведением людей, практически у каждого мы можем встретить широкий спектр привычных, но неосознанных реакций. Однажды человек сталкивается с неприятной ситуацией, реагирует на неё отрицательно, и мозг делает отметку об этом, «записывает» информацию о случившемся. В следующий

раз при похожем случае мозг «опознает данные» и дает команду для аналогичной реакции. При этом может оказаться, что случай этот похож на предыдущую ситуацию чисто условно. Но реакция произошла и закрепилась, значит, она с еще большей вероятностью воспроизведется в следующий раз. Если реакция становится привычной, человек, в самом деле теряет способность самоуправления и переходит к неисправному «автопилоту». Такова природа возникновения кнопок.

Как часто мы можем слышать: «Меня это бесит!», «От этого мне всегда делается тошно», «Я ненавижу вот эти звуки» или «эти вещи». Но часто, задав вопрос «почему так?», мы на него не находим ответа. Однако за каждой такой реакцией стоит какой-то конкретный случай, когда эти «бесит», «тошно», «ненавижу» случились с нами впервые. Все это когда-то превратилось в *кнопки* для нас, и с тех пор в важный момент жизни наше настроение может испортиться только потому, что рядом раздался «тот самый» звук, «красной тряпкой» промелькнул «тот самый» сигнал. Или вот, в научных изысканиях существует гипотеза, что все мы болезненно реагируем на звук железа по стеклу потому, что этот звук очень похож на крик-извещение об опасности, которые издавали когда-то наши предки обезьяны. Это *кнопки* памяти генетической.

Но не слишком ли их много?

Девушка увидела чудесные ромашки, купила букет, принесла домой и поставила в вазу. Ночью она проснулась от удушья. Как выяснилось позже, это ромашки, запах которых на улице рассредоточивался, в доме при закрытых окнах вызвали сильнейший приступ аллергии, отек. Конечно, эта девушка больше никогда не покупала ромашек домой. Но вскоре после той ночи она стала спать при свете ночника, потому что стоило ей проснуться в темноте, как у нее тут же возникал приступ удушья. Сильная отрицательная эмоция, однажды пережитый испуг, и у человека возникла патологическая реакция, из которой вполне могла сформироваться фобия.

Вот такие скверные шутки способна шутить с нами наша ассоциативная память, запоминая «раздражитель» без анализа причин. Сначала происходит что-то, на что мы реагируем негативно, а затем стоит возникнуть похожей ситуации, как человека тут же «несет». Причем, «нести» может куда угодно: в агрессию, в панику, в истерию, в радость безудержную, даже в апатию. Особенность же тут состоит в том, что наступления реакции человек поначалу не контролирует, ему кажется, что все так и должно быть, а чаще, что в его состоянии виноваты обстоятельства или кто-то другой.

Мужчина зрелых лет захотел проявить внимание к своей жене и налить ей чаю. Но в тот момент, когда он уже поднял чайник, женщина решила что-то взять и сделала шаг, которого муж не предусмотрел. Он выронил чайник и слегка ошпарил свою жену. Случилась ссора, в которой муж оказался виноват «со всех сторон», жена обвинила его в невнимательности и нерасторопности, чуть ли не в намерении причинить ей боль. Это показалось мужу настолько обидным и несправедливым, ведь ему-то хотелось жену порадовать вниманием, что он поссорился с ней и из кухни ушел. Супруги, конечно же, скоро помирились. Но с тех пор, стоило жене начать малейшее движение по кухне, когда муж имел дело с кипятком, он взрывался упреками в ее адрес, придираясь по мелочам. Эти муж и жена даже перестали есть одновременно, и так продолжалось довольно долго, пока их гость-психолог не разобрался в ситуации и не помог супругам вновь обрести мир.

Случается, что патологичной ситуации даже не приходится возникать. У некоторых людей при одном воспоминании о неприятных обстоятельствах обостряются проблемы с дыханием, возникает кашель, начинают дрожать руки, появляются неприятные ощущения в районе солнечного сплетения. Порой подобные явления могут стать началом развития фобии, то есть, наличие кнопок в нашем сознании может привести к серьезным последствиям. Это все имеет прямое отношение к тому, как мы ведем себя с нашими детьми, поэтому я приведу еще примеры, прежде чем, мы вместе проанализируем их.

Одна женщина посчитала себя виноватой в конфликте сына и его жены. Но думать об этом ей не хотелось. Через пару дней невестка позвонила, чтобы узнать о самочувствии свекрови. Женщина почувствовала только, что при звуке голоса невестки, сердце у нее учащенно забилось и как будто «полетело» вниз. В следующий раз, увидев на мониторе телефона имя жены сына, эта женщина снова почувствовала тот же симптом. «Сердце падало», но, не увязывая этого состояния с чувством вины, женщина вновь и вновь испытывала раздражение против жены сына. История могла бы вырасти в конфликт, как случается тут и там.

Или вот — навязчивый импульс чесания при соприкосновении или сближении с чем-то чрезвычайно неряшливым или нездоровым. Это тоже случается часто, и я была свидетелем, как одна моя знакомая, приходя к нам в детский дом с самыми лучшими побуждениями, почесывалась, глядя на ослабленных и бледных детей, особенно если они поступили недавно и перенесли чесотку, которая оставила на их коже расчесы. Так выглядят психосоматические, физиологические *кнопки*.

*Кнопки очень разнообразны по проявлениям.
Но все-таки, их возможно отследить.*

Все то, что заставляет нас действовать необдуманно или вопреки собственному сознанию, я и представляю, как неработающие *кнопки* на пульте нашего самоуправления.

Кашель, тремор и одышку нельзя не заметить, и ведь они очень часто бывают не следствием заболевания, а только сигналами психосоматики. И эти *кнопки*, по крайней мере, своим владельцам видны.

Но мы-то обходимся без кашля, и руки у нас не дрожат! Только вот все равно оказывается, что даже если в связи с этим открытием мы воскликнем хором: «Нам не страшен серый волк», предусмотрительными Наф-Нафами мы, тем не менее, не станем. Потому

что существует масса неосознанных и неконтролируемых нами реакций, о которых мы знать не знаем, и, как правило, совершенно не склонны соглашаться, что что-то там у нас «не то» с нашим мифическим «пультом управления». Нам просто необходимо верить, что все у нас под контролем. Настолько, что порой мы забываем о цене, которую платим за самообман.

А примеров того, как «кнопки» портят нам жизнь, повсюду во множестве. Мне хочется показать их как можно больше, и я собираюсь делать это на протяжении всей книги, чтобы мы получили хотя бы основные ориентиры, если всерьез решим пусть не починить полностью, то хотя бы вычленив наши ведущие «кнопки», которые чаще всего впервые «залипают» в моменты наших страданий и неудач. Нам надо взять их под контроль, чтобы починить. Потому что с каждой такой «отжатой», починенной кнопкой наша жизнь становится немного комфортнее и существенно понятнее. То есть, жить нам становится лучше!

Моя мама умерла, когда мне было 19 лет. Тогда это для меня был шок, и я не плакала. Впервые заплакала я спустя время, когда умерла мама у одного человека из близкого моего окружения. Я хорошо помню ту волну горя, которая меня накрыла, когда впервые прорвались слезы. Мне казалось, я искренне и безудержно сострадаю осиротевшему человеку, и в некотором смысле это так и было, но главенствовала во мне все же боль собственная, я выплакивала свои застарелые слезы, правда, этого не понимая. Мне удалось понять, что со мной происходит, далеко не сразу, когда в сознании у меня «свелись воедино» несколько случаев подобных моих же реакций. Стоило у кого-то умереть маме, как я бросала любые дела, забывала обо всем и только рыдала, вроде бы от сострадания, а на самом деле, погружаясь в свое старое состояние горя. Так я познакомилась со своей первой *кнопкой* и задумалась о том, где еще эти *кнопки* можно встретить.

Одна молодая женщина жила с самым распространенным комплексом, который существует у людей, — неуверенностью в себе. После декретного отпуска эта женщина вышла на работу и обнару-

жила, что некоторые сотрудники не воспринимают ее. Это настолько женщину пошатнуло, что впору было увольняться. Однако при первом же нашем разговоре вскрылся любопытный факт.

— *А как эти люди ведут себя с другими?* — спросила я.

Оказалось, что ответа на простой вопрос у женщины нет, потому что вопросом этим она не задавалась. Но, подумав и понаблюдав, она выяснила, что те сотрудники, чье отношение к себе ей так не нравилось, с другими ведут себя точно так же. То есть, происходящее никакого отношения к ней не имело. Но ведь она именно так, на себя, воспринимала реакции людей! Делала выводы и формировала свое отношение к коллегам, исходя из ошибочных суждений. И кнопкой болезненного реагирования была в этой женщине глубокая уверенность в том, что она сама по себе, мало что ценного представляет.

Это мнение сформировалось у нее из-за того, что она много лет хотела пойти учиться, получить образование, но постоянно это решение откладывала. Все ее знакомые ровесники давно ее в этом плане обошли, она болезненно реагировала на победы близких, но сама никаких действий в этом направлении не предпринимала и оставалась втайне недовольной собой. И, поскольку менять себя все же сложнее, чем находить причину в других, то *кнопка* на ее пульте самоуправления постоянно выдавала ложный сигнал предвзятого отношения окружающих.

И мы видим, что происходит дальше: виновата не я, значит, мне ничего в себе менять не надо. Это все они!

Ну что же, пусть остается залипшей *кнопка*. Печально только, что все это означает одно: кто-то не умеет собой управлять. А ведь другими, в частности, детьми, пытается. И добавляет новые графы в список своих неудач.

Чем более несовершенен наш пульт самоуправления, тем больше людей и обстоятельств мы посчитаем виновниками, пыта-

ьясь свои неконструктивные реакции оправдать. Искать причину вовне — это кажется всегда безопасней, чем даже заподозрить ее в себе самом, предположив, что не люди и не обстоятельства, а что-то, неверно срабатывающее в себе самом, приводит нас к неожиданным нежелательным результатам.

Кнопки действительно изобретательны и по природе возникновения разнообразны. Испуганная в подъезде женщина (и этот пример совсем понятен и прост) после инцидента с хулиганом отказывалась входить в подъезды домов одна. Можно сказать, какая же тут «кнопка»? Это просто «пуганая ворона куста боится» и «обжегшись на молоке...» Однако, дело в том, что любая *кнопка* возникает аналогично. Я и привожу этот пример для того, чтобы подчеркнуть: *кнопки* «залипают» от неприятных эмоций, от пережитых нами обид и потрясений. И неважно, что хулигана давно отвадили. Кнопка испуганной когда-то женщины сигналил об опасности беспрестанно.

Так и мы имеем в арсенале целый набор мысленных рогаток, чтобы отстреливаться от обидчиков. Правда, как мы видим теперь, вовсе не факт, что в момент «залипания» *кнопки* кто-то на самом деле хотел обидеть нас или испугать. А уж последующие ситуации и вовсе от этого далеки. Но: мы когда-то испугались, огорчились, пережили обиду, разочарование и, в дальнейшем, стоит нашему подсознанию уловить что-то подобное в поведении других людей, как реакция приходит незамедлительно: мы возмущены, встревожены, деморализованы. Мы снова что-то, к нам не относящееся, приняли на свой счет.

И вот — мы выбиты из седла.

В результате, нас раздражает хороший и полезный человек, мы лезем на рожон там, где полно обходных путей, обижаемся на ребенка, приписываем людям эмоции, которых они в нашу сторону не испытывали...

Мы ошибаемся в оценке того, что нас окружает.

Что же нам делать? Ведь мы не можем взять на себя ответственность за другую судьбу, если не умеем правильно управлять собой.

Что же делать всем нам, чтобы привести в порядок наши пульта управления?

Чтобы наши судьбы не ломались из-за того, что направлено не на нас?

Чтобы не рвались нужные связи?

Чтобы, наоборот, не завязывались связи балластные и отягощающие?

Что делать, чтобы не страдали наши любимые?

Чтобы счастливыми росли наши дети?

Сколько ужасных вещей может произойти только потому, что где-то в глубинах наших ассоциаций «залипла» *кнопка* адекватного восприятия жизни!

Прежде всего, нам нужно ответить на вопрос: чего в этой жизни мы хотим от себя. Какими людьми хотим мы в ней быть? И если мы действительно хотим не зависеть в наших оценках и поведении от наших прежних состояний, от навязанных штампов, от неосознанных реакций, если нам нравится быть не угрюмыми жертвами, а людьми, настроенными на победу, которая начинается с победы над собой, то тогда у нас есть шанс на перемены. Ведь иногда, чтобы «отжать» свою *кнопку*, достаточно ее осмыслить, всего-то взять под контроль, и накал страстей на глазах начинает спадать. Вообще, нахождение кнопок в себе самом — всегда зарождение интересного периода по улучшению своей судьбы.

Рецепт начала работы прост. Если вдруг мы застали себя за тем, как нас возмутило или очень сильно встревожило нечто, давайте спросим себя: «Почему это происходит со мной? Что эта ситуация мне напоминает? Когда это впервые случилось со мной?» Задав эти вопросы честно, если мы не пойдем на поводу у больного самолюбия, то непременно нащупаем ответы. Правда, поначалу они могут нас обескуражить. Ведь неприятно осознать себя марионеткой собственных эмоций и фантазий.

Но зато это шаг к свободе, к новому уровню сознания. Потому что именно оно, сознание наше, и скрывает от наших пристальных глаз способы, при помощи которых обретается свобода подлинная — свобода понимать самого себя.

Если не испугаться и пойти дальше по этому пути, то очень скоро наша жизнь наполнится богатыми ощущениями, которые придадут нам силы и уверенности в себе.

Мы перестанем быть рабами прошлого и случайного, понемногу становясь действительно свободными людьми, которые на любых дорогах и в любую погоду прекрасно держатся в седле своей судьбы. Только тогда мы и сможем надеяться на то, что нам удастся воспитать наших детей так, чтобы они состоялись.

Только умея управлять собой, мы можем взять на себя ответственность за кого-то еще. Например, за приемного ребенка, о котором мы последнее время думаем постоянно. Теперь у нас появляется право стать для него проводником на «минном поле» жизни, сталкером «в зоне» неведомого мира за окном, пока сам ребенок формируется и взрослеет.

Итак, мы можем начинать наше строительство.

Что же мы собираемся строить?

Дом. Мы собираемся строить дом, который будет стоять крепко. Дом, в котором правильно рассчитаны нагрузки.

Дом, в котором несущая стена никогда не скажет фанерной перегородке: «Постой тут, поддержи чердак».

Дом, в котором о каждой вещи будет точно известно, какую функцию она выполняет, и кто отвечает за нее.

Дом, в котором младший не спихнет с дороги старшего и не обидит его.

Дом, в котором существует Закон, поддерживается Порядок, хранятся Традиции, и соблюдается Иерархия.

Дом, вокруг которого будет разбит сад.

А поскольку нас много, это значит, что мы построим целые города в цветущих садах. Это будет удивительная страна! Но чтобы это стало возможным, какой наша страна должна быть?

- той, где Закон обеспечивает порядок для всех жителей государства;
- той, где нет криминала, а значит, там Закон действительно в силе;
- той, где все структуры работают исправно, а значит, и с порядком все в норме;
- той, которая помнит свои ошибки и чтит своих героев, а значит, традиции в ней сильны;
- той, где окружено заботой детство, где умеет трудиться зрелость, и где старики спокойны за свою старость, а значит, иерархия там соблюдена;
- той, которой, как крепкой и дружной семьей человек неизбежно гордится.

Именно в такой стране человек может чувствовать себя по настоящему свободным. Потому что ему гарантированы и труд, и защита, и отдых. А самое главное — ему гарантировано чувство достоинства, без которого, чем бы ни прикрывались, люди не чувствуют себя счастливыми.

«Силовыми линиями» и «напряженностью» называл эти гарантии в своей бессмертной «Цитадели» Антуан де-Сент Экзюпери. И мы сейчас представим себе ту страну, в которой безопасно жить нашим детям. И построим ее в своем домах. Или же осознаем то, что уже существует, и подумаем о ремонте, если он требуется.

Глава 3.

ЗАКОН И ПОРЯДОК В ДОМЕ

Порядок — это внутренний закон семьи. Не более того. Это то, как данная семья считает правильным существовать. Это то, что одна конкретная семья определила комфортным, разумным и полезным для всех ее членов.

И порядок, этот самый внутренний закон, я воспринимаю как арматуру дома и семьи.

Порядок, который устанавливается ответственным в семье лицом, порой, — ответственным по умолчанию.

Чаще всего за порядок в доме отвечает женщина. Она же, как правило, порядка требует.

Мы ведь не можем потребовать от наших детей ничего сверх того, что требуем от себя, сверх того, что выполняем сами. Хочется

сказать «неукоснительно», но не скажу. Отступления от каких-то неосновных пунктов этого порядка-закона иногда быть могут. Но это должно быть осознанно, чтобы не получилось, как в следующих примерах.

Мама, озабоченная стройностью своей фигуры, держит шкафы, полными фаст-фуда, который сама не ест. Теоретически, детям такая еда тоже ни к чему. Но удобна изредка. Дети, однако, никакого «изредка» не понимают и таскают чипсы, печенье и кукурузные хлопья постоянно. Мама одергивает детей, дети толстеют. Вскоре становится странным, как у такой тонкоствольной мамы получились такие пышки. Доброхоты об этом маму даже спрашивают. Мама уязвлена, она более строго говорит с детьми. Продолжая наполнять шкафы теми же продуктами. И мы понимаем с вами, что в этом примере нет борьбы за здоровье детей. Мама занята собой, а заботу о детях она саботирует. Слова говорит правильные, а «легкую еду» в шкафы складывает. Вроде, не для них положила. Вроде, не она виновата.

Бабушка, не отходящая от сериалов, тем не менее, гоняет внука от боевиков.

Родители, любящие вечеринки и часто проводящие вечера вне дома, возмущаются, когда их слегка подросток чадо начинает где-то пропадать по ночам.

Родители, убегающие на работу с чашкой кофе в желудке, негодуют, почему ребенок не ест на завтрак кашу.

Папа, проводящий досуг за лежанием на диване, читает детям проповеди о пользе спортивных занятий.

И таких примеров можно привести множество.

К сожалению, большинство из нас не проводит прямой связи между собственными поступками и теми привычками, которые наши поступки формируют в наших детях. Не могу сказать, что

это всегда работает на сто процентов. Но если в доме не принято, например, застилать постель по утрам, вряд ли стоит ожидать, что подростские дети начнут следить за тем, чтобы покрывало на кровати было расстелено ровно. Это может случиться, если наши дети, возненавидев наш пример, или (реже) проанализировав его, сознательно выберут вести себя иначе в своей взрослости, чтобы не быть похожими на нас. Но чаще случается наоборот: или порядок потом в своих домах дети устанавливают такой же (чаще дочери, следуя примерам матерей), либо еще ниже опускают планку порядка, потому что это — всемирная тенденция: «как вы мне, так и я вам», «им можно, а мне нельзя?» Или вот еще один аргумент: «У других и того хуже!»

Порядок также напрямую касается нашего языка, и вот это ни для кого не новость. Все речевые обороты, все наши вольности дети перенимают так же тщательно, как способ, которым мы порядок в доме обустраиваем.

Приведу в качестве примера зарисовки двух семей.

В одной из них обеды проходят так. Если подается первое, рядом на отдельной тарелке у каждого лежит хлеб. Если в супе мясо с косточкой, то для косточки подаются специальные блюдца. То есть, вне зависимости от того, что именно подано на стол, каждую минуту обеда на нем сохраняется опрятность. Дети в этой семье довольно рано и по собственной воле начинают пользоваться вилкой и ножом. Если на третье подается компот, косточки там не выплевываются, а выкладываются на чайную ложку и затем в специальные розетки. И неважно, считаем ли мы такой порядок завидным или же ненужным. Не признать того, что в этой семье порядок существует, мы не можем, и это главное.

В другой семье люди чувствуют себя комфортно, складывая косточки от курицы рядом с тарелками на клеенку. Они спокойно могут сплюнуть косточки от компота в руку, чем не шокируют никого. И это не говорит, что члены этой семьи хуже по человеческим качествам, чем люди из предыдущего примера. Может быть,

совсем наоборот. Просто таков порядок их дома. Он другой, но он существует.

И сейчас я хочу сказать, что тот порядок, который мы в наших домах устанавливаем, очень сильно влияет на наши отношения друг с другом. Чем этот порядок четче, чем он более осознан, чем более осмысленно он соблюдается, тем легче «упорядочить» и то, что у нас происходит с детьми, тем больше у нас наглядных примеров, которые мы можем им привести, тем меньше у наших детей оснований не верить нам. «Порядок возникает, когда поведение зависит от намерений, а не от импульсов», — напоминает нам Гордон Ньюфелд. Именно поэтому нам так важно осознанно ответить на вопрос, чего в этой жизни мы хотим от себя, и какими людьми намерены мы в ней быть.

К сожалению, жизнь сейчас настолько поспешна, что множество мелочей, из которых порядок в доме слагается, проходит мимо нашего внимания. Дальше все идет по цепочке. Мы упрощаем требования к самим себе, наши дети пытаются освободиться от «замшелых традиций». По моим наблюдениям, как бы дети не «брыкались», пытаюсь избавиться от наших правил, если в доме порядок явный, то большинство из его атрибутики дети все же уносят с собой в самостоятельную жизнь, когда вырастают. При этом надо подчеркнуть, что строгий порядок не навязывается, он существует органично всем действиям членов семьи, и строг он только тем, что крепок.

Еще одно преимущество осознанного порядка мы можем видеть тогда, когда у нас в доме появляется приемный ребенок, которого мы должны в наш порядок ввести, чтобы порядок этот у нас стал общим, а закон — единым. Это могут быть также невестка или зять, если жизнь распорядилась так, что жить нужно вместе. И нам только кажется, что установить некие законы в доме сложно. Может быть, поначалу. Но потом закон и порядок работают на нас. Если в доме все, в самом деле, хорошо построено, новый член семьи, как правило, легко принимает то, что ему предлагают. Да и всем «старым» жить намного удобней и проще.

Дети наблюдают, как мы ухаживаем за собой и за вещами, насколько мы внимательны к другим членам семьи, как взрослые разговаривают друг с другом, как проявляет свою заботу хозяйка семьи, как мы отзываемся на звонки друзей или соседей, как комментируем высказывания родственников и знакомых. Все это дети считают и наследуют. Чтобы потом понести с собой или перечеркнуть, если мы умудрились вызвать в них желание не быть похожими на нас.

Сейчас вполне в духе времени кому-нибудь возразить, что у детей своя жизнь, и как они ее проживут, это их дело. Я не разделяю этих убеждений в плане традиций и законов семьи. И мне было бы очень обидно, если бы дети мои, особенно дочери, потому что в доме мужчина порядок устанавливает редко, не захотели бы взять с собой во взрослую жизнь мои ценности. Я бы хорошо подумала, чтобы понять, что мной сделано не так. Ведь то, что привито с разумной любовью, не сбрасывают.

Глава 4.

ТРАДИЦИИ И ЦЕННОСТИ

Если представить, что машина с пассажирами — это Порядок, ответственность за состояние машины и дороги — это Закон, то Традициями тогда можно будет назвать манеры поведения пассажиров на борту.

И правда. Какая машина, насколько в ней комфортно, насколько опытен и ответственен водитель, пристегнуты ли пассажиры, есть ли у каждого ребенка безопасное кресло, хватит ли запасов воды и еды для длительного пути, предусмотрены ли предметы гигиены... Вот это Порядок и есть.

Исправна ли машина, заправлена ли она горючим и маслами, омываются ли окна, не залипают ли блокировки дверей, оборудована ли она огнетушителем и подушками безопасности. А дороги? Да, дороги, по ним можно ездить? Или они в колдобинах на каждом метре пути? На Закон похоже, мне кажется.

Включает ли водитель сигнал на повороте или пренебрегает этим, относясь к себе как особо важной персоне? Соблюдает или нарушает правила обгона, хранит ли дистанцию, держит ли интервал? Притормозит ли он, увидев пешехода? Выбросит ли окуроч в окно или ему это даже в голову не придет? Так выглядят традиции наших семей, наших домов, где в каждом жесте угадывается характер владельца или члена семьи. Ведь все наши поступки, наши действия и реакции действуют так, словно рука невидимого мастера рисует черты лица города, в котором живем. Нашей страны.

Что дорого человеку, что для него важно, во что он верит. Как он станет есть, куда денет салфетку, после того, как вытрет ею руки... Все эти мелочи, на самом деле — наши сокровища, наши ценности. Это тоже «силовые линии», но силовые линии уже именно нашего рода-племени.

Наши традиции связаны с понятиями закона и порядка в семье напрямую.

Дедушка приезжает в гости, и всей семьей взрослые и дети выходят ему навстречу. Папа принимает у своего уже очень молодого отца трость и пальто, мама протягивает папе вешалку, чтобы слегка влажное от мороси пальто деда не измялось на крючке. Старший сын семьи забирает у дедушки его портфель, младший сын готовит тапочки. Эта семья так заботливо встречает дедушку, что друг старшего сына, мальчишка немного дерзкий, за столом и не думает вести себя по привычке. Он во все глаза смотрит за тем, как ухаживает за дедом дружная семья, и сам уважительно говорит со стариком. Еще один приятель ребят не так открыт. Он наблюдает за семьей немного исподлобья, и с дедом пока заговорить не отваживается. Отец семьи похлопывает его по плечу, ободряя. В этом доме все внимательны друг к другу и способны оказать своевременную поддержку тому, кто неожиданно растерялся. И, конечно, у нас есть все основания предполагать, что выйдя из дома, члены этой семьи не утратят способности с уважением и вниманием относиться к людям.

Нельзя не заметить, что в семьях, где традиции сильны или хотя бы явно очерчены, дети растут более устойчивыми, словно наши традиции являются своеобразными мостами и перилами для маленьких людей, пока они взрослеют.

Но почему «словно» и почему только для маленьких? Традиции и есть то, что помогает нам не сбиваться с курса во многих жизненных ситуациях. Это могут быть национальные или культурные традиции, искусственно созданные индивидуальные ритуалы, которые повторяются постоянно, создавая для членов семьи только их условный язык.

Праздники, которые непременно проводятся всей семьей дома, некоторые даты, когда нужно обязательно навестить старшее поколение, сейчас мы следим за этими традициями, а позже их станут соблюдать наши дети. Привычка дарить подарки друг другу, печь

вкусные пироги по выходным или же выезжать на природу, походы в музеи или театры, любые мероприятия, которые всех объединяют, — это цементирующие ритуалы, это то, что со временем не обесценивается. Обычаи проявлять внимание к друзьям своих детей и их интересам, а также к интересам друзей пожилых родителей, которые, к примеру, сами не могут уже купить подарок своим знакомым на день рождения, эти традиции и есть наши ценности, о которых рассказывать нужно, объясняя их значение и важность. Ведь за ними стоит основа основ — отношение к людям.

Помните, может быть, как в детстве мы изобретали «иностранные» языки, прибавляя к слогам в словах «ки» или «пи». У моего поколения такое было. Этот условный язык делал нас заговорщиками, общниками. Нас увлекала детская тайна, репетиция маленького социума, у которого ценности одни. Этот пример относится к искусственно созданным ритуалам, которые нас объединяют. Тут может быть что-то совсем простое, как щелчок пальцами, а может быть «сложный танец», в зависимости от предпочтений семьи. В любом случае, хорошо, когда в семье такие «точки отсчета» существуют.

Конечно, не все дети, вырастая, продолжают традиции своих предков. Обычно разрывы традиций случаются, если родители насаждают свои взгляды немотивированно и жестко. Или же, наоборот, ведут себя равнодушно, не вызывая заинтересованности и увлеченности детей, а только констатируя необходимость следовать за собой: «Так надо, а так не надо и “без почему”». Это происходит оттого, что некоторые родители уверены: все, что для них понятно и элементарно, должно быть также понятно их детям. В этих семьях родители с детьми не взаимодействуют, а словно просто позволяют им находиться рядом, но заинтересованности в них, как в людях, не испытывают: «Сытый, одетый, что еще надо?»

Навязывание традиций без мотивации, без игры, без «ритуальных танцев», которые детям, по моему мнению, просто необходимы, дают обратные результаты, так же как волевым способом насаждаемые порядок и закон.

В остальных же случаях дети, даже если отдаляются от традиций семьи, то со временем возвращаются в них. Зерна любви, заботливо посаженные в почву детских душ, все равно прорастают.

Я уже говорила, что под словом «порядок» не подразумеваю вещей, разложенных по местам, как бы ни считала этот вид порядка для жизни удобным. Порядок — это основные направления нашего понятия нормы, это та культура поведения, которую мы хотели бы вживить в наших потомков, хотели бы, чтобы они унаследовали ее от нас.

Какие же традиции могут существовать в семьях, если раньше об этом задуматься не пришлось?

Эта тема очень актуальна для семей, принимающих ребенка, потому что устанавливать законы и порядки в начале пути всегда легче, чем, ломая существующие, выстраивать более правильные или удобные. А новый ребенок, который входит в семью не младенцем, значительно проще и безболезненней будет адаптироваться в ней, если родители нарисуют «тропинки» на карте местности совместной жизни, если они возведут «мостики» и снабдят их «перилами» для того, чтобы научить нового члена семьи препятствия преодолевать. И очень хорошо говорит о правилах жизни и традициях Гордон Ньюфелд: «Правила делают мир ребенка предсказуемым — в этом помогают и ритуалы, и рутины. Раньше установление правил было одной из традиционных функций культуры, но теперь многие обычаи и традиции разрушены, а наша жизнь стала менее структурированной и более хаотичной. Такая атмосфера расхолаживает незрелого ребенка. Родители в ответ становятся строже и жестче. Подобное сочетание губительно».

Как замечательно тут сказано о «рутинах». Мне представляется, что рутины — это те традиции, которые не связаны с развлечениями. Уборка квартиры или поездка к старшим родственникам, чтобы в том же им помочь. Поход за продуктами по выходным, где у каждого члена семьи может быть своя роль. Глажка белья, подготовка осенних яблок к варке варенья. Разборка елки после

Нового года... Вот они — немного таинственные и слегка печальные ритуалы-рутины, которые не менее важны, чем бодрящие и развлекающие традиции праздников.

Но сделаю оговорку. Правила и традиции сработают, если делиться нашими ценностями мы будем постепенно, непринужденно, порой, в игре, располагая ребенка к себе и продвигая его в том направлении, которое считаем уместным. Чтобы дети нас вернее понимали, нам надо разъяснять и иллюстрировать чуть ли не каждый свой шаг! Потому что для ребенка ничто не разумеется само по себе. То есть, это может быть, но не обязательно случится. И лучше, если мы будем рассказывать нашим детям об этой жизни так, словно вместе открыли книгу, которая нам знакома, а ребенок ее видит впервые.

— Как ты думаешь, что такое быть отзывчивым? Мне кажется, что самый отзывчивый человек на земле — наш папа. Представляешь, вчера позвонил один человек, которого я не знаю, но он был другом моего дальнего знакомого. Этот дальний знакомый умер. И после него осталось очень много книг. Детей нет, наследников нет. Человек, который мне позвонил, искал кого-то, кто помог бы перевезти эти книги в районную библиотеку, там согласились их принять. Я сказала, что не вожу машину... Он извинился, попросился, попросил телефон его записать на всякий случай. А папа поинтересовался, кто звонил. И, узнав, велел перезвонить этому человеку. «Я помогу перевести книги», — так сказал папа. Мы с тобой можем гордиться тем, какой он у нас отзывчивый человек! Да и вообще отзывчивость всегда была в наших традициях, я растерялась, правда, а папа — он не подвел.

Традиции и «ритуальные танцы», как маленькие и крупные вехи, призваны наполнять собой наши дни. Если мы хотим передать нашим детям наши взгляды на жизнь, наш опыт, все то, что мы для себя на данный момент правильным определили, нам надо «сажать и проращивать» зерна наших ценностей, заботиться о всходах. Нам и самим лучше быть проникнутыми этой идеей, постоянно обращаться к ней, чтобы для окружающих нас домочадцев флер наших ценностей был так же очевиден, как запах духов женщины.

— Я иногда думаю, что такое мужество? Ведь это такое большое, такое что-то значительное... А вот как могли маленькие женщины в войну ползать на животах под обстрелом и вытаскивать на себе здоровенных мужчин? Немыслимо... Мужество, это — наверное, когда человек совершает что-то ради другого, совершенно забыв о себе...

Думаю, если с этими словами подойти к ребенку вплотную, особенно если произнести грозно: «Смотри мне в глаза», то результат окажется вовсе не тем, каким бы нам его хотелось видеть. Потому что призыв смотреть в глаза — неприкрытое принуждение. А мы понимаем, что вряд ли можно принудить кого-то к состраданию или к чувству гордости. Тем более, к ответственности. Но ведь маленькая женщина, ползущая под свистом пуль к раненому солдату именно такие чувства и должна вызывать! И сострадание, и гордость, и ответственность... И желание, чтобы подобного не происходило на земле. Значит, мы взываем к довольно тонким, глубинным субстанциям, несмотря на простоту произнесенных слов. Поэтому тут лучше подойти, приобнять, прижать к себе ребенка немного. Возможно, лучше это сделать со спины, чтобы не смотреть в глаза, даже случайно не «захватывать» внимания, и в малости не принуждать, но только внимание оказывать, его предлагать. И ответа лучше не ждать. Кстати, так можно делать и в других случаях, если наш ребенок слегка напряжен: едва уловимое касание, буквально, капля нежности в рассказе о мужестве или чем-то еще, и все, мы отошли. Фразы, брошенные мимоходом, порой способны творить чудеса.

— Удивительная все-таки штука — жизнь... Огромная... И прекрасная! — целуем ребенка легонечко куда-нибудь в затылок. И уходим. Мы не по его душу приходили, мы приносили немного своей. И ребенку в этом случае ничего не остается, как принять то, что мы принесли, и впитать незаметно. Точно так же первые капли дождя с одежды, их никогда не стряхивают.

Как мы поднимаем детей по утрам, как мы их пробуждаем, на что это похоже? Будильник, брошенная фраза или же поцелуй, ласковое движение за ушком. Как мы завтракаем, все ли садимся за

стол, подаем ли блюда мы, мамы? Или у нас хватают. Возможно, в порядке нашей семьи каждому ухаживать за собой? Как мы провожаем уходящих из дома? Закрываем ли дверь за взрослыми детьми, идем ли за ними до лифта? Машем ли в окно?

У меня был случай: когда я ушла, меня проводил и закрыл за мной дверь сын. На лестнице я встретила соседку, мы разговорились. И вдруг — топот ног по ступеням! Это сын, не дождавшись, когда я выйду и помашу ему в окно, как у нас это принято, испугался, не случилось ли что-то со мной. А вдруг в подъезде на меня напали? Он побежал меня выручать!

Наши традиции хранят нас. Наши ритуалы нас оберегают. Наши обряды учат нас общаться друг с другом в мире людей. Все это — наш общий язык, секрет нашего единства друг с другом.

В одной семье было принято, чтобы муж звонил жене днем в двенадцать дня. Это ритуальный звонок, формально он был не нужен, просто ниточка, протянутая от одного к другому. Но однажды муж не позвонил. Жена, занятая домашними делами, не обратила внимания на то, что полдень уже миновал. Это заметил шестилетний сын, он напомнил, что почему-то не звонит папа. Мама позвонила сама, но телефон не отвечал. Она позвонила на работу, мужа стали искать... Оказалось, что он попал в аварию и нуждался в помощи. Но ему пришлось бы ждать помощи намного дольше, если бы близкие не стали его искать практически сразу.

Может показаться, что эти случаи — исключительные. Это не так, хотя и ради них стоило бы соорудить из наших привычек стройный ряд. Пусть только ради того, чтобы они помогли нам в час X.

В другой семье не было принято, чтобы мама провожала своих детей по утрам. Однажды ее сын-подросток не вернулся домой, телефон его был отключен. Скажу сразу, что все кончилось хорошо, но пока мама, сходя с ума от тревоги, дожидалась возвращения сына, она не могла себе простить, что именно в это утро проспала и не видела, в чем был одет сын, когда уходил... Ведь, если что

(это страшное «если что»), она не смогла бы ответить на вопрос об одежде сына — это было чуть ли не самой мучительной мыслью для мамы в тот тяжкий вечер, и неминуемо превратилось бы в залипшую кнопку, случись с сыном что-то на самом деле.

Как мы проводим наши праздники, как протекают наши вечера?

Как выглядят наши общие занятия, к каким делам привлекаются все члены семьи, как именно у нас построена иерархия, какова она в действии?

Как мы читаем детям книги, горят ли у нас глаза?

Играем ли мы для наших детей хотя бы изредка как талантливые и добросовестные актеры на сцене, чтобы дать им возможность получше рассмотреть этот мир?

Способны ли мы на иррациональные поступки, на какую-то глупость, которая не полезна ничем, а вот радости или откровений может принести во множестве?

Мы еще не разучились любоваться облаками, отраженными в луже, пускать солнечных зайчиков и мыльные пузыри, раскидывать осенние листья или падать в них, облизывать сосульки и смеяться в голос только потому, что мы увидели первые апрельские почки на ветках деревьев?

«Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдержать свое настроение. Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент, и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?», — представляете, так говорил Антон Семенович Макаренко. Талантливый и строгий педагог, он знал, насколько важна осознанность, и как необходимо родителям уметь, подобно актерам, играть.

Есть еще «волшебные жесты». Какие-то знаки, известные, допустим, только маме и ребенку. Или папе и ребенку, неважно. Но если наш ребенок находится в зоне видимости от нас, но не рядом, и если он нуждается в нашей поддержке (как пример — выступает в школе или участвует в соревнованиях), короткий жест-секрет передаст ребенку нашу весть о любви.

Тут можно говорить долго и привести можно множество примеров. Но главное сейчас — уловить суть. Важные вопросы традиций и маленькие вехи порядка, эти нити, которые связывают нас с нашими детьми, именно по ним от нас бегут главные жизненные сигналы. Их отзвук — это то, чему мы больше всего радуемся, когда слышим его в ответ. «У нас всегда так было принято», — весь секрет в этой фразе. Но это то, чем мы в наших детях гордимся.

Когда мы занимаемся с маленьким ребенком и учим его геометрическим фигурам и цветам, мы говорим: «Это круг. Это квадрат. Это синий цвет. Это желтый». Но почему, рассказывая нашим детям истории или сказки, мы не подчеркиваем многократно: «Это честность. «Это храбрость». «Это доброта». «Это мужество». «Это верность»?

Можно не сомневаться, каждый ребенок, если только он не дальтоник, рано или поздно непременно поймет и без нашей помощи, как называются какие цвета. Но вот о верности и чести он сложит свои представления сам, если родители не сумеют ему объяснить, в чем их суть. К сожалению, то, что самостоятельно впитывают наши дети, ориентируясь на телевидение и улицу, никого порадовать не может. А это значит, что нам необходимо призвать на помощь наши правила и наш закон, наши традиции и нашу иерархию, чтобы при их участии передавать детям главные ценности человеческие.

Все мы, безусловно, хотели бы, чтобы наши дети выросли:

— добрыми;

— мужественными;

- ответственными;
- находчивыми;
- трудолюбивыми;
- самокритичными;
- устойчивыми;
- целеустремленными;
- надежными;
- совестливыми;
- справедливыми;
- рассудительными;
- нравственными;
- сочувствующими, т.е. способными испытывать эмпатию;
- общительными;
- позитивными.

А также людьми, соблюдающими требования достойного поведения, хороших манер и обладающими несомненными чувством юмора и чувством меры.

Мы же помним, что сами растут только сорняки. Именно поэтому нам нужно спросить себя, когда в последний раз мы говорили с нашими, уже существующими, детьми о доброте? Когда показали на примерах, как проявляет себя верность? Где устроили детям встречу с совестью, самокритикой? Только не фронтальную «напо-

добие лоботомии», от которой остается одна неспособность ни к чему. А позитивную, ответственную, с чувством меры, соблюдая эти качества, прежде всего, самим? Когда и как мы объяснили нашим детям ту грань, после которой чувство юмора переходит в дурновкусие? Сколько раз за неделю, месяц, опознали в окружающем нас мире проявление целеустремленности и сказали об этом вслух?

Хорошо, если мы привыкли говорить с нашими детьми о том, что составляет наши главные ценности. Хорошо, если мы знаем их в лицо и по именам. И если мы соблюдаем порядок в нашем доме, чтим его закон, уважаем наших старших, вместе празднуем наши праздники, разделяем печали близких и спешим друг к другу на помощь, наши дети унаследуют от нас язык общения с людьми. Если мы учим детей различать поступки дурные и поступки хорошие, если отвечаем на все их вопросы и ставим новые перед ними, значит, наша полностью исправная и экипированная машина уверенно следует по прекрасной дороге, и ее пассажиры благополучны.

Потому что, в чем тренируешься, в том и преуспеешь.

Безусловно, в этом плане у нас не будет неожиданностей, если закон, порядок и традиции в нашем доме занимают почетные места. И не менее важное место стоит отвести иерархии, тогда мы будем знать точно, что наш дом построен по всем правилам, стены его крепки, и жители этого дома могут быть спокойны за своих детей.

Глава 5.

ИЕРАРХИЯ

Наверняка кто-то уже и представить не может, что в старых коммуналках существовали дежурства. Они означали, что с определенной очередностью все жители огромной многосемейной квартиры должны были мыть туалет, ванную, кухню с ее газовыми плитами и залитыми чем попало конфорками, коридоры и их закоулки, стены, входные двери... И мы это делали все. Кто лучше, кто хуже, но никто не избегал. И вот что интересно. Не сговариваясь, мы старались помочь, когда дежурство выпадало на стариков. То там «подхватывали», то тут.

Мы, молодые жильцы огромной квартиры, не забывали спросить у старых своих соседей, надо ли принести картошки или муки, чего-то тяжелого, когда отправлялись в магазины. Мы пропускали наших стариков в туалет, который был один на всех. Терпеливо

или слегка ворча, ждали, когда кто-то из «аксакалов» освободит ванную...

Может быть, наша квартира была исключением. Но нет, я слышала от своих друзей (а в коммуналках мы, старые москвичи, в моем детстве жили почти поголовно), что такие же порядки соблюдались и у них. Случались, конечно, в те времена у нас и ссоры, и даже скандалы, но нечто оставалось неизменным: иерархия возрастов соблюдалась неукоснительно. Потому что в те времена мы умели жить и сосуществовать вместе. И это было прекрасным примером для наших детей, которым не требовалось объяснять, почему «баба Катя» пройдет в дверь первой или почему, играя в коридоре, нельзя отнимать игрушки у соседской девчонки. Дети это буквально впитывали с рождения. И здесь уместно будет вспомнить чудесные слова, принадлежащие нашему современнику Булату Окуджаве:

*Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
Не оттого, что тяжек быт
Или страшны мытарства.
А погибают оттого
(И тем больней, чем дольше),
Что люди царства своего
Не уважают большие*

Сейчас наше общество разобщено. Мы живем изолированно не только от соседей, но и от самой близкой своей родни. Рекламой и фильмами нам навязывается мнение о том, что лучшее из возможного для молодой семьи — это жить от родителей отдельно. Мы все уверовали в новую ценность и к ней стремимся. И так жить, в самом деле...

Нет, не лучше.

Легче.

Легче, потому что не видя, старшим проще не вмешаться.

Легче, потому что дистанцируясь, младшим проще не соперничать.

Легче, потому что не стало причины искать компромиссов, улаживая, усредняя уверенность старшего поколения в том, как надо, и не менее точное знание, как лучше, поколения среднего.

Легче, легче, легче, потому что, чем меньше людей вокруг, тем меньше нам надо с кем-то считаться, тем проще нам ни в чем себе не отказывать, тем меньше на нас лежит ответственности за кого-то еще. И эту глобальную разобщенность, и отсутствие ответственности за близких мы ежедневно детям своим и демонстрируем, ожидая от них, тем не менее, как ответственности, так и единства, по крайней мере, со своими родителями. С нами.

— *Кто звонил?* — спрашивает муж у жены.

— *Да мама. Опять у нее все не так, придется ехать,* — отвечает жена, и в голосе ее сквозит напряжение.

— *Когда это уже кончится? У нас вообще есть право пожить для себя?* — муж дергается и раздраженно отодвигает тарелку. — *Опять все планы полетели!*

Ребенок, находящийся неподалеку, на уровне подсознания усваивает, что проблема бабушки — неприятная помеха в жизни родителей. Что-то очень заманчивое скрывается за словами «пожить для себя», и он непременно об этом подумает позже.

— *Кто звонил?* — тот же вопрос другого мужа в другой семье.

— *Кто. Мама твоя! Знаешь, ты бы уже разобрался с этим как-нибудь? Сколько можно лезть в нашу жизнь?*

Ребенок — как это им удастся, детям? — снова пасется близости. Он мгновенно ловит информативное зернышко, брошенное мамой в почву его восприятия. Папа должен «разобраться» со своей мамой, т.е. с бабушкой. Мама будет довольна, если папа это

сделает. Вполне возможно, что улица и телевидение с точностью передадут ему новый смысл слова «разобраться». Дело только во времени.

Это сейчас нашего малыша интересует, будет ли довольна мама. Но позже, и это неизбежно, информация о том, что взрослый сын должен пойти войной на свою мать, чтобы она не вмешивалась в его жизнь, а главное, что это норма, прорастет в нем деревом с крупным стволом.

— *Кто звонил?* — ситуация третья. Вопрос снова задает муж.

— *Мой отец. Там проблема, надо поехать и помочь.*

— *Поехали вместе?* — отвечает муж и уточняет, не помешает ли малыш.

— *Нет, просто хозяйственные вопросы* (тут, как мы понимаем, идет какая-то незначительная конкретика, у каждого своя), конечно, не помешает. Только вот наш поход (куда угодно в другое место) придется перенести.

— *Ну, это мелочи, сходим в другой раз. Мы едем к бабушке и бабушке, сынок,* — поднимается с места папа. — *Им надо помочь. Правда, хорошо?*

— *Пойдем одеваться,* — приглашает мама. — *Так здорово, что мы сегодня побудем все вместе!*

Идеальная картинка! Но мы чувствуем себя смущенно. Потому что можем предположить, что кто-то возразит нам: сейчас так не бывает. А ведь и правда, почти сошли на нет ситуации, в которых ребенок, без насаждения и помех, усваивает простые вещи:

- папа и мама заодно;
- бабушке и дедушке надо помогать;
- родители этому рады;
- развлекательный поход, который семья запланировала, весит меньше по шкале ценностей, чем возможность помочь старшим, и еще;
- отлично, что можно побыть всем месте.

Мы не можем не согласиться, что теперь такие гармоничные и взаимонастроенные отношения редки. А может возникнуть и другое возражение: даже если так действительно вдруг зажить можно, то что с того? Вырастет ребенок, женится, а там тот же самый антагонизм, то же невосприятие друг друга. А если и правда теща попадется — монстр? И что тогда? Не проще ли ориентироваться, как подсказывает время?

Конечно, что тещи и свекрови — это «всемирное зло», сейчас, кажется, известно каждому. И в самом деле, вмешательство старшего поколения в самостоятельную жизнь молодых бывает и досадным, и неуместным. Это провоцирует конфликты или, как минимум, недовольные реплики со стороны «среднего» поколения, особенно, если происходит в присутствии их детей. Те, кого мы нелестным образом обсудили при детях, так или иначе теряют свой авторитет в детских глазах. И это было бы полбеда. Но авторитет также теряем и мы. А дети наши, между тем, остро нуждаются в том, чтобы их окружали именно авторитетные взрослые, которые сосуществуют в мире и уважении друг с другом. Невозможно переоценить того положительного, что такие отношения взрослых нашим детям дают.

Но мы, не стесняясь в выражениях, обсуждаем старших при детях.

— *Что с тобой, ты что такая?* — интересуется заботливый муж вполне хорошей семьи.

— *Да мама опять весь мозг вынесла,* — вздыхает жена, а дети тем временем «решительно ничего не слышат».

Что говорить, престарелые родители, порой, в самом деле, способны наносить удары по нашим нервным системам. Некоторые это делают в лоб, кто-то исподтишка. А мы обижаемся, мы страдаем, теряем равновесие, раздражаемся... Остро нуждаясь в защите, желчно комментируем действия родителей вслух. Но даже если не так, мы практически утратили способность светиться радостью навстречу нашим «старикам»... Мы разучились здоро-

ваться и прощаться, и вот еще такое чудесное слово — привечать друг друга...

Мы помним наш долг, но все наши движения в сторону выполнения долга по отношению к старшему поколению окрашены, в основном, в «терпение-терпение-терпение». Не в любовь. И наши программы, усиливаясь течениями времени и мутировавшими понятиями человечности, входят в наших детей и прорастают в них такими непроходимыми джунглями отторжения и конфликтности, что для нас путешествие по этим джунглям становится невозможным, и мы теряем контакты со своими детьми.

Я нарисовала довольно мрачную картину. Но если кто-то дочитал до этого места, то, значит, он еще надеется вместе со мной на то, что положение можно исправить. Я тоже верю в это, тем более что разрозненность распространяется широко, а нам важно вернуть навыки доброжелательного общения друг с другом не только внутри семьи. Ведь наши дети рано или поздно ее покинут.

Это горько, но теперь многие из нас разве что по праздникам садятся за стол все вместе — деды и бабушки, папы и мамы, дети. При этом в исключительных случаях мы еще остаемся доброжелательно настроенными ко всем членам «собрания». Чаще же сохраняем благопристойный вид, скрывая недовольство и невосприятие других или кого-то одного. Нередко мы недовольства даже не пытаемся прятать.

Чем же в нашей, безусловно, комфортной нынешней жизни, можно компенсировать этот факт?

Должна сказать, что я сама воспитывалась вне иерархических категорий. Несмотря на это или этому благодаря, повзрослев, я устраивала общие праздники и планомерно соединяла своих разрозненных родственников, которые, как могло показаться, львиную долю своей жизни посвятили тому, чтобы, подобно бильярдным шарам, разлететься как можно дальше друг от друга. И вот, вновь и вновь я стремилась своих родных созвать под одну

крышу. Это было непросто, поверьте. Но, в результате, мои дети росли в окружении надежных взрослых людей — бабушек и дедушек. А мы, являясь одновременно и родителями, и детьми, старательно демонстрировали своим подрастающим чадам свое уважение к поколению старше нас.

В моей разросшейся семье иерархия соблюдалась и соблюдается. Выражается это по-разному — от мелких проявлений до весьма значительных.

К мелким проявлениям я могу отнести такую традицию. За обедом первая тарелка ставится перед старшим мужчиной. Если в гостях у нас наши с мужем отцы — перед ними. Если их нет, первым является отец семейства. Затем старший сын. Затем — сын младший. После этого по возрасту дочери. И заключительно мама, подающая на стол, ставит тарелку перед собой. Если на стол накрывают дочери, после отца тарелка ставится матери, дальше иерархия сохраняется прежней.

Этот пример, конечно же, не исчерпывает иерархических проявлений. Он — просто иллюстрация того, в какой последовательности рассматривается старшинство в конкретной семье, где дети не конкурируют между собой, потому что каждый знает, что быть старшим означает только одно: ответственность. Наличие старших, поэтому, никого не унижает, ведь старшие дети за младших отвечают по определению, это ведется с самого раннего возраста, а ответственность у нас в чести. Мы же старшинство наших отцов подчеркиваем. И если сначала дети на этом примере учатся уважать родителей и прародителей, то позже это становится образом жизни для каждого члена семьи.

К значительным проявлениям соблюдения иерархии я могу отнести традицию, которая заставляет детей собираться у дедушек на День Победы или в дни их рождений. Дети организуют эти поездки сами, это для них естественно и само собой разумеется. Мы же, среднее поколение, теперь имеем возможность радоваться

всякий раз, когда узнаем об очередной запланированной нашей всеобщей встрече.

Трудно этого добиться или легко? Может быть, в том случае, который я привела, не было непримиримых конфликтов, а была, наоборот, тишь да гладь? Спешу вас заверить: нормальная доля непонимания, которую вполне можно было раздуть до непримиримости, еще как была.

Но помня, чего была лишена в своем детстве, я поставила целью дать своим детям картину их гармоничного существования рядом с взрослыми, чтобы дети росли спокойно, вне конфликтов и противоречий, которыми мы так часто снабжаем их жизнь. Я хотела дать им такую модель семьи, которую они не станут спешить покидать и, став самостоятельными, с радостью воспроизведут сами. Я хотела научить детей общаться не только между собой, а готовить к благожелательному и конструктивному общению в мире взрослых людей.

Нам не удалось бы привить нашим детям ни одной культурной нормы, если бы внутри нашей семьи процветали раздор и разобщение. Наши дети взяли бы от нас то, чем мы на самом деле полны. Это как раз тот самый случай, когда никого не обманешь, — воспитание детей. Я понимала, что в каждом своем требовании, даже если оно пока что в виде мечты находится внутри меня, мне необходимо начать с себя.

Нам нужно налаживать связи с родственниками, с близкими друзьями, на помощь которых наш ребенок может надеяться «если что». Нам необходимо взять под строгий контроль не только наши высказывания в адрес докучающих нам своими проблемами или взглядами собственных родителей, но контролировать даже выражения своих лиц, тембр голосов. Как во всех случаях, когда мы, осознанно подходя к воспитанию детей, согласны менять себя, это тоже тот случай, когда нам по силам одновременно и себя улучшить, и детям своим оказать добрую услугу.

Если мы для своих детей это сделаем, дети научатся обращаться к близким за помощью и помогать им. Ведь умение попросить о помощи и ее принимать ничуть не менее важно, чем способность уметь помогать самим. Наши дети поймут, на кого можно положиться. Они будут знать, что любой участник иерархической постройки надежен и готов к взаимодействию. Они сами смогут вступать во взаимодействие с теми людьми, которыми мы, ответственные родители, их окружили. И строительство нашего дома будет продолжаться.

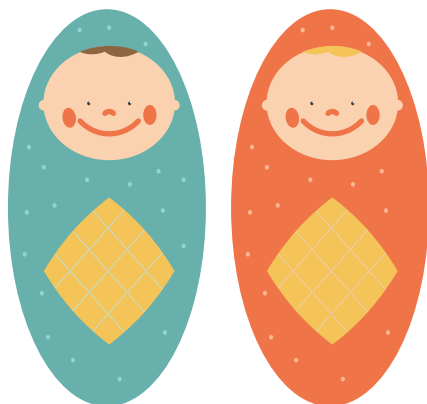
Потому что место, где мы живем, это еще не настоящий наш дом. Именно тогда наш дом становится Домом наших детей в полном смысле этого слова, когда он надежен по всем параметрам. Когда старшие и средние взрослые взаимодействуют в нем между собой. Когда дети знают, что всем родным взрослым можно верить. Когда дети видят перед собой положительный пример общения, уважения, стремления понимать и разделять. Когда каждый в этом доме рад каждому в нем живущему. Так наши дети будут готовиться к общению с огромным внешним миром, в который они самостоятельно войдут, став взрослыми.

Конечно, добиться такого положения вещей в наше время разрозненных интересов и гипертрофированной идеи самовыражения всех и каждого — достаточно сложно. Но наши дети стоят того, чтобы установить свои правила и свой порядок, вспомнить старый-добрый или изобрести новый свод законов, который станет хранить нашу семью. «Дети не испытывают необходимости в друзьях, им нужны родители, бабушки и дедушки, взрослые, готовые принять ответственность и не отпускать их. Чем более ребенок привязан к взрослым, которые заботятся о нем, тем легче ему общаться с ровесниками, не страдая при этом от подавляющего чувства уязвимости», — говорит Гордон Ньюфельд в своей книге «Не упускайте своих детей», и мы действительно в силах такую ответственность принять на себя. Мы в силах сделать так, чтобы наши дети крепили и взрослели с чувством надежного окружения рядом. Тогда в нужный час, когда станут взрослыми, наши дети и шагнут за порог дома спокойно, с

крепкой арматурой человеческих принципов внутри, с твердой стяжкой традиций и правил, со сформированным человеческим достоинством и готовностью нести ответственность за свои действия, чему их много лет учила семья.

Этот тот самый час, когда каждый, живущий в нашем доме, осознает, что его дом — Крепость.

Глава 6.

ВЫЛИЗЫВАНИЕ ЩЕНКОВ И ТАЙНА УСЫНОВЛЕНИЯ

Ну, а теперь, когда мы согласились строить наш дом по правилам, обратимся к опыту животного мира. Но не с целью завести кошку. А потому, что мы хотим вспомнить, что стоит за словами «родительский инстинкт». Главная движущая сила, заставляющая жизнь на земле продолжаться, называется инстинктом от латинского *instinctus* — побуждение. И совершенно не напрасно считается, что инстинкт материнский — один из самых сильных, самых несокрушимых на земле. Однако даже среди животных случается, когда самки вдруг привечают и выкармливают не ими рожденных детенышей, как, например, в облетевшей интернет истории о кошке, выкормившей, помимо своего котенка, еще четырех ежат. Эта история вызвала огромную радость в сердцах людей. Ведь мы и сами порой проводим аналогии между собой и такими матерями.

Нет лучше примеров, чем те, что взяты из жизни, будь то рациональный подход к вопросу или сосредоточенное затишье перед ответственным выбором. Именно поэтому в этой книге я

несколько раз сошлюсь на цитаты из своего романа «День девятый», который появился на свет благодаря совместному решению всех членов моей семьи — мужа и пятерых наших детей. Вместе мы решили рассказать людям о том, какими непростыми бывают пути человеческие, и каким неожиданным порой бывает человеческое счастье. Поскольку роман «День девятый» рассказывает и о патронатном воспитании, об усыновлении, и об отношениях кровных и приемных родителей между собой, то, по моему мнению, в книге «Шаги нашей любви» некоторые цитаты из него придутся как нельзя кстати. Я думаю, сейчас как раз один из таких случаев.

«Через несколько лет из Израиля приедет погостить в Москву Нора и, конечно же, первым делом навестит Соню. С уважением, но и с легким недоумением слушая рассказы подруги, Нора скажет:

— Извини, но я все-таки не понимаю. Как я могу его любить, если... этот щенок не пахнет мной?

— Если этот щенок не пахнет мной, — ответит ей Соня, — это означает только одно: я плохо его лизала.

Вылизывание щенков превратилось для Сони в сверхзадачу».

В самом деле, «вылизывание щенков» напрямую сочетается с российским подходом к замещающей семье. «Щенок» должен быть пронизан материнским запахом или, вот еще, духом, так тоже сказать можно, и это будет вернее. Известно много историй, в которых осиротевших щенков специально натирала составами с запахами кормящей суки или ее помета, чтобы она приняла щенка. И это наводит на мысль, что ребенок, которого мы принимаем, в самом деле, должен пропитаться чем-то нашим, сокровенным, чтобы не только интеллектуальное, но даже низменное, животное в нас ответило на зов.

— Все ваши дети смотрят вашими глазами, как вам это удается? — спрашивали меня, и ответ я знала точно. Они были пронизаны мной так же, как и я ими. В моем «логове» все мои дети «пахли» одинаково. Они «пахли» их матерью. Мной.

То, что получилось в моей семье, мне представляется следствием чрезвычайно российского, чрезвычайно «нашего» подхода. И сейчас, когда я смотрю на своих взрослых детей, мне хочется, чтобы вокруг меня стало как можно больше людей, которые смогли бы разделить это счастье — иметь надежное потомство, видеть своих детей взрослыми, стоящими на ногах, способными достойно, миролюбиво и полноценно общаться с окружающим миром. Пусть наши дети станут самостоятельными и ответственными, любящими и чтящими своих родителей, несущими эту способность любви и уважения дальше, теперь уже к своим детям и окружающим людям. Сочетание способности жить самостоятельно с готовностью объединиться со своими близкими в любой важный момент жизни и со способностью принять ответственность, — это одно из самых счастливых сочетаний человеческих свойств из мне известных.

А может быть, именно этот подход и годится, чтобы наконец понять Россию умом? Не в том ли дело, что любовь всегда была для россиян ведущим качеством? Ведь те, кто любит, они всегда и реагируют болезненней, и обижаются сильнее, и подставляются охотней... И страстей кипит больше там, где больше чувства. И безрассудства больше рядом с сильными эмоциями тоже... Да, мне кажется, именно в количестве любви, которой наделены люди, родившиеся на русской земле, в нем ответы на вопросы о том, чем мы отличаемся от остальных. И все наши «перегибы» растут отсюда. Оттого что бродит в нас этот переизбыток. И в зависимости оттого, что происходит в стране с культурой и традициями, находит свой выход. Поэтому мне и представляется необходимым осознание и укрепление традиций, выведение в обсуждаемые темы воспитания нравственных ценностей, без которых не сможет в полную силу задышать человеческое достоинство, которое, в свою очередь, зазвучав, позволит нам гармонично распространить свои силы и свою способность любить на тех, за кого мы возьмем ответственность на себя.

Вот и принимая ребенка, нам непременно нужно учитывать этот фактор: мы имеем огромное количество нерастраченной

любви, нам мало делать доброе дело, мы хотим его делать со всей страстью душ наших.

Стереотипы мышления и современные установки «вы растите ребенка не для себя, ребенок — свободный человек» входят в конфликт с внутренним устройством российских замещающих семей. «Щенок», несущий в дом «чужой запах», пугает. Негласный запрет на безусловную любовь (остыньте и подойдите к вопросу прагматично) в сочетании с неуверенностью в том, что у самих элементарно любви хватит, вводит перспективных родителей в такой внутренний разлад, в состоянии которого начинать любое дело вряд ли стоит. А уж такое, как прием ребенка в семью, и подавно.

И все-таки, я уверена: как ходят или ходили где-то по земле наши «половинки» — мужья и жены — до встречи с нами, также точно для нас уже существуют наши не встреченные пока дочери и сыновья. И если мы решили заняться таким замечательным вопросом, уже одно это означает, что где-то ждут нас «наши дети», то есть, дети, нам предназначенные. Нас ждет именно тот маленький человек, который совпадет с нами по основным параметрам нашего устройства, по базовым чертам. И нам, безусловно, хватит сил «вылизать» своего «щенка». Чтобы и «дух» его стал от нашего неотличим.

Это и будет тем самым союзом «по любви», о котором мы мечтали. И наш союз прекрасно впишется в понятие гражданской позиции, которое требуется от современного человека. Потому что, социально и рационально подготовив к этому шагу самого себя и подойдя к нему со всей ответственностью, мы сведем к минимуму опасность возвратов и других поражений.

Вне всякого сомнения, мы будем растить свободных людей свободной страны, но растить мы их будем в любви и уважении к нам, — родителям. К традициям семьи и к традициям нашей страны, которые именно нашим детям предстоит укреплять. Мы вернем в лексикон поруганное слово «справедливость», отдадим ей заслуженное место в ряду тех ценностей, ради которых стоит тра-

тить себя, потому еще Кант утверждал, что «когда справедливость исчезает, то не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей». Мы будем помнить, что слово «авторитет» звучит пугающе только для тех, кто внутренней свободы не имеет, и что только по-настоящему свободный человек не утрачивает способности уважать других людей, чтить традиции и с удовольствием обучаться.

«Кто в учениках не бывал, тот учителем не будет», — утверждал академик В. М. Бехтерев. Так и мы соглашаемся, сохраняя старое лучшее, изучать и принимать новые способы совершенствования себя, чтобы иметь возможность вести наших детей в их взрослость, потому что именно родители и должны быть первыми учителями своих детей.

Но мы упомянули о тайне усыновления.

Так нужна ли она, эта тайна. Имеет ли смысл сохранять ее тогда, когда весь мир возводит усыновление детей в норму, и это действие совершается как взаимопомощь, как обычный акт человечности, ответственности и доброты.

Чаще всего, когда мы обсуждаем эту тему, то рассматриваем именно интересы ребенка, как уберечь его от травмы, которая весьма вероятна, если о факте усыновления знают больше, чем один человек.

Но мы умалчиваем об интересах самих усыновителей, а об этом просто необходимо говорить. Потому что часто взрослые люди не хотят эту тайну открывать ради самих себя, и как раз тут скрываются причины проблем, нередко возникающих в будущем.

Кроме того, оказывается, наши усыновители и при условии, что, помимо них, об усыновлении никто не знает, все равно не удерживают планки. Случается, что взрослые люди недооценивают способности детей быть «в нескольких местах одновременно», и, не соблюдая осторожности, обсуждают с близкими вопросы усынов-

ления, а дети оказываются рядом. Или же, имея привычку искать виноватых и не отработав свои кнопки, в тяжелую минуту выкрикивают в лицо детям ужасные слова, после которых прежняя жизнь ни для них, ни для их детей не делается возможной.

Выкрикнутые в лицо ребенку слова о том, что он усыновлен, творят с ним непоправимое. Нам больше не удастся вернуться на прежнюю дорогу, с которой, нарушив все правила, сорвалась в обрыв наша машина. Теперь мы не сможем сделать так, чтобы ребенок забыл об услышанном, даже если мы тысячу раз раскаемся в сказанном. А то, что раскаяние неотвратимо, сомнений не вызывает. Как бы мы ни были задеты, напуганы или уязвлены каким-то поступком ребенка, о том, что «это все» сотворила его якобы дурная кровь, о чем мы еще будем говорить, нам просто нужно забыть. Ни при каких обстоятельствах, даже под расстрелом нельзя произнести подобных слов. Потому что это невысказано жестоко. И потому, что это неправда.

В 99,9 процентах не в крови дело. А главное, — ничего подобного никогда нельзя говорить потому, что эти слова не имеют к самому ребенку никакого отношения, ни в чем таком он не виноват. Просто сейчас не знает предела наша обида на него.

Поэтому еще до шага усыновления я бы посоветовала каждому кандидату задать себе вопрос, склонен ли он к жестокости и бесчинству в состоянии обиды на другого человека, будь то партнер или ребенок. И если, соглашаясь, что бывает разнузданным и может использовать запрещенный прием, человек ответит «да» и спросит, что ему делать, то возможно ему услышать, что не стоит ребенка усыновлять и добавлять несчастных людей на земле. Если мы от собственного бессилия способны нанести смертельную обиду другому человеку, тем более — человеку маленькому, похоже, мы сами нуждаемся в том, чтобы кто-то добрый и мудрый усыновил нас.

К области, когда тайна усыновления вскрывается, хотя знали об этом факте только родители, относятся также случаи с небрежно

спрятанными документами, разговорами по телефону в надежде, что нас никто не слышит, и подобные нелепости, которые следует посчитать по пальцам и знать в лицо, чтобы не допустить. Если мы ходили с накладным животом, если перенесли этот довольно непростой период конспирации, то как не позаботиться о том, чтобы какие-то записки не попали в руки выросшему ребенку, и чтобы этот факт не нанес всем нам непоправимого вреда. Ведь нас, родителей, неготовый к такому откровению ребенок обвинит в предательстве и во лжи. Или же, как не предусмотреть, что единственная подруга, с которой мы поделились нашим секретом, не расскажет о нем третьему лицу, будучи в полной уверенности, что не рискует ничем. Но именно третье лицо и разнесет нашу тайну по свету.

Давайте поговорим об интересах самих усыновителей. Ведь в вопросе тайны усыновления этим пунктом так часто пренебрегают. А он важен, потому что именно нам, взрослым людям, хочется порой, чтобы никто на земле не знал, что ребенок усыновлен.

В начале своего пути я бы дорого отдала, если бы можно было так сделать, чтобы мои дети — раз! — и забыли все, что в их жизни мне и моей семье предшествовало. Чтобы никто, ни одна душа, не могли мне сказать: «Они не твои», или вот еще: «А ты им кто?» и прочую жестокую чушь, которую порой несут люди. Но уже очень скоро я поняла, что если бы такое случилось, я потеряла бы возможность научить своих детей важнейшим вещам на земле. Какое счастье, что этого не случилось! И теперь я могу полноценно рассуждать на тему, почему не скрывать факта усыновления мне кажется куда более жизнеспособным и правильным шагом, чем эту самую тайну хранить, всю жизнь оставаясь в страхе, что она вскрыется.

То, что я хочу рассказать, будет касаться именно тех случаев, когда мы об этом говорим свободно, когда наши отношения открыты и легальны, когда мы позволяем себе строить свои приоритеты не на основе биологии, а исходя из куда более важных, тонких, но и весомых факторов. Например, как тот, что каждая любовь в жизни человека начинается... со встречи.

...«Алик пошел в гости к мальчику из класса. Он жил в том же подъезде. Дети играли, и вдруг мальчик заявил, что знает — Алик не родной, его взяли из жалости. Алик молча развернулся и ушел.

Он не хотел плакать, но заплакал. И маме не хотел признаться. Но она сразу спросила, что случилось, и он рассказал. Мама сначала молчала и сидела, взяв Алика на колени. А потом заговорила: «Люdiam всегда нужно встретиться, чтобы полюбить друг друга, ведь любовь всегда начинается со встречи. И потом, если люди полюбят друг друга, то становятся родными на всю жизнь. И на этих встречах вся земля стоит». Она говорила: «Ты же знаешь, что да, мы тебя взяли. Значит, он ничего нового тебе не открыл. Только взяли друг друга, не только мы тебя, но и ты нас, мы друг без друга не смогли. И мы теперь навсегда родные. А на мальчика не надо сердиться, ему обо всем этом ничего не рассказывали».

Она сказала: *«Ты мой самый-самый родной мальчик на свете. Ты — моя перчинка жгучая, мое чудо, мой труд и моя радость. Я тебя выносила вот тут, — и руку под шею положила. — Ты знаешь, как я тебя люблю. Знаешь, что никогда тебя не оставляю. А я знаю, что ты никогда не оставишь меня. И мне все равно, что говорят люди. Мы все вместе, и мы самые счастливые. А у людей все по мере их сердца»,* — это фрагмент из моего романа «День девятый», о котором я выше упомянула.

Мы двигались понемногу, захватывали реальность с разных сторон, через многие ворота, калитки и лазейки проникали за стены города, где принято думать, что рожденное твоим телом существо — самое дорогое, что у тебя есть на земле.

Да нет же.

Мы любим то, во что мы вкладываемся. Чем сильнее мы «перекачиваем» себя во что-то или в кого-то, тем дороже нам наше дело или человек. И об этом я рассказывала детям тоже. А примеров вокруг было множество, их источниками служили книги, фильмы, жизнь, кипящая вокруг.

И я начинала считать двойки, бессонные ночи, порванные ботинки, сломанные дверцы шкафов и даже отковыранные паркетины.

— *Смотрите*, — говорила я, и было непонятно, шутка это или же я говорю всерьез. — *Смотрите, сколько всего приходится выдерживать маме, пока растут ее дети. Это ведь только то, что вы ломали. А как вы болели? А как вы ссорились? А как сбегали с экскурсий? А как вас пытались обидеть глупые? И каждый раз мамино сердце было готово платить любую цену, только бы вам не было больно, только бы поскорее все обошлось. Оно и платило цену! Так разве может быть что-то более дорогое для мамы, чем ее дети? А теперь покажите мне, где в моем рассказе то место, из которого вытекает, что эти дети должны быть обязательно из живота этой мамы рождены?*

Нет такого места в рассказе. И быть его не может. Потому что все самое драгоценное на этой земле рождает нам наше сердце.

Конечно, все это непросто, я понимаю. Но позволив себе такое вот расширение мира, мы от этого мира как будто получаем множество бонусов, чтобы наши жизни становились более насыщенными и более глубокими. Переставая замыкаться в рамках биологической схемы, мы словно допускаем, что и на другие важные вопросы жизни можно посмотреть с неожиданной стороны. В какой-то момент нам начинает казаться, что мы в самом деле вытянули счастливый билет. Потому что нам предложено испытание, и мы проходим его. Потому что мы своими судьбами опровергаем низкие и трусливые теории о «яблоньках» и «яблочках». Потому что мы становимся настолько осознанными, что сами назначаем себе прекрасное начало, от которого намерены расти.

Когда люди встречаются, и между ними возникает любовь, то одно из первых слов, которое они говорят, обращаясь друг к другу, — «родной». Но разве это случайно? Нет, конечно, нет. Именно поэтому в нашей семье слово «неродной» не звучит. И если нам требуется вдруг уточнить что-то по данному вопросу, мы гово-

рим: «не кровный». А вот слово «родной» — оно у нас одно из самых ходовых и любимых, потому что все мы — родные друг другу люди.

Тем не менее, как бы хорошо продуман подход к открытой теме усыновления в семье ни был, у каждого ребенка наступает некий час X, когда он переосмысливает случившееся в его жизни относительно себя самого. И тогда очень важно оказаться рядом, очень важно быть другом. Крайне важно успеть и заручиться к этому часу доверием дорогого тебе человека, чтобы ребенок тебя не отторгал, чтобы поделился своими сомнениями.

Однажды я заметила, что моя малышка, та, что была совсем крохой, а теперь уже стала подростком и расцвела, вдруг начала отводить глаза, когда я подходила к ней. Согласитесь, что когда мы вырастили ребенка, мы можем узнать без труда, обижен ли он, нашкодил ли или приболел.

Не сразу, но я задала вопрос:

— *Это с тобой потому, что мы тебя усыновили?*

Она вздрогнула и кивнула. Глазки наполнились слезами, а это с моей младшей дочерью случалось редко.

— *Понятно, — сказала я. — Тогда поговорим?*

Она кивнула, села, но глаза смотрели в сторону. Ну и пусть себе, решила я.

И начала рассказывать, глядя перед собой, но замечая боковым зрением как ей там — неподалеку, но сейчас так далеко от меня.

— *Ты считаешь, что родиться и вырасти у кровных мамы и папы как будто залог удачной жизни, — сказала я. — Понимаю. Но давай посмотрим, какие бывают судьбы. Мы же очень мало знаем о том, как живут другие люди. Потому что, хоть они и перед нашими глазами, но мы не очень-то умеем думать о других. Да и рассказываем*

мы людям не все, а только то, что хотим, чтобы знали о нас. Люди вокруг поступают так же. Мы знаем о них только то, чем они захотели с нами поделиться. Ты, например. Ты же не рассказывала своим друзьям о нас?

— Нет.

— Поверь, они тоже рассказали тебе вовсе не обо всем. Не сразу и не всегда мы узнаем о людях их тайны и секреты.

Вот, моя тетя. Она рождалась ножками, в те годы врачи еще многого не умели. И так случилось, что ножку ей повредили. Девочка навсегда осталась хромой, а из-за неправильно растущей ножки у нее еще и спина искривилась, поэтому, ты видела, она ходит немного боком. И вот смотри. Маленькой она этого не понимала. Но когда она выросла, как ты, и начала осознать, что с ней не так, каково ей было понять, что у нее такое увечье? Что она так сильно отличается от других? Что она обречена хромать и ходить с палочкой всю жизнь, что никогда она не сможет ни танцевать, ни прыгать, ни бегать... И вот, скажи мне ты, — здоровая, красивая, ровненькая — ты хотела бы поменяться с ней местами?

Жестоко, да, я это понимала. Ребенок мой вздрогнул и крутанул головой:

— Нет!

— Теперь другой человек (я назвала имя). Когда она была маленькой, отчим изнасиловал ее. И она на долгие годы стала относиться к мужчинам так, что лучше бы они не приближались к ней. Но она росла в семье своей кровной мамы. Вспомни теперь, как относится к тебе папа, как он оберегает тебя, как трясется над тобой и скажи: ты хотела бы поменяться с ней?

На лице ребенка промелькнуло ужасное смятение...

— Вот этот, помнишь, я рассказывала тебе о... (я напомнила историю). Единственный сын мамочки своей. Она выгнала его из дома, когда он привел неугодную ей подружку. Вспомни, пожалуйста,

как мы относимся к супругам твоих братьев и сестер, и скажи: ты хотела бы поменяться с ним судьбами?

Теперь она развернулась и уже во все глаза смотрела на меня.

— А я? Бабушка со мной не разговаривала. Мама жила в другом городе. Папа меня всерьез не принимал, ты знаешь, я много рассказывала тебе. И ведь никто меня не усыновлял. А теперь вспомни нашу семью, как у нас все относятся ко всем, и скажи: хочешь, вместо своей, мою судьбу?

Надо ли говорить, что мой ребенок обнял меня, посмотрел про светленными глазами и даже начал было прощения просить, но на это мы решили не тратить времени, а просто обнялись и помолчали, чувствуя себя в эти минуты невероятно счастливыми.

Мы говорили постоянно и обо всем. Все, с чем мы сталкивались, обсуждалось. Ничто не умалчивалось. Любую тему мы были готовы не только проговорить, а буквально препарировать, пытаюсь рассмотреть не только видимое, но и потаенное. Истории друзей и близких, литературные персонажи и киногерои — свои примеры мы брали из всего, что нас окружало. И с каждым разом нам становилось не только проще принимать свою судьбу, но даже дышать в этой жизни, такой разной и неоднозначной.

Это нелегко, но все-таки я за правду. Именно поэтому в этой главе я исключительно о своем непосредственном опыте и говорю. Конечно, самое сложное, если ребенок в семью попал младенцем. Таким родителям я бы посоветовала искать «коллег». Да, чуть ли не по всему миру искать тех, кто тоже усыновил новорожденного, но считает правильным открыть ему правду или же не надеется на порядочность либо устойчивость близких, и намерен сделать первый шаг.

— Мама говорит, что если бы они меня не встретили, то никогда бы не были счастливыми! — говорит Аленка пяти лет своему другу Диме.

— *А нам с братом тоже родители говорили, что аисты таких любимых деток даже и не приносят, за ними еще побегать надо!* — отвечает Дима, и его близнец Костя семи лет кивает в такт словам брата.

— *Я сначала думал, что это обидно, что меня родили не мама с папой, а потом понял, что это все равно. Вон нас сколько, и всех нас любят больше всех!* — соглашается Костя.

На миру и смерть красна, это нам известно. Индивидуальное сознание куда легче формируется, исходя из установок малой группы или общества. Мы же понимаем: самое страшное, что приходится испытать ребенку, узнав, как снег на голову, что он усыновлен, — это одиночество. Чудовищное одиночество, выброшенность на задворки жизни, какую-то нечеловеческую несправедливость. Поэтому мне и кажется удачной идея найти успешных усыновителей, познакомиться и подружиться с ними, ведь на какую только тему люди не пробуют дружить через интернет! Стоит попробовать наладить общение со своими «коллегами», создать Клуб Счастливых Приемных Семей, чтобы стало проще, тщательно продумав, как именно это сделать, рассказать своим любимым детям о себе. Пусть кровь в наших жилах разная, но жизнь свою любой родитель за ребенка отдаст без промедления.

Я также хочу от всего сердца пожелать удачи тем, кто несмотря на риск нанести своему ребенку травму, предпочитает тайну. Обезопасьте себя максимально. Или же, если это невозможно, воспитывайте ваше дитя в постоянных касаниях к этой теме. Показывайте ребенку счастливых приемных детей, счастливых родителей, которые получили свою любовь так, словно их вместе с их детками изготовили в какой-то одной невидимой мастерской под заказ — друг для друга и только. Также, показывайте им примеры кровных семей, в которых взаимопонимание отсутствует. Подчеркивайте, видя несчастливые истории, что родственность сама по себе не смогла помочь никому и от несчастья людей не уберегла. Проговаривайте тот факт, что кровь — это не та сила, которой все подвластно на земле. Говорите об этом хотя бы на всякий случай, чтобы не получилось, что однажды ваш ребенок столкнется

с откровением на тему, о которой он никогда не слышал, а если слышал, то это всегда ассоциировалось для него с чем-то невыносимым.

Одно из списка того, что плохого мы можем сделать для детей и для себя — это молчать вокруг важных проблем. Живите вслух, не молчите о главном друг рядом с другом!

А что касается прочих сомнений и страхов, например, огласки или нежелательного мнения окружающих, чего тоже нередко опасаются наши принимающие родители, то я уверена: если мы с самого начала отнесемся к вопросу приема ребенка в семью серьезно, то бояться нам нечего. Потому что, побеждая это именно мы с вами станем теми людьми, которые формируют общественное мнение, стало быть, такого рода страх отпадет сам собой. Все наши страхи будут исчезать по мере того, как мы будем работать над собой ради наших детей, а значит — становиться опытнее и сильнее.

Мы прекрасно понимаем, что никакой ребенок не растет легко. Мы знаем, что наши дети, даже самые кроткие из них, просто мастера создавать своим родителям «неразрешимые» проблемы и насыщать нашу жизнь разнообразными «спецэффектами». Но если мы растим СВОИХ детей, все наши затраты оказываются посильными. А задачи — разрешимыми.

Глава 7.

КАК ЖЕ НАЙТИ СВОЕГО?

Предположим, мы приняли за аксиому, что основные проблемы, стоящие на пути российских замещающих родителей, упираются именно в это: мы хотим не просто вырастить любого ребенка, мы хотим ребенка, нам подходящего. Но мы все еще не знаем, как его выбрать. Как понять, который из детей твой, если все они смотрят на нас с вопросом, или же мы выбираем по фотографии, по видеоролику... Как угадать, совпадаем ли мы с маленьким человеком, да и существует ли это «совпадающее», или же мы заранее предвзяты, и это нехорошо, потому что к такому вопросу надо подходить с чистым сердцем...

Да тут просто нескончаемая цепь сомнений!

Что же нам делать?

Как правильно на эти вопросы ответить?

Как же сделать свой выбор, если его вообще возможно сделать?

В самом деле, на эту тему ответов не меньше, чем вопросов. Но все равно перед выбором человек остается один на один с необходимостью своего «последнего слова».

Выбор малыша — это событие, которое может, буквально, перевернуть нашу жизнь. Мы явно посягаем на что-то невероятное, и наше сердце нет-нет, да собьется с ритма при мысли о том, что мы собираемся сделать, как бы рационально мы устроены ни были.

Смотрите, как часто бывает, что мы утверждаем, будто в дело вмешался Его Величество Случай, если нам повезло. И что это была чертова случайность, если все пошло не так, как мы хотели. Да мы и сами разрозненны, разве не делаем мы порой того, чего не одобряем в других людях? Разве, понимая иногда, как следует поступить, мы не медлим в бездействии? А поверить в то, что мы — молодцы, очень хочется, да вот не всегда это получается. Поэтому

мы застываем в ожидании. Мол, как говорила Алиса в Стране Чудес: «Пусть кто-нибудь приходит и уговаривает, уговаривает»...

Я люблю детей. В самом деле, очень люблю. Но в бытность моей работы в детском доме мне привелось дважды встретиться с детками, общаться с которыми мне было трудно, неудобно, почти невыполнимо. Я уставала от этих детей, расстраивалась, если мне приходилось тесно взаимодействовать с ними, и «загибала пальцы», считая свои недостатки: вот, отношение к детям должно быть одинаковым, а я не смогла. Потому что этих двоих — не люблю....

Не отношение, а поведение должно быть одинаковым, — это я поняла позже. А отношение как раз может быть очень разным, и мы имеем право не совпасть с кем-то из детей так же, как с кем-то из взрослых. И не полюбить кого-то из детей мы тоже имеем право.

«Мой человек» и «не мой человек», — это касается в равной степени людей любых возрастов. Всего два ребенка за годы моей работы, только два. Но ведь и целых два! Целых два ребенка, целых два человека моей симпатии не вызывали, любви не пробудили, при всем моем старании не вызвали желания прижать их к груди. Каждый раз мне хотелось от них отвернуться и с огромным чувством вины как можно скорее уйти!

... А вдруг мне бы «выпал» именно такой ребенок, а я не разглядела бы этого сразу? Тогда жизнь моя превратилась бы в нескончаемую борьбу с собой. И неизвестно, чем бы кончилась эта борьба.

Позже, когда пришла пора выбирать, и я подробно рассказала об этом в романе «День девятый», в моей жизни произошло нечто совершенно невероятное. Я уже понимала, что ребеночка обязательно возьму, моя семья вместе со мной была готова к этому шагу. И, подходя к этому вопросу разумно, я думала, что это будет один ребенок. Мальчик, который мне очень нравился.

Но все получилось совсем иначе. Не тот мальчик пришел в нашу семью, а совсем другой, и с ним еще две девочки, чего мне даже в голову прийти не могло, но теперь я не понимаю, как бы без них жила.

Как же это получилось? Только не машите руками в ужасе, что не нужны вам такие откровения, потому что лучше выбрать умом и в меру, чем вот так, по неведомому наитию и, ясно же, что без ума.

Ну, прежде всего, это была и остается именно моя судьба, а ваша наверняка совсем иная. Помимо того, можно запросто «пойти ко дну» с одним «чужим по духу» человеком в лодке и прекрасно «выплыть», имея на борту целую команду «своих» людей.

Самое главное — я продолжаю быть уверенной в этом, определяя, кто же нам действительно подходит. Потому что один человек от факта кражи перевернется и не сможет укравшему ребенку в глаза смотреть, подозревая его потом в воровстве всю оставшуюся жизнь. А другой спокойно на это взглянет, но преткнется из-за сексуальных особенностей ребенка... Третий же не перенесет ни того, ни другого, потому что никогда не сталкивался с этим и даже представить себе не в силах, как с таким можно жить, но его вполне «устроит» ребенок-инвалид... Тогда как четвертый скажет, что пусть делает что хочет, лишь бы был здоровым.

А самое удивительное, что мы можем очень успешно обманываться, верить в свои симпатии, не предполагая скрытых черт, которые откроются потом. Мы ведь и во взрослых людях ошибаемся, и звучит затем пресловутое: «Я думал, что ты... А, оказалось, что ты...»

Но ведь с детьми-то это тем более возможно, — допустить ошибку, детей-то порой не рассмотришь вообще. Особенно, если мы принимаем решение взять младенца, по внешнему виду которого понять что-либо в принципе невозможно.

И я бы использовала все возможности, поверила бы даже в то, что в обычном случае и рассматривать бы не стала, лишь бы сделать еще более возможной свою любовь.

Впрочем, я так и сделала в свое время. С тех пор прошло много лет, но до сих пор и мы, и наши друзья поражаемся удивительной общности нашего с детьми устройства, того факта, что все наши дети, несмотря на разницу пяти характеров, связаны между собой любовью, дружбой, взаимной нужностью, которые проявляются постоянно и во всем.

Теперь для меня однозначно то, что этот метод соискания тишины, о котором я расскажу в главе «Выбор», спасает еще и от сомнений. Он помогает объединиться с утраченным собой. Чтобы потом, прислушиваясь к невидимому, действуя аккуратно и не пробивая лбом закрытые двери, идти к своему выбору, положась на судьбу.

Быть уверенным в том, что ты делаешь правильно, — это дорогого стоит. И вот именно эта уверенность, безусловно, дается тем, кто не пренебрегает древним и верным способом решать важнейшие жизненные вопросы, когда иначе решить их кажется сложным или же спорным. Наши скрытые возможности открываются для нас тогда, когда мы приводим в состояние предела возможности явные. Второе дыхание приходит, когда первое исчерпалось.

Сила принять решение и уверенность в своем выборе тоже приходят тогда, когда мы, обуздав рациональное, примыкаем к самому верному источнику — к самому себе. Чуть позже я коснусь этой темы подробнее.

Но вот решение принято. Что же дальше? Что нужно еще учесть, прежде чем сделать следующий шаг?

Глава 8. ЧТО СКАЖУТ БЛИЗКИЕ ЛЮДИ?

Действительно, подобное решение никак не может быть решением одного человека, кроме случаев, когда семья пока из одного человека состоит. Желанием одного — да. Но не решением. Это может быть только решением всей семьи. Причем, не просто мужа, жены и детей, если у них уже есть дети. Но и бабушек, дедушек, если родные живут вместе. А если поврозь, то бабушки и дедушки должны быть поставлены в известность, с ними должна быть «проведена работа», причем, работа серьезная. Не менее серьезная, чем со «второй половинкой» решающего. Ведь кто-то всегда задумывается об этом шаге первым.

Мама и папа проходят ШПР — школу приемных родителей. Но старшее поколение не меньше среднего нуждается в том, чтобы их просветили по многим вопросам. Это серьезная и деликатная тема, тем более, что родители будущих усыновителей и опекунов уверены в том, что все на свете «знают лучше». Какое тут может быть обучение! Не говоря уж о самом факте приема нового ребенка в семью, известие о котором для тех, кто решения не принимал, всегда как снег на голову.

И можно, конечно, поставить «предков» в известность, сказав, что так, мол, и так, в семье уже завтра появляется новый ребенок... Но ведь тут, в этом месте, и я бы даже сказала, что в это время, могут возникнуть проблемы, которые способны очень сильно повлиять на нового члена семьи. И не просто повлиять, а испортить то, что нам предстоит с большим трудом строить.

Поэтому, мне кажется, лучше всего «старших» родственников предупредить, едва будет принято решение. А может быть, и до этого, еще в процессе обдумывания, чтобы дать возможность неготовым людям «выпустить пар», высказать свои сомнения. А нам — услышать ответные аргументы. И если они будут весьма неприятными, тем лучше. Это тоже способ проверить себя.

Возможно, придется пережить некоторое подобие войны, бывает и так. Эти «войны» помогают старшим смириться и подготовиться к решению своих взрослых детей, а взрослым детям — в самом деле проверить себя еще раз. Обычно, уверенность в принятом решении в результате таких войн только крепнет. А если нет, если процессы вдруг начинают стремиться в обратную сторону, то спасибо «противнику». Значит, мы еще не вполне готовы к нашему решению, раз нас так легко повернуть назад.

С такими ситуациями, кстати, я сталкивалась непосредственно.

В одном случае, бездетная пара приняла решение взять ребенка и с приличествующей моменту торжественностью пришла к матери мужа, чтобы объявить о своем решении. Домой они воз-

вращались с решением обратным. Аргументы несостоявшейся бабушки, которые, в общем, можно было легко свести к одной мысли о том, что это «страшно-опасно-вообще- неизвестно», обладали над желанием, которое впоследствии так и не осуществилось. Этих людей я видела уже очень старыми. Они с горечью рассказывали о том, что у них не сбылось.

В другом случае «предков» было двое, и бабушка, которого моментально поставила «в ружье» бабушка, грозился чем угодно — от инфаркта до лишения наследства. В инфаркт дети не поверили, а материальная угроза оказалась фактором достаточным, потому что как раз на помощь отца молодые и рассчитывали. А рассчитывать в этом вопросе можно только на себя.

Была еще одна ситуация, где принять ребенка решила одинокая женщина, которая жила с мамой и выйти замуж уже не надеялась. Верующая мама встретила известие драматично, отправила свою дочь к священнику, и тот, увидев сомнения прихожанки, поступил мудро: ее отговорил.

Почему я называю это действие мудрым? Потому что от этого шага всегда лучше отговорить, если есть возможность. И потому что пусть детей берут те, кого от этого решения никто в целом мире отговорить не в силах. Тем более что по роду своей деятельности я вижу: таких людей в нашей стране очень много. Верю, что их будет становиться все больше.

Итак, лучше всего старшим родственникам объявить о своем решении пораньше и в четкой форме. При этом, как мы уже понимаем, не ждать в ответ распростертых объятий. Увы, даже самые лояльные «старрики» довольно часто выражают бурный протест, узнав, что их дети решили взять ребенка. Я бы даже сказала, что на моем веку радостно это известие из старших родственников не встретил почти никто.

Взрослые же дети воспринимают такую реакцию болезненно, предъявляя родителям разное: «предки» в них не верят, они

только притворялись, что уважают своих взрослых детей, родители никогда не хотели, чтобы они, их взрослые дети, совершили, наконец, серьезный поступок... Уверяют даже, что родители открылись с новой стороны, и что сами дети никогда не ожидали, что их мамы и папы могут повести себя так, а то, чему они их, взрослых уже детей, учили, все было, оказывается, «ложью». То есть, на этой почве может случиться и драма нечаянных «прозрений».

К негативной реакции «предков» нужно быть готовым хотя бы на всякий случай. Еще лучше вместе с этим понимать, что нежелание признавать приемного ребенка «стариками» к самим принимающим родителям отношения, как правило, не имеет. Как не имеет отношения и к ребенку вообще. Чаще всего, это ни больше, ни меньше, чем неосознанная охрана своего покоя, своей стабильности, усталость и возрастное нежелание перемен. Стоит вспомнить, что довольно часто «стариками» не хотят вообще никакого пополнения в семьях детей, если внуки у них уже есть. Но потом, когда рождаются новые, они их отчаянно любят. Здесь же можно отметить, что чем старшее поколение дальше от принимающего, тем лучше для них «ложится на ноты» решение принять в семью нового человека. Все же для старшего поколения важно понимать, что их стабильности ничто не угрожает.

Поэтому, объявляя о своем решении и встречая недовольство перспективных бабушек и дедушек, будущим родителям хорошо бы напомнить себе, что этот протест вовсе не оттого, что их способности подвергнуты сомнению, или потому, что их родители «оказались вон какими». Скорее всего, те просто не хотят перемен, опасаются, что новых детей снова придется растить именно им, боятся за уже существующих любимых внуков, боятся...еще чего-нибудь. Очень возможно, что «стариками», в основном, держатся за существующий уклад. И тут молодым родителям не стоит принимать на свой счет любые уговоры старших «передумать» и ребенка не принимать. Лучше проявить терпимость и сочувствие к «старикам». Возможно, они опасаются того, что им будет трудно выдержать дополнительную нагрузку.

Относясь ответственно к своему выбору и анализируя поведение родителей старших, молодым родителям, возможно, стоит перепроверить память и кое-что проанализировать. Как их «старрики» обычно отзываются о других людях? Или о шалунах — соседских детях? Насколько они сострадательны? А отзывчивы? А добры? Можно с высокой долей вероятности предугадать, перерастет ли недовольство и отрицание в приятие и любовь. И если по всем показателям наши родители — сердечные добрые люди, то нам стоит попросту перетерпеть их первую реакцию и потихоньку утешить своих «стариков», показав твердость своих намерений. И уж точно не стоит «бросаться на амбразуру», воспринимая их протест как личное оскорбление.

Порой старшее поколение берется изводить детей уже после взятия ребенка. Мне известен случай, когда в одной семье, где был ребенок кровный и появился приемный, свекровь периодически бралась уговаривать жену сына нового ребенка вернуть, при этом сына она не трогала, и молодая мама одна принимала все давление на себя. Стоило заболеть ребенку кровному, или же случиться перебою с деньгами, тут же звучало одно и то же, произносимое с разными интонациями и разным выражением лица: «Жизнь такая тяжелая! Отдайте его... Отдайте, пока не поздно!» Особенно сочно звучала последняя фраза, словно всезнающая свекровь ждала неминуемого горя, после которого уже и «захочешь — не отдашь»... И молодые родители очень тяжело это обстоятельство переживали, считая, что на нового ребенка рано или поздно падет бабушкина нелюбовь.

Однако, случилось так, что они застали эту самую бабушку за тем, как она усердно подкармливала приемного ребенка и явно проявляла признаки сострадания к нему, думая, что дети не видят ее. После нескольких таких случаев молодые родители поняли, что все бабушкины монологи на тему возврата ребенка были всего-то вариантами ее борьбы с женой сына, а приемный ребенок играл роль «болевого точки», того, на что невестка не реагировать не могла. Конечно, это обидно, молодая мама очень переживала, но, по крайней мере, за приемного ребенка она больше не боялась, зная, что свекровь ему вреда не причинит.

Варианты такого поведения я встречала и в других семьях, где общим признаком было говорение старшими всяких неприятных слов своим детям — замещающим родителям, но это все происходило на фоне вполне адекватного поведения по отношению к приемным детям.

Конечно, это не правило. Но бывает и так.

Все-таки, в большинстве случаев бабушки и дедушки довольно быстро перестают сопротивляться и соглашаются с решением своих взрослых детей. А то, как они потом себя ведут, зависит уже от уровня их культуры. В любом случае, поведение бабушек и дедушек чаще всего оказывается предсказуемым и вполне человеческим. Бунт, проявленный поначалу, как правило, довольно быстро завершается, а в процессе его если кто-то и страдает, то не новые члены семьи, а «зачинщики» — родители.

А как обстоит вопрос с самими замещающими родителями? Конечно, в большинстве случаев инициатором этого шага в семьях бывают женщины. И вот тут мне приходилось сталкиваться с тем, как на неподготовленных мужчин буквально выбрасываются лавины информации о «несчастном сироте», который очень скоро превращается в явную угрозу спокойной жизни тех, кого их жены вознамерились произвести в отцы не совсем обычным способом.

Дорогие женщины, все-таки к мужчинам нужно относиться бережно. Да вы и сами себе представьте, что было бы с вами, если бы к вам вдруг подошли ваши мужчины и стали требовать немедленно прижать к сердцу какого-то ребенка, тогда как вы ни разу не задумывались об этом. Женские скорость и вектор реакции вполне могли бы породить ответное желание сделать вашим мужьям и неизвестным детям анализ ДНК.

А у мужчин и скорость реакции, и вектор мысли — другие, да и вообще процессы усваивания и переработки подобного рода информации проходят иначе. Мужчинам недостаточно нашего

«хочу», им объективные причины понимать нужно. Логически понимать, почему вдруг. С какой стати. Зачем? А если уж что-то стойко остается непонятным, то хотя бы привыкнуть к неизбежности.

Но лучше всего, как мне кажется, если эти вопросы пришли бы к вашему мужчине самостоятельно, прежде чем вы их озвучите.

Я бы сравнила реакцию неподготовленного мужчины с тем, как если бы он с утра не ел, и его жена вдруг начала живописать ему, вечернему и голодному, всю прелесть экзотических, прежде не опробованных блюд. Скорее всего, мужчина придет в недоумение, терпеть голод до появления «экзотов» откажется и отправится к холодильнику — брать, что есть.

Другое дело, если женщина наполнит квартиру ароматами вкусной пищи и подойдет к своему мужчине с приглашением к столу тогда, когда он уже вовсю обоняет ее стряпню и выделяет желудочный сок. Этот мужчина к ужину подготовлен, и новое блюдо попробует спокойно и с удовольствием.

Я надеюсь, мужчины простят мне эти незатейливые примеры. Если бы я взялась представлять другие реакции женщин на подобные предложения, кроме упомянутого анализа ДНК, мы бы удивились не меньше. Но, все-таки, придется мне повториться: инициатором приема ребенка в семью чаще бывают женщины. Поэтому мы и думаем вместе о том, как подготовить к этому вопросу мужчин.

Мне кажется, нужно, чтобы сначала зазвучала тема. Где-то вдалеке, как музыка... из неизвестного окна. Можно рассказать какую-то историю о приемной семье, можно в присутствии мужа посмотреть об этом фильм. Можно задать вопрос в воздух: «А мы могли бы?..», но не останавливаться на нем, не ждать реакции, а, наоборот, от реакции уйти. Посеять зернышко раздумий, навести на мысль и оставить в покое. Зародить сомнение и сотворить паузу.

Подойти издалека. В отличие от собственных мам-пап, которым позже надо «так и сказать», а потом пережить реакцию.

В чем же тут разница?

Бабушки и дедушки, все-таки, чаще живут отдельно. Надо всего-то, чтобы они не оказались ярыми противниками, чтобы не «вредоносили», мы ведь и не собирались что-то перекладывать на их плечи, как бы они сами себе это ни представляли. А вот муж — совсем другое дело. С мужем нам ребенка растить вместе. И согласия его нам не достаточно. Нужно, чтобы он еще этого ребенка хотел, чтобы морально был к этому готов. Чтобы что-то об этом знал. Чтобы пара стала единой в нашем решении.

Это немало. Задача перед тем, кого «осенила мысль первым», стоит нешуточная. Поэтому тут нужно набраться терпения.

Мужчины могут в последний момент сделать «резкий поворот». Вот вроде уже надумал, уже согласился и вдруг... Страхи, даже упреки, переход на личности по типу «неужели тебе мало меня»...

Даже и тут давить, и вынуждать нельзя. Хорошо бы повременить, чтобы все сомнения «отсохли» сами. Мысленно дайте право вашему мужчине пройти все этапы внутренних притирок. Обычно, если женщина достаточно терпелива и деликатна, мужчина все-таки ее не подводит.

К счастью, редко, но, увы, иногда все-таки случается и обратное. Мужчина сразу выражает протест категорически и мнения своего впоследствии не меняет. Тогда женщина встает перед выбором — или ребенок, или собственно муж. Тем более, что мужчина так и говорит: «Выбирай».

Что ж. Тут трудно что-либо посоветовать, кроме того, что выбор, в самом деле, сделать надо. Только, если вы его все-таки сделаете, и если будет он в пользу вашего мужчины, не обвиняйте его потом,

что вы остались без ребенка. Мы сами отвечаем за все, что выбираем на пути.

А если мы согласие нашего мужчины все-таки «высидели», и он нам его уже дал, а у нас есть свои дети, как быть тогда?

Самое главное, на чем хочется сделать акцент, так это на том, что ребенка, уже в семье существующего, происходящее касается ничуть не в меньшей степени, чем остальных членов семьи, о которых мы уже поговорили — бабушек и дедушек, мамы и папы. Даже больше касается, потому что старшим поколением многие действия по воспитанию производятся как будто бы «над» детьми, и под это «над» попадают все дети — и бывшие, и будущие.

Нашему существующему ребенку придется сильно подвигаться. В его жизненном пространстве, особенно первое время, станет заметно меньше внимания мамы и папы, скорее всего, больше проблем и, наверняка, меньше пространства физического.

Итак, новый ребенок — к ребенку уже существующему.

Я слышала, как родители с гордостью говорят, что принять ребенка было совместным решением как их самих, так и ребенка или детей кровных. И что дети «были готовы» и «знали, на что шли».

Сразу хочу сказать: вот эта фраза — «вы знали, на что шли» — в том, что касается того, чего человек прежде не делал, — по моему мнению, одна из самых пустых и безответственных фраз, из тех, что мне известны. Если действие уже совершалось, то да, человек мог примерно представлять. Именно примерно, потому что всякий раз обстоятельства меняются. Если же человек не знал, если действие можно приравнять к дерзновению, то ничего подобного утверждать нельзя. Тем более, относительно детей, которые ждут новеньких братьев или сестер в свою семью, и очень часто это сопряжено с горделивой готовностью приносить добро, с неким осознанием качества собственного поступка.

Но они не знают, на что идут!

И поэтому я посоветовала бы всем потенциальным замещающим родителям, кто уже имеет подросших детей, готовить их к неизбежному сопротивлению и противостоянию новых членов семьи, с которым им придется столкнуться. Ни в коем случае нельзя поддерживать миф о том, что приемный ребенок будет нам благодарен. Это грозит жестоким разочарованием для всех. Прежде всего, не стоит в расчете на благодарность затевать дела такого масштаба, да и благодарность — ее еще заслужить надо. А для самих себя лучше вспомнить, когда мы сами впервые испытали глубинную благодарность к своим родителям. Когда стали совсем взрослыми, ведь правда? Вот и наш приемный ребенок когда-нибудь непременно почувствует ее, эту долгожданную благодарность, но только если наша любовь будет делать правильные шаги, если двигаться она станет поступью верной. Метаморфоза нескоро произойдет. А поначалу приемный ребенок может испугаться необратимости или нового предательства. Забиться, сопротивляясь, как пойманный в силки зверек. И нам, и нашим уже существующим детям необходимо набраться терпения, а может быть, и мужества. Нам потребуется его примерно столько, сколько было у Герды, когда она отправилась выручать своего Кая. До тех пор, пока льдинка в его сердце не растаяла.

Я тоже прошла через это. Мои дети и в детский дом со мной ходили, и на экскурсии с воспитанниками ездили, в разные игры играли и сопровождали их на прогулках. Они и решение принимали с нами, с родителями, и проговаривали мы все, что только в голову приходило, но ни мы, ни, тем более, они, даже примерно себе не представляли, с чем каждому из нас придется столкнуться потом.

Прежде всего, все друг друга ревнуют. Новые дети, осмотревшись, словно задают себе вопрос: «Неужели меня любят также?» И берутся проверять, испытывать родителей «на прочность». Это вполне понятно, не так ли? Но пережить бывает очень нелегко. Потому что наши дети изобретательны в своих проверках, и нам нужно обойти все «капканы», которые они станут расставлять нам

на нашем пути, чтобы все перестали сомневаться в нашей честности и нашей любви.

Это испытание, да. Раньше довольно часто случалось, когда кто-то из моих детей с негодованием восклицал по поводу и без: «Это же трудно!» И ответ они слышали всегда один, который с улыбкой цитируют теперь сами: «Я не обещала легко. Я обещала интересно».

В поисках «ключей» от семейного «форта Бойярд» с какими только трудностями ни придется столкнуться. Но этого стоит сокровище в финале игры: наша любовь и дружба наших детей.

Мне кажется, не нужно пугаться, читая эти строки. Или, если мы все-таки напуганы, то, может быть, стоит взять тайм-аут. Ведь легко, в самом деле, не будет, испытания предстоят. И великое счастье ждет нас, когда мы эти испытания пройдем. Потому что, да, счастливыми мы себя чувствуем, только покорив вершину. Когда оттуда, сверху, мы смотрим на раскрывшийся внизу пейзаж, не вполне доверяя себе в том, что нам удалось проделать этот путь. Но мы-то сейчас хоть частично уже и при амуниции, но еще только у подножия. Оттого стоит, как мне кажется, еще раз проверить нашу кладь:

- Все ли мы захватили с собой, чтобы трогаться в дорогу?
- При нас ли наши исправные пульта управления собой?
- Осознали ли мы, какими именно должны быть закон и порядок нашего дома?
- Какие традиции мы собираемся чтить и как строго соблюдать законы иерархии?
- Насколько мы честны перед собой?
- Насколько мы лояльны к нашим родственникам?
- С нами ли наша решимость во всем брать ответственность на себя?

И, находя себя в готовности продолжать путь, мы делимся нашими планами с друзьями, ожидая, что нас будут отговаривать и они.

Но друзья семьи почему-то ведут себя совсем наоборот!

Чаще всего, друзья как раз подбадривают, поддерживают, понимают, смотрят, и, вообще, рядом с друзьями нам кажется, что мы сможем все. Друзья обещают поддержку и, между прочим, очень часто потом ее действительно оказывают. Правда, встречи с друзьями быстротечны в сравнении с тем временем, когда мы продолжаем оставаться в раздумьях и ждать чего-то еще — знака, стечения обстоятельств, смягчения настроения «предков», какого-то особого своего состояния, когда мы уже наконец махнем рукой: «Была-не была!»

И это тот самый момент, когда нам следует решаться. Потому что лучшего положения вряд ли можно ждать. Ведь относительно реакции старшего поколения нам уже все ясно, и, кстати, если бы они, наши старики, поменялись местами с друзьями, то и вели бы себя точно так, как друзья, т.е., как хорошие, надежные люди, которые рады помочь.

Постольку поскольку не обязаны.

Ведь именно этот фактор заставляет наших родственников и наших друзей говорить такие разные слова.

Родственникам кажется, что их приговаривают к проблемам и трудностям. И они протестуют, воспринимая ваш выбор как покушение на их личные свободы. Друзья же остаются совершенно независимыми. И выбирают то, что нормально для всех нас: быть добрыми и отзывчивыми людьми. И, безусловно, в обоих этих правилах непременно могут быть исключения.

А бывает, случается так. Будущие замещающие родители никак не могут решиться сказать последнее «да» и перекладывают ответственность друг на друга, подбивая под свои состояния «базу», обманывая себя и не отдавая себе отчета в своих страхах.

Но бояться не стыдно.

Тут, в этом деле, вообще ничего такого не стыдно. Ни сомневаться, ни притормаживать, ни даже бояться. Вокруг нас существует так много мифов о неразрешимых проблемах с приемными детьми, наше общество, боясь не встретить свою любовь, так искусно сплело себе защиту от прекрасной традиции прима одинокого ребенка в свою семью, что эта плетеная защита превратилась почти в кольчугу. Но сердце просит любви. И пока наш страх не «отомрет» в достаточной степени, чтобы мы могли наконец сделать шаг, нам не стыдно выжидать.

Только вот придумывать себе «отмазки» вряд ли стоит. И нужно осознать, что есть зачинщик, что это именно он ведет сейчас за собой всю семью, что это именно под стук его сердца подлаживаются и подстраиваются сейчас остальные члены семьи, включая впавших в агрессию или отчаяние бабушек и дедушек. И что сказавшему «а» придется самому произносить и следующую букву алфавита.

Глава 9. ВЫБОР

В начале этой книги мы говорили о том, что, рождая ребенка, никто из нас совершенно ничего не знает о том, каким будет его характер. Это особенно хорошо известно многодетным семьям, в которых дети, имея одних и тех же родителей, больше того, примерно одинаковые условия взросления, вырастают очень разными, непохожими друг на друга.

Конечно, все члены таких семей, особенно семей дружных, чем-нибудь друг друга напоминают. Даже мужа и жены становятся похожи друг на друга со временем, а уж дети на родителей и подавно. И мы замечаем это внешнее сходство: жесты одинаковые у братьев и сестер, слова-реакции одни и те же у мам и пап, какие-нибудь характерные черты у всех членов семьи. Но в то же самое время существует что-нибудь, что делает детей одной семьи разными, причем, порой настолько, что сами родители диву даются: мало того, что склонности отличаются, так еще непонятно в кого эти склонности у детей! Например, один ребенок тяготеет к точным наукам, другой прекрасно чувствует ритмы и всем телом отзывается на звуки музыки, третий ребенок оказывается книго-

чаем, а четвертый — «обычным компьютерным гением». И выясняется, что почти невозможно заставить танцевать математика, читать — погруженного в интернет, и считать того, кто склонен отбивать ритмы. То есть, мы не знаем, какой человек приходит в мир, когда ребенка рождаем. Нам еще только предстоит знакомство с ним, у нас еще впереди увлекательное приключение познания сути, в котором мы поймем, что лучше всего дается нашему сыну или нашей дочке. И мы не сразу осознаем, что не каждое свойство сможем с успехом в нашем ребенке воспитать.

«Стоп! — скажет кто-нибудь тут. — Что же это получается? То сможем воспитать, то некоторые черты не сможем воспитать?»

Как это все понимать?

Точно так же, как и наши собственные склонности. Ведь мы, взрослые люди, уже приблизительно, а иногда и довольно точно понимаем, чем мы хотели бы заниматься в жизни, а чем не согласимся ни за что. Порой, выбирая от противного, мы соглашаемся выполнять какую-нибудь надомную работу, лишь бы не торговать. Или же работу курьера, лишь бы не просиживать в офисе целыми днями. Возможно, мы знаем о себе, что лучше нам иметь твердые рамки, которые обяжут нас работать «от и до», иначе нам себя не собрать. Или, напротив, выберем свободу и все прекрасно успеем, тогда как в твердом расписании задохнемся.

Точно так же и наши дети имеют свои некоторые природные склонности сразу, и они так и останутся ведущими для них, а если их развивать, то, возможно, определяющими судьбу. И мы видим из вышесказанного, что это в равной мере касается детей рожденных и приемных.

Каждый ребенок пришел в этот мир с чем-то своим, о чем нам совсем ничего неизвестно. А мы, взрослые люди, для того и становимся родителями, чтобы помочь нашим детям вырастить лучшее в себе, развить самое ценное, но и воспитать детей гармонично и устойчиво. Ведь мы же, если и опасаемся чего-то, принимая

ребенка в семью, то именно того, что он окажется нам «чужим». Порой, даже не признаваясь себе, мы боимся, что «вот, мы возьмем», а у него «вдруг потом вылезет», или, что дитя вырастет «и окажется»... Но я повторяюсь: мы одинаково не знаем ничего о том, что это за человек — новый ребенок, рожденный он нами или только что встреченный. Новый ребенок — это новая вселенная, это всегда великая тайна, это самый главный в жизни сюрприз.

Другое дело, что, как бы ни отличались дети многодетных кровных семей, все-таки, как правило, что-то главное, какое-то ведущее свойство их между собой и с родителями роднит. И эта «базовая черта» порой оказывается определяющим фактором для комфортного сосуществования взрослых и маленьких людей рядом друг с другом. Я думаю, что, задавая себе вопрос о том, как же выбрать «своего» ребенка, именно это большинство родителей и имеют в виду. И нам надо что-то такое особенное сделать, чтобы не ошибиться, — так на пороге важного решения думает почти каждый взрослый.

И все-таки, до конца это непонятно, — такое возражение может быть. — Ведь, «выбирая» ребенка, вычлняя его из массы остальных детей, так легко ошибиться. Личико, глазки, возраст, пол... Да вот еще, хотелось бы, чтобы здоровенький. Только разве за всем этим видно, твой ли перед тобой человек? Именно человек, не лялька, не пупсик, не игрушка, не картинка, не «история болезни». Мы и во взрослых-то ошибаемся. Начинаем общаться, а потом вскрывается что-то чуждое.

Иногда неплохо представить себе ситуацию в неких образах. Допустим, мы все сделаны из разного материала. Кто-то из металла, кто-то из ткани, кто-то из дерева. И вот приходит «металлический» родитель в детский дом, чтобы выбрать себе детеныша. И выбирает по внешним признакам. Но потом оказывается, что маленький человек ... сделан из ткани. Что его ждет в союзе с родителем из металла? Скорее всего, ничего хорошего. «Прорвет» его такой родитель, сломает. Непомерными требованиями, например.

Или «деревянные», а, что еще хуже, «тканные» мама с папой выберут себе вдруг «металлического» детеныша. Что с ними станет? Разрушит такая детка их структуры, и семья развалится, и люди несчастными станут все. Значит, обязательно нужно, чтобы родители и их новый ребенок были... «сделаны из одного материала».

Я видела несчастных, бегущих друг от друга, израненных неудачным опытом, посрамленных в собственных глазах взрослых и оставленных ими детей. И не был никто из них плох. Просто что-то их подвело, и в главном своем они не совпали, словно и впрямь из разного материала были сделаны. Потому же и гуляет по миру множество историй о замещающих семьях с неудачным опытом и исходом.

А люди просто поторопились. Выбирали, как попало. По социальным меркам. Среди шума и грохота. По расхожему принципу «хотим девочку трех лет с голубыми глазами, и чтобы бантик тоже голубой». Ничего в этом желании нет ни плохого, ни порочного, ни даже особенно легкомысленного. Но есть забывание того факта, что не каждый человек к другому подогнан. И что «их» ребенком может быть вовсе мальчик семи лет с бородавками и без передних зубов. Вот такое вот щербатое пока, но уже счастье их жизни.

В психотерапевтических практиках существует понятие «место силы». Каждый человек поймет о себе сам, где такое место находится у него. Для решения проблемы психотерапевт предлагает клиенту вспомнить или представить себе такое место, где тот всегда чувствует или чувствовал бы себя уверенно и спокойно. Терапевт предлагает тому, кто ищет решения своей проблемы, мысленно отправиться туда «за подмогой», чтобы «отдышаться», чтобы уравновесить себя. Остановиться и обратиться к «источнику», чтобы обрести целостность.

Именно целостности нам порой и не хватает для того, чтобы почувствовать себя уверенно, чтобы перестать мучиться сомнениями, чтобы осуществить выбор. А прийти к этому состоянию

очень часто мешает нам грохот окружающего мира, существующего вокруг нас. Мы ведь так хорошо понимаем, как нам мешает этот шум. Но как же трудно бывает заставить себя прервать бег, остановиться, чтобы услышать тишину и в ней — самого себя. Именно от этого шума, от этой суеты я и предлагаю ненадолго отключиться, чтобы собрать себя воедино. Пусть это будет воображаемое «место силы», или, возможно, реально существующее место на земле. Но хорошо бы нам в преддверии решения взять небольшой отпуск от суеты. Хотя бы на пару дней. А лучше дня на три. И остаться там, в тишине, наедине с самим собой. Чтобы соединились воедино наше мышление, наша интуиция, наши чувства и ощущения.

Кому-то для этого придется обратиться за помощью к специалисту, а кто-то успешно справится с задачей сам. Главное — прислушаться к себе. Наш внутренний голос говорит с нами очень тихо. И именно глотка тишины нам порой так сильно не хватает, чтобы узнать, чего мы на самом деле хотим.

Три дня отпуска, неба, воздуха. Три дня молчания, тишины, возможно, классической музыки, которая звучит, не будоража, не раздражая, не вызывая сильных чувств, а как бы фоном. Той музыки, что звучит продолжением вас самих...

Это тот способ найти решение, который мне известен, и который ни разу не подводил никого из тех, кто к нему, как мне известно, прибегал. Когда мы встречаемся с собой, нам становится понятно, как поступить. Возможно, теперь «наш» ребенок выйдет нам навстречу сам, когда мы придем искать его в детском доме или доме ребенка. Может быть, его фотография выпадет на стол из пачки других, или же сайт «зависнет» на одной фотографии и «не захочет» переключаться. А может быть, никаких чудес не случится, а просто не останется больше сомнений. Наше решение придет к нам, и мы примем его легко, потому что будем уверены: все правильно, вот этот маленький или уже не маленький человек — наш. И мы почувствуем себя в состоянии сказать «да» ему и своей судьбе.

Глава 10.

КРОВНЫЕ РОДСТВЕННИКИ

Итак, нам предложили ребенка, и он по всему нас «устроил». Похоже, мы совпадаем, похоже, мы «сделаны из одного материала». Наша уверенность к нам пришла, дрогнуло сердце, и мы почувствовали: «Вот!» И дальше, словно ситуация вышла из-под контроля, нас неудержимо повлекло именно к этому маленькому человеку.

Но вдруг выясняется, что у нашего избранника есть мать. Лишенная родительских прав, но есть. И мы пугаемся. Потому что взвалить на свои плечи еще и ее мы не готовы, хоть и говорят нам, что она не появляется вообще, или была последний раз давно, или сидит, например, в тюрьме и того гляди, выйдет... Мы даже не вполне слышим, что же такое нам говорят. Потому что «сидит», это нам никак ни к чему, а «есть мать», это же значит, что есть любовь, и как тогда быть?

Как бороться с этой любовью? Как сделать так, чтобы эта мама не спохватилась однажды и не утащила, «схватив за бочок» наше чадо, к которому мы уже приросли сердцем, куда-нибудь в сторону, «под ракитовый кусток», например.

Ну что же. Тут, мне кажется, настало время определить, с чем мы готовы считаться, и с чем мы не в силах смириться. Потому что порог приемлемости у всех разный, стыдиться этого неправильно, так же как неправильно не догадываться о нем. Что мы в силах «переварить», а что нет, нам необходимо о себе знать.

Для меня, например, было бы куда труднее согласиться с судьбой, если бы у моих детей хотя бы один родитель сидел. Не в принципе сидел, а сидел тогда, когда бы я решила ребенка забрать. Именно с той позиции, что он «вышел и явился», а я к этому как была, так и осталась неготовой. Хотя среди моих социальных знакомых есть те, которых постигла такая участь в перестройку, и это вполне достойные люди.

Но тут, все-таки, другое. И, как я полагаю, я могла бы испугаться: пьющий, лишенный прав сиделец, мне это показалось бы чересчур. То есть, я с трудом представляю, как именно выходила бы из положения. И такое отношение, в общем, есть моя кнопка. Мы помним, что надо знать свои особенности, тем более слабости, «пунктики» — «в лицо», тем более, собираясь в такое путешествие, как принятие нового ребенка в семью. И я непременно бы такую кнопку «отжала», если бы знала точно: этот ребенок — мой.

Также есть среди нас те, кто вообще не согласился бы ни на каких родственников. Представить себе, что у их ребенка есть кто-то родной, для таких людей невозможно. Что ж, я уверена, что в таком случае судьба и не предложит им чужой родни. Но это только в том случае, если мы со всей тщательностью определяли ее.

Нам всем полезно осознавать свои границы, но не менее важно быть в курсе существующих тенденций.

Например, если ребенок всю жизнь жил в детдоме, не имел личного взрослого и никого не любил, то модели привязанности у него нет. От психологов мы узнаем, что чем старше такой ребенок, чем дольше он прожил «один», тем меньше у нас шансов пробудить в нем любовь, и что лучше какие угодно родители, лишь бы ребенок их любил. Лишь бы эта пресловутая модель любви существовала. То есть, не так страшен кровный родитель, как мы привыкли думать о нем.

А кто-то считает, что все равно лучше младенчик, отказник, чтобы за его спиной не было никаких лишенцев, которые вдруг придут и потребуют.

Да, с одной стороны. С другой, если родители лишены прав, то мы хоть какой-то информацией обладаем. Нам есть от чего оттолкнуться, пытаюсь понять, с какого боку к ребенку подойти.

Но с третьей стороны, если выбор осуществлен, если перед нами ребенок «наш», и мы это поняли и умом, и сердцем, то что бы там ни возражал наш перепуганный здравый смысл, нам надо принять нового человека с тем багажом, который у него уже есть.

И вот главный постулат, который способен показаться неудобным для жизни, не совсем безопасным для нас и уж вовсе не простым в исполнении, но который, однако, я считаю единственным правильным из возможных:

Нельзя убивать любовь.

Разница в ревности между кровными рассорившимися родственниками и кровными и замещающими родителями практически отсутствует. И там, и там всем хотелось бы, чтобы ребенок любил именно их; и там, и там все стремятся, чтобы ребенок именно их предпочитал. И от уровня внутренней культуры зависят те приемы, которые применяют в борьбе за свою любовь по отношению к детям люди взрослые. К сожалению, приемы эти бывают губительными.

Конечно, можно услышать возражение, что пьющие и лишенные прав родственники должны быть отодвинуты как можно дальше от детей. Иначе какой смысл в объединении маленького человека с новой семьей, если эти люди со своим отрицательным примером будут все время маячить перед глазами ребенка, лишая нас возможности предложить ему другую жизнь и другую судьбу.

И я даже не подумаю с этим спорить.

Конечно, никто не может быть заинтересован в том, чтобы деморализованные родственники влияли на наших детей. Но и нам тоже, по всей вероятности, хорошо бы придерживаться каких-то правил. В любом случае, способы нашего влияния на ситуацию должны резко отличаться от того, что, по логике, могут такие родственники продемонстрировать нам. А это означает, что как бы эти родственники себя ни вели, их поведение не должно отражаться на поведении нашем.

Знаете, часто можно услышать от людей с залипшими кнопками: «как он себя ведет со мной, так и я с ним», «с какой стати я буду вежливым, если мне хамят?» Но мы помним, наши пульта управления приведены в полный порядок. Мы больше не зависим ни от каких внешних «ветров». И мы будем вежливы, даже если нам хамят, потому что на нас смотрят наши дети. Ведь рано или поздно они непременно начнут нам подражать, причем не только в манерах. Дети переймут и то, чем эти манеры нам продиктованы, а именно — переймут стремление не причинить боль любимому человеку, милосердие к тем, чья жизнь не удалась.

Это обязательно произойдет, и этому научит детей наша верность.

Одним из мифов, которые ходят вокруг темы кровного родительства, является некое опасение, что эти родители пожизненно преследуют детей и не дают покоя никому. Но в большинстве случаев это совсем не так.

К тому моменту, когда дети изымаются из семей, их родители уже достаточно сильно опустили в плане социальной адекватности. К великому сожалению для этих людей, процесс, в который они вовлечены, уже всерьез владеет ими, они опускаются все ниже. Эти родители, конечно, реагируют, когда детей забирают в семью, и порой, реагируют бурно. Но часто они не приходят на суды по лишению родительских прав, а самих детей навещают только первое время.

Нам важно осознавать, что кровным родственникам нечего дать детям, нечего пообещать. И потому все они, практически без исключения, обещают детям одно и то же, — что скоро заберут их домой.

И это детей «разносит».

Но длится такое положение, к счастью, недолго.

Я пожимаю руку тем родителям, которые соглашаются с важностью следующего момента. Конечно, нужно набраться терпения и просто переждать некоторое время, пока кровных мам или пап не утомит и не разочарует новое положение дел. И чаще все же это касается мам, поскольку наличие пап в этих семьях уже само по себе редкость.

А пока мы переживаем, нам надо с нашим ребенком сотрудничать. Мы ведь понимаем, что именно разумный подход повернет к нам привязанность ребенка, позволив ему сначала просто принимать помощь от нас, а потом, не сразу, испытывать благодарность за эту помощь, с которой начинаются доверие, приятие самого человека. Именно отсюда растет чувство надежности, которое так необходимо каждому человеку, а ребенку особенно. Проще говоря, мы не станем говорить плохих слов о кровных родителях, мы не будем «в лоб» в чем-либо их обвинять.

Особенно важно не подвергать сомнению их любовь к ребенку в глазах самого ребенка. А ведь это самое простое, правда? Но мы

не должны попасться на эту удочку. «Конечно, мама любит тебя, дорогой».

И ведь знаете что? Весь ужас в том, что очень часто эта несчастная мать, в самом деле, ребенка любит. Как умеет, как может. Любит неплодотворной изуродованной любовью. Такой же, как ее жизнь. И если об этой трагедии мы помним, нам проще принимать присутствие такой мамы где-то неподалеку от себя.

Во время работы в детском доме не раз и не два случалось так, что кровные родители не являлись на запланированные встречи, когда дети их ждали. И мы, воспитатели, были куда гуманнее к этим бедным малышам, чем, например, мои личные родственники, которые в моем детстве потирали руки, если кто-то, мама или папа, не приходил, чтобы повидаться со мной, когда обещал. Я жила у бабушки и была прекрасной моделью буфера, на долю которого приходилось испытывать удары от столкновений «вагонов» моей родни.

Мои дорогие родственники вечно «так и знали», если долгожданный родитель в назначенный час не являлся, чтобы повидаться со мной. А мы, воспитатели, говорили нашим воспитанникам, что «мама заболела», или «мама на работе», или «мамочка обязательно придет в другой раз»... Мы утешали и подбадривали наших малышей, мы отвлекали их, изобретая все новые способы отвлечения и облегчения и без того тяжелого момента. Ведь ребенок так ждал! И ждал напрасно.

Даже внутренне торжествуя оттого, что ненужный нам родственник не явился на встречу, мы не вправе приносить нашим малышам боль.

Дети не должны страдать от ревности взрослых, и мы будем говорить о ревности отдельно, что необходимо, потому что она, ревность, приносит нашим детям огромное количество зла.

Это так просто понимать, но порой так нелегко осуществить. Я сталкивалась с ощутимым сопротивлением, когда советовала

замещающим родителям сглаживать агрессивное поведение ребенка напоминанием о маме, о телефонном звонке, в котором она просила передать, что любит его. Такое поведение особенно подходит для раннего периода совместной жизни, когда все очень остро. И замещающие родители нервничали и сопротивлялись совету: «Зачем напоминать о ней, лучше бы он поскорее о ней забыл!»

Но он не должен ее забывать.
Как бы нам этого ни хотелось.
Будет очень плохо, если он забудет ее.
Для него.
И, значит, для всех.

Можно, советуя что-то ребенку, объединять себя в словах с кровной мамой, если ребенок недавно расстался с ней. «Мне кажется, лучше так, и, думаю, она сказала бы так же»...

Если мать приемная объединяет себя с кровной, заботясь о том, чтобы ребенок не разрывался, то любовь ребенка к родной матери незаметно перетекает в любовь к той, которая так старается замечать ее собой.

С малышом можно сделать вместе какой-то подарок маме, если вдруг с ней предстоит встреча. А потом постараться отвлечь ребенка от «погружений в послевкусие» свидания или даже утешить, если мама была невнимательной и быстро ушла. Так часто бывает, что мамы уходят очень быстро...

А может быть, она снова не придет, кровная мама, и надо будет иначе поддержать нашего малыша, ведь он ждал ту, которую любит...

Ни в коем случае мы не позволим себе скептически-торжествующего лица, потому что это ранит нашего любимого маленького человека! Мы ни за что не покажем радости, оттого что не явился наш главный конкурент. Мы потихоньку уговорим ребенка,

что наверняка что-то важное помешало маме прийти, и найдем что-нибудь интересное, что утешит его.

Не стала бы ничего этого говорить, если бы сама не прошла через подобное. И ревновала я, и мучилась, и, казалось, убить хотела. Но старалась держать себя в руках, старалась понять, старалась представить, что же произошло в жизни человека, и что сломало его. Я улыбалась, когда хотелось кричать, и делала это ради детей, как любая нормальная любящая мать. И теперь, когда прошли годы, и мне есть с чем сравнить, я могу сказать, что если обернуться назад и посмотреть на все проблемы, которые случаются у нас, пока наши дети растут, то честное слово, проблема общения с кровной мамой была не самая серьезная.

В этой же проблеме главным оказывается то, что встречая наше приятие, видя то, что мы не пытаемся его оторвать, а даже помогаем встретиться с любимой мамой, что мы понимаем и разделяем чувства нашего ребенка, он начинает тянуться к нам. Потому что мы становимся не барьером на пути к маме, а ее продолжением. И поразительно то, что не только нашему ребенку, но также и нам становится в этом случае значительно легче. Потому что «Лучший способ воспрянуть духом самому, это попытаться приободрить кого-то ещё», — как говорил Марк Твен.

Потом все меняется, нам отведено совсем другое место в этой истории, и мы непременно его займем. Но надо помнить, что «первая тумба» любви никогда не берется боем. Только любовью, только терпением. И верой в то, что подобное рождает подобное. Наша любовь непременно родит любовь в ответ. Нужно только иметь мужество ждать.

Мне кажется, очень важно помнить высказывание Козьмы Пруtkова о единожды солгавшем. Оно преобразовалось в разные варианты мысли о том, что предавший однажды предаст снова. И сломать любовь нашего ребенка осуждением его заблудшего родителя все равно, что толкнуть человека на предательство, так представляется мне. Конечно, хочется избавиться от дурного влияния

поскорее. Но риск велик. Поэтому, мне кажется лучшим выходом — направлять ребенка и помогать ему шаг за шагом разбираться в том, какие выборы делают люди, из каких поступков какие следствия случаются. И вообще, подбирать примеры и постоянно, но без занудства, показывать на этих примерах, как в жизни действует старая добрая и верная поговорка:

Посеешь поступок, пожнешь привычку,
Посеешь привычку, пожнешь характер,
Посеешь характер — пожнешь судьбу.

Выращенный в любви, уважении, заботе и честности, наш ребенок непременно поймет цену любого выбора.

Познавший милосердие, он усвоит то, о чем я не уставала говорить своим детям:

Любовь, это не слова. Любовь — это поступки.

Потому что, сколько бы мы ни выращивали в нашем ребенке силу, ум, честность и прочие доблестные качества, но если мы при этом наступим ногой своей «благоразумной» осторожности на горло его любви к кровному родителю, то может получиться, как в прекрасных и страшных, гениальных строках поэта Давида Самойлова:

*Скажи себе: «Не укради»
И от соблазна отойди.
Себе промолви: «Не обидь»
И не обидишь, может быть.
И «Не убий» — себе скажи
И нож подальше отложи.
А там уж «Возлюби» воспой.
А не возлюбишь, бог с тобой.
Коль не украл и не убил,
Неважно, что не возлюбил.*

Нет, это нам никак не подходит. Не так ли? Мы несем в себе любовь и любви ищем. Умной и ответственной любви. И только в согласии с ней мы намерены поступать.

Существует еще и другой вид родителей — мифический, придуманный самим ребёнком. Кажется, он так удобен, и опасностей нам ждать неоткуда.

Но это не совсем так. Потому что мечта о маме и папе может «загустеть» и превратиться в нечто более действенное. Все мы знаем, насколько неоднозначными бывают воображаемые собеседники детей. Порой, если наш ребенок одинок настолько, что такого собеседника себе сотворяет, нам уже не обойтись без помощи специалиста. Поэтому наша задача не дать мифу занять наше место. А рецепт для этого не сложен, там надо всего-то не конкурировать с мифом. Тогда он не станет расти, а впоследствии начнет затухать.

Помните Галину Четвертак в фильме «А зори здесь тихие»? Как часто девушка рассказывает о своих родителях, обещает даже пожаловаться им на несправедливость... А ведь это взрослый человек, который, казалось бы, «должен отдавать себе отчет»... Однако Галина ведет себя совсем как маленькая. И насколько жестоко звучит для всех и для нее разоблачение: не было у тебя никого и никогда, ты детдомовская!

Это трагедия. Именно заповедное слово «мама» кричит Четвертак, выскакивая из кустов под фашистские пули.

Вот это «выскакивание из кустов», кстати, когда страх или неспособность потерпеть лишает человека здравого смысла, очень характерен для большинства из нас. Это тоже кнопка, и подобные кнопки отжимаются довольно туго.

Впрочем, мы тут о трудностях пишем, а о простом и хорошем почти не упоминаем, и может быть, кому-то уже хочется крикнуть «Мама, зачем мне это все?» и выбежать «из кустов» куда-то, от этой

темы подальше. Но подождите, честное слово, игра стоит свеч. Ну, вспоминает ребенок о маме, которую не видел никогда. Ну, рассказывает небылицы о ней. Если с любовью рассказывает, с гордостью, это даже хорошо. Потому что ребенок любит. И это всегда лучше, чем если любовь не зарождается.

Тут главное, не делать так, как поступили с Галей Четвертак. Не «срывать» незрелый плод нормального желания ребенка иметь родителей. Если мы будем спокойно и внимательно относиться к таким «воспоминаниям», плод этот созреет и отвалится сам. Но нам нужно соблюсти золотую середину между равнодушием и навязчивостью, а именно, не обесценивать фантазии ребенка, но и не нагнетать энергии, беспричинно не добавлять образов и версий.

— *Да, наверняка мама хотела бы, чтобы ты...*

— *Конечно, это понятно, что мама могла очень ждать, когда...*

И если ребенок, огорчившись отчего-то, вдруг начнет приговаривать, что мама скоро придет за ним, спокойно дать подтверждение:

— *Конечно, конечно. Все будет хорошо...*

Видите, я не говорю: «Мама придет», не повторяю произнесенных ребенком слов. Все будет хорошо, я предлагаю такое обещание. И это вполне подойдет для незрелого еще малыша.

Ребенок постарше, однако, может пойти на конфликт:

— *Ты мне не веришь, что она придет! Ты просто так говоришь, а сама не веришь!*

— *Знаешь, — это стоит сказать спокойно, — ведь неважно, верю я или нет, главное, что в это веришь ты. И еще главное, что я хочу, чтобы тебе было хорошо. Я, конечно, хотела бы быть единственной для тебя. Но я тебя люблю и хочу, как лучше тебе. И я готова ждать, что мама придет, вместе с тобой.*

Этот или другой подобный вариант проговаривания необходим. Потому что самое плохое, что мы можем сделать для нашего ребенка, и я уже упоминала об этом, это вообще молчать на тему, которая так для него важна, и надеяться, что все «рассосется» само. Без нашей помощи, без нашего достойного и понимающего разделения того, что ребенка тревожит, — не рассосется.

Мы должны подставить плечо под ношу нашего дорогого человека.

Думаю, если мы будем с участием выслушивать нашего ребенка, давать ему предположительные подтверждения его высказываний — не «да, именно так», а «конечно, вполне может быть», картина будет неминуемо меняться в лучшую сторону. Можно немного «подбавить угля в топку», совсем чуть-чуть, сказав, например:

— *Мама наверняка была бы очень рада, если бы ты...* (далее что-то, что вам кажется необходимым сделать сейчас). Мы, мамы, всегда радуемся, когда наши дети молодцы...

Позже могут возникать разные вопросы, и я предлагаю только варианты ответов, которые использовала сама, поворачивая их так и эдак, и помня при этом одно: кровных родителей ни в коем случае в глазах детей не принижать:

— *Почему мама меня оставила?*

— *Не все люди могут справляться с испытаниями в жизни, и испытания эти бывают разные. Нам с тобой нужно постараться и вырасти сильными, чтобы мы смогли все трудности в жизни преодолеть, правда? Мы не знаем, что случилось, к сожалению, мы с тобой в самом деле не знаем, что произошло. Но наверняка мама этого не хотела. Наверняка...*

— *Почему мама меня оставила?* — и другой вариант ответа:

— *Что-то случилось, и у нее не нашлось сил, чтобы бороться. А ты вырастешь сильным и все сможешь! Чтобы мы с мамой всегда могли гордиться тобой!*

— *Почему мама не приходит?*

— *Ты считаешь, она уже должна прийти?* — тут хорошо понимающе кивнуть, ребенка обнять, может быть, стоит остановиться, прервать дела, а может, тут нужно смотреть прицельно, наоборот ответить так же, как спрошено: он не подошел, не заглянул в глаза с вопросом, и вы ответили, не прерывая дел. Но уж если подошел, или если вы заметили, что «туча наползает», тогда пришла пора говорить. Не отмалчивайтесь в трудный час!

Я думаю, хорошо смотреть вместе тематические фильмы. Это было бы верным, ввести такую традицию. Потому что в мире существует огромное количество прекрасных лент — о замещающих семьях, об оставленных детях. Множество фильмов о взрослых, которые сбились с пути и потом всю жизнь страдали от этого и стремились все вернуть, или же о других, которые и не думали ни о чем сожалеть. Можно говорить о слабости и силе, о хитрости и прямоте, о раскаянии и ожесточении, — в фильмах все это есть. Главное, припасти для того, кто нами любим, уместный случай, позаботиться о подходящих историях. Ведь фильмы дают возможность привести многие примеры, напомнить эпизоды, переводя стрелки от именно его конкретной мамы на другого человека, но в то же время, не избегать темы.

— *Была ли моя мама красивой?*

— *Конечно, была. Даже наверняка (если мы с ней не встречались) была красивой, посмотри, какой у меня красивый ты!*

— *Придет ли она когда-нибудь?*

— *Не знаю, дорогой. Давай жить так, как будто придет. И пусть, когда она придет, она увидит, каким ты стал* — и тут должны пойти в ход наши главные категории, наши «важности» для мальчика или для девочки.

Самое главное, не утекать от ответа, не избегать темы, не обманывать ребенка, прикидываясь, что вы не понимаете его. Не пытаться заговорить о другом. Давайте представим себе, что это мы — маленький человек, который старается ответить себе на

такие важные вопросы: почему у всех есть мама, а у него нет? Почему его бросили? Чем он плох?

Мы же знаем, что это подсознательная установка практически всех оставленных и далеко не только детдомовских детей: раз их бросили, значит, они плохие. И наша задача всеми доступными средствами разубедить их в этом.

Одна из моих дочерей рассказывала мне, как однажды в детском учреждении, проходя мимо одного кабинета, увидела игровые занятия, которые проводил с детками педагог, и маленького мальчика, что сидел под столом, бил себя руками по голове и кричал: «Я приемный! Я плохой! Я гадкий! Я хуже всех!»... И девочка моя, которая в этой жизни не сразу могла чувствовать себя счастливой и любимой, которая тоже прошла свою горькую школу, остолбенела.

«Представляешь, мам, — рассказывала мне она потом, — педагог как будто не обращала на него внимания. А рядом там сидела женщина — воспитатель, или мама его приемная, или тетя какая-нибудь и устало повторяла: «Ты хороший. Ты хороший. Ты хороший». Я подумала, что мы бы у тебя ни полминуты так не просидели: или ты сидела бы рядом под столом, или мы бы уже давно были в другом месте и с другими словами...»

Я была счастлива услышать эти слова. Особенно про то, что я бы сидела под столом, потому что это точно, с этого бы, в любом случае, все бы и началось.

А еще моя дочь сказала: «Я хотела подойти к нему, взять его за руку, вытащить оттуда и сказать, что я тоже приемный ребенок. Чтобы он посмотрел, как у меня в жизни все хорошо!... Но я пока не смогла».

— Сможешь, доченька, — я ей ответила. — Ты — сможешь. Мы должны помогать людям — и взрослым, и маленьким, чтобы они смотрели на нас и видели: возможно, с неудачным началом стать

счастливым в этой жизни возможно. Себя, судьбу свою построить — возможно.

Не должно у нас с вами случиться ситуации, подобной истории с этим бедным мальчиком. Даже в качестве манипулирования, а это тоже может быть, ребенок наш не должен использовать тот факт, что он приемный. Мы непременно сумеем передать ему нашу уверенность в том, что всем нам невероятно повезло.

- Мы встретились на этой земле, значит, нам повезло.
- Мы смогли остаться вместе, значит, нам повезло.
- Мы понимаем друг друга, нам хорошо вместе, мы любим друг друга — нам очень, очень, очень повезло!

А еще я своим детям говорила: «Мы все приемные на этой земле...»

От придуманного родителя мало чем отличается ситуация, когда родители умерли. Это подтвержденный факт, родителей нет, но ребенок хочет говорить о них. Я думаю, в нашей родительской власти полностью удовлетворить потребность ребенка по этому вопросу.

Мы можем поддерживать существующую историю.

Мы можем «подретушировать» немного картину действительности, если что-то в ней способно потрясти ребенка или мы не находим аргументов для того, чтобы что-нибудь в ней оправдать. В этом случае хорошо бы так «наложить ретушь», чтобы случайные доброты не разрушили нашей картины. Нам надо быть готовым к ситуации, в которой ребенок скажет, что все было не так, мол, соседи ему рассказали об этом. И у нас должно хватить терпения и спокойствия, чтобы ненужное нам опровергнуть, показывая кровного родителя в лучшем свете.

А языки пусть болтают.

Мы можем создать настоящий миф и придерживаться его, если мы вообще ничего не знаем, но у нас есть возможность сослаться на некий источник информации. Придуманная нами история все равно будет лучше для ребенка, чем бездонное и губительное «неизвестно». Лучше создать новую историю, что-то «стереть» и «записать новую версию», чем оставить своего ребенка перед необходимостью всю жизнь заглядывать в черную дыру. Я приемлю ложь во спасение, но на этом своем мнении не настаиваю.

Есть еще вариант, если ребенок не слишком подрощенный, а, к примеру, лет восьми-девяти. Можно предложить ему придумать историю вместе. Так и сказать: «А давай представим себе, как нам кажется, что там могло быть?» И придумать. А потом повторять ее, пока не начнут стираться грани. Для правомочности же этого шага мы можем напомнить самим себе, что наша память пластична, и что наш мозг постоянно ведет перезапись сохраненных данных. Грани непременно и во всех случаях стираться будут, если мы не станем «отбивать подачу», а будем «ловить мяч», то есть, говорить с ребенком о его кровных родителях и обо всем, что для него важно, столько, сколько ему потребуется.

Своим детям я всегда повторяю, что моя благодарность к тем, кто родил их на свет, бесконечна.

Глава 11. ЧЕМ СТРАШНА РЕВНОСТЬ

Ребенок, особенно когда он маленький, воспринимает родителей как единое целое. Он еще не способен к разделению, поэтому тянется то к маме, то к папе, что совершенно нормально и правильно для него.

Это происходит с ребенком так же, как с нами, когда мы, сидя долго на одном месте, положим левую ногу на правую, а после наоборот. Мы сидим, как нам удобно, меняем положение, но это не означает, что мы любим одну из наших ног больше, чем другую.

Однако молодые родители часто воспринимают такую тягу их малыша к кому-то одному довольно трагично.

— *Я ему не нужна!* — можно слышать от мамочек малышей уже с года.

— *Чуть что, сразу «папа»!* — повторяют часто мамы двухлеток.

— *Конечно, сразу к маме бежим,* — ворчат отцы школьников начальных классов.

На самом деле, если это ограничивается восклицаниями и ворчанием, особенно если и то, и другое произносится с улыбкой, ничего особенно плохого не происходит. Хотя куда лучше, чтобы подобного не было вовсе, и чтобы звучали совсем другие слова:

— *Ой, какой молодец, к папе пошел!*

— *Правильно, давай вместе позовем папу, папа у нас умный!*

— *Ты огорчен? Давай вместе ходим к маме, она наверняка тоже скажет, что огорчаться не стоит...*

Вспомним короля из «Маленького принца», который жил иллюзиями, «повелевая» происходить всему, что совершенно не зависело от него. Иногда его пример может послужить нам добрую службу. Если мы в подобном случае играем роль и даем позитивное подтверждение действию ребенка, словно он выполняет нашу волю, то мы и своего авторитета не роняем, и ребенок наш остается счастливым и спокойным.

Еще одна пометка. Последнюю фразу, когда один из родителей доброжелательно отправляет ребенка за утешением к другому, можно видеть, к сожалению, только в очень мудрых семьях, где родительской ревности в принципе не существует, и где один родитель всегда испытывает радость, видя, как хорошо ребенку с другим. Это, кстати, и метка: можно неплохо проверить качество осознанности своей любви к ребенку по этому параметру.

Я радуюсь, когда моему ребенку хорошо с другим родителем или родственником? Значит, я люблю ребенка больше, чем себя.

Меня уязвляет, что ребенок бежит навстречу кому-то другому с распростертыми объятьями, а меня встречает спокойно? Мне надо быть аккуратным, чтобы не спроецировать на ребенка эмоции, продиктованные моим самолюбием, ведь мои эмоции не имеют к ребенку отношения совсем!

Это довольно редко случается, чтобы в полных семьях родители устраивали настоящие войны за внимание ребенка, отстаивая свой авторитет в его глазах. Но бывает, когда «обделенные» вниманием мама или папа потихоньку буркнут ребенку что-то нелестное о своей «половинке». Или лестное о себе.

— Иди-иди, папе все равно не до тебя.

— *Я тебе все свое время отдаю, а ты бежишь к папе.*

— *Я тебе такой подарок принес, а ты опять к мамочке на ручки.*

Даже маленький ребенок, который еще не понимает смысла некоторых слов, все равно улавливает тон, выражение лица.

Конечно, мы можем не увидеть немедленных результатов наших не очень правильных шагов. А позже можем не понять, отчего ребенок откровенен с одним родителем, а другого боится, почему испытывает замешательство, если нужно выбрать одно из родительских мнений, даже если выбор этот происходит в мирной обстановке.

На самом деле, у родительской ревности или неверного поведения, а именно — борьбы за свое мнение или свой авторитет пред ребенком, есть длительные и серьезные последствия. И все-таки, в семьях, где живут трое — мама, папа и ребенок, как правило, до прихода прочих родственников особенной трагедии с «перетягиванием каната» не происходит. Безусловно, мы говорим о некоей

усредненной норме, о цивилизованных людях, имеющих природный родительский рефлекс, подсказывающий, что перед ребенком конфликтовать недопустимо. Мы говорим о те, кто сознательно старается вести себя правильно. В тех случаях, с которыми я сталкивалась, бывало достаточно рассказать родителям на примерах, как плохо ребенку от их ревности, и ситуация менялась, потому что намеренно никто своему детенышу зла не желал, просто проблема эта не входила в зону видимости.

Значительно хуже обстоит дело там, где родители развелись. Честь и слава мамам и папам, которые, расставшись, не занялись сбрасыванием на головы своих детей комьев личных обид на бывшего супруга.

— *Твой папа бросил нас.*

— *Твоя мама никогда меня не понимала!*

— *Твоя бабушка сделала все, чтобы нас развести...*

— *Я не понимаю, как тебя там воспитывают!*

— *Откуда у тебя такие дикие манеры? Впрочем, ясно, откуда!*

— *Твоего отца никогда не интересовали наши проблемы...*

— *Твоя мама никогда не умела считаться со мной...*

Бесконечный список.

Если бы все эти поглощенные только своей обидой и своей личной болью родители осознали, что они буквально травят своего ребенка ядом разделения! Если бы поняли, что лишают его самого главного, что у него после развода родителей осталось, а именно — крепости перил того подвесного моста, по которому ребенок над необъятной жизнью идет во взрослость, может быть, они одумались бы и заговорили иначе.

Ведь как ни крути, все эти слова, не что иное, как монолог кого-то с самим собой, где ребенок — невольный участник. Взрослый человек, наполненный обидой, неуверенностью в собственной правоте, испытывает жгучую необходимость в том, чтобы убедить себя: он прав, прав, прав! Этот человек все еще ведет мысленную борьбу со своим бывшим партнером или его родней. И маленький ребенок оказывается буфером между взрослыми людьми, которые его с упоением и слепотой расплющивают, сшибаясь лбами в своем бесконечном бою за возможность чувствовать себя правым.

Ребёнок еще не дорос до взрослых «разборок», сотовой доли наших эмоций не понимает, не в состоянии оценить ни размер, ни форму наших проблем. Но главное, он ЛЮБИТ не только первого, поносящего, но и того, второго, поносимого. Пусть и поносимого заслуженно. Так вот, пренебрегая всем этим и защищая себя, мы наносим нашему ребенку столько боли, и такой боли, которую невозможно оправдать никакой справедливостью сказанного.

Мои родители развелись, когда мне было два года. Оба моих родителя находились под сильным давлением своих семей. И, будучи незрелыми оба, не умели этому сопротивляться.

В истории их развода не было ни ревности, ни измен, ревность возникла позже, как некий крючок, которым можно было зацепить бывшего партнера. В самом браке существовал некий мезальянс, неравенство родов, которое с одной стороны подчеркивалось, с другой — не прощалось. А поскольку взаимные чувства между моими родителями существовали, более того, сохранялись еще долго после их развода, то, естественно, что каждый из них пытался доступными ему методами доказать мне, что «виноват не он». Бабушки принимали в этом процессе самое горячее участие.

И что же происходило с ребенком.

— *Что ты сидишь у телефона?* — спрашивала бабушка.
— *Папа сказал, что он позвонит.*
— *Нечего сидеть и нечего ждать, потому что он тебе не позвонит.*
Мало ли что он сказал!

Тут мы видим слом авторитета отца и информацию о ненадежности его обещания, которое легко транслируется ребенком и на остальных взрослых.

Неверный, ошибочный шаг. Но это делает ревность.

— *Что за манеры? Кто тебя этому научил?* — спрашивал папа за обедом при встрече.

— *Ты не умеешь себя вести. Влияние твоих родственников просто написано у тебя на лбу,* — сообщал он.

Тут можно безошибочно опознать авторитетную информацию о дурном воспитании ребенка материнской стороной, которое, безусловно, внешним манерам, принятым в семье отца не соответствует. Кроме того, эти три коротких фразы сообщают ребенку о его собственной «профнепригодности», о его несамоценности (тебя научили, и ты именно таков, т.е. ты, отображая, никем не являешься), о неведомом клейме, который ребенок на себе несет, а значит, это видно всем. И, что немаловажно, как об отсутствии у отца стремления внести перемены в эту печальную картину, так и о неспособности это сделать, потому что роль самого критика не оговаривается, и альтернативы невоспитанности не предлагаются. Таким образом, тремя фразами ребенок отправляется в тупик: он дурен, и ничего поделать с этим нельзя.

И это делает ревность.

— *И что тебе говорил папа про меня?* — интересовалась мама.
— *Ничего не говорил,* — отвечала я, но это было неправдой, а повторять сказанного папой о маме я не хотела, потому что ничего хорошего сказано не было.

— Конечно, расскажешь ты мне! Ты после своего папочки вообще со мной не разговариваешь! — это не было негодованием, скорее, отмашкой: не хочешь и не надо.

И тут мы видим недоверие матери к ребенку, любопытство к бывшему супругу, которое она перед ребенком демонстрирует, и которое, в свою очередь, может родить в ребенке цепную реакцию неосознанных эмоций. Конечно, маленький ребенок не в состоянии назвать эти эмоции словами. Но мы с вами вполне могли бы подумать так:

Мама чего-то от папы хочет?

Она его в чем-то подозревает?

Она сделала что-то дурное и боится, что он об этом узнает?

И дальше в таком же роде. На ребенка же это все ложится тяжким грузом непонимания происходящего и своей неуместности в этой реальности, где ничто не объяснено, тем более что никто не взаимодействует с ним.

И это делает ревность.

А вот пример, который я приводила неоднократно: папа отдыхает на курорте и пишет дочке письмо, в котором с восторгом делится тем, как он приятно проводит время и объедается клубникой. Бабушка с маминой стороны читает это письмо вслух и комментирует тут же:

— Сам ест клубнику, а ребенку ни ягодки не прислал, сволочь такая.

Что сообщено этой реакцией ребенку? Как минимум, что, если родитель получает удовольствие, но с ребенком им не делится, то он — сволочь. А отсюда снова цепная реакция неосознанных догадок:

— значит, они ничего не должны себе позволять, если этого нет у меня?

- значит, если сами съели, а мне не дали, то они плохие?
- значит, если ты съел что-то вкусное, говорить об этом нельзя?
- значит, нельзя за другого человека просто так радоваться, если ему хорошо?

Мощная цепочка следствий, одно другого хуже. Для нервной системы и даже психики, для формирования ценностей и ориентиров, для жизни будущей личности в социуме.

И это делает ревность.

— *Покажи, что он тебе купил?* — спрашивает бабушка, когда счастливый ребенок возвращается после прогулки с папой. — *Вот это? Ну, понятно!* — всем видом она демонстрирует пренебрежение. — *Зачем только это тебе нужно? Просто деньги на ветер, безделушки такие покупать. Лучше бы дал деньгами, тут, на что тебя кормить, неизвестно.*

И мы видим ведро ледяной воды, вылитое на радость ребенка, обесценивание, как выбора папы, так и вкуса самого ребенка, который неосмотрительно радовался ерунде (конечно, ребенок понятия не имеет ни о каком вкусе, даже если о нем слышит). Кроме того, в сознание ребенка неведомым образом просачивается, что его кормить трудно, а значит, он — помеха, что ни бабушка, ни папа не могут его просто и радостно содержать. А дальше и вовсе плохо:

- значит, папа жадный, если не дает денег?
  - получается, папа обманщик, если сказал, что игрушка хорошая?
  - или все-таки обманщица бабушка?
  - а может быть, они врут все?
- Мы почти дошагали до пропасти.

И это делает ревность.

— *Езжай, езжай, интересно, чем они тебя там накормят?* — провозжает бабушка со стороны мамы к бабушке со стороны папы

ребенка. — *Ты что попало там не ешь, смотри, что дают. А то потом будешь мучиться животом. Да ты в прошлый раз голодная пришла!*

Какие же «лампочки» мигают в это время в мозгу ребенка?

«Папина мама ничего хорошего мне не даст?»

«Там, у второй бабушки, опасно?»

«Может быть, они жадные?»

«Они меня не любят!»

И это делает ревность.

— *Сядь ровно, деточка, не шмыгай носом,* — говорит вторая бабушка. — *Ну, какие тебе книги читали? Тебя водили в концерт? Расскажи, что ты за это время нового узнала?*

Ничего нового, решительно ничего. Ребенок опускает нос все ниже, сорваться со стула и поскакать галопом у «официальных» родственников не смеет, ест, давясь, и мечтает поскорее уйти домой. Этот ребенок уже усвоил, насколько он ничтожен. Но дома, по крайней мере, об этом часто не напоминают.

Это тоже делает ревность.

Мы могли бы поговорить об отсутствии элементарной культуры, что, безусловно, в этих примерах имело место среди родни одной из сторон, но, увы, причина не в этом, потому что «вторая сторона» культурой в общепринятом понимании этого слова была вовсе не обделена. Проанализировав, мы вынуждены признать, что не уровень культуры производит эти страшные вещи с детьми, а именно родительская и родственная ревность, борьба за первенство.

— *Скажи,* — спрашивает отец, сажая дочку на колени, — *к маме дяди приходят?*

— *Не знаю*, — ребенку совсем не об этом хочется говорить с долгожданным папой.

— *Как это не знаешь? Приходят дяди или нет, не знаешь? Не лги мне!* — и отец ребенка с колен снимает, поворачивает к себе лицом. — *Расскажи мне правду. Какие дяди? А когда они приходят, бабушка где?*

Тут тупик. Причем, независимо оттого, приходят «дяди» или нет. Потому что, если не приходят, как это было со мной, то что говорить — непонятно, ведь ни одному моему слову никто все равно не верит. А если приходят, то что об этом нужно сказать?

О чем думает ребенок?

«Если дяди приходят, что это значит?»

Если дяди приходят, мама что, плохая?

Если вдруг придет дядя, то он плохой?

Если папа не может спросить об этом маму, значит, мама врет?

Если дяди приходят, то что?»

Да, и это делает ревность.

И нет вокруг такого ребенка никаких опор, нет под ним мостов, нет в руках перил. У этого ребенка нет ничего, с чем бы он мог безопасно продолжать жить.

— *Твоя мама никогда меня не любила.*

— *Твой отец никогда меня не ценил.*

— *Твоя бабушка превращает тебя в чудовище (папина сторона).*

— *Твоя бабушка ни слова в простоте не скажет! (мамина сторона)*

— *Мы разошлись из-за нее!*

— *Мы разошлись из-за него!*

— *Это она их развела!*

— *Это все она!*

И ладно бы только это, но...

— *Ты, когда родилась, никому была не нужна!* — реплика от обеих бабушек. По поводу горького сожаления о судьбе их внучки.

— *Твоя мама так плакала, когда ты родилась!*

— *Они мальчика хотели, а не тебя.*

И что тут происходит с ребенком? А вот тут как раз все просто. Он был не нужен. Он и сейчас не нужен никому. У ребенка твердое убеждение в том, что он не нужен. Настолько твердое, что его не может поколебать робкое:

— *Но папа же радовался, когда ты родилась...*

И никогда никто не сможет доказать этому ребенку, если не дано ему будет это понять самому, что эти чудовищные фразы есть ни что иное, как попытка бабушки отбить себе статус собственника: «Ты не была им нужна, но зато ты нужна мне. МНЕ!»

Это только небольшая часть долгой истории на тему того, с чем мне пришлось столкнуться в личной жизни, и ничтожно малая из суммарного опыта людей, за которыми я наблюдала. Конечно, выписанное в столбик, это может показаться чем-то, выходящим из ряда вон. Но уверяю вас: это далеко не самое страшное из того, что творим мы, взрослые, не умея справиться с собой в борьбе за первенство и со своей ревностью в неравной

игре, где ребенок оказывается между взрослыми, как между молотом и наковальней.

Если мы привыкли идти на поводу своих эмоций, если еще и базис под них подвели — из рассуждений о наших «правах» — то все примеры окажутся бесполезными, и сила инерции заставит нас по-прежнему, выбирая между интересами ребенка и своими интересами, предпочитать себя.

Есть такой почерк, он называется «оттого что-потому что». Это когда мы ищем не способов решения задач, а объяснений, почему их решить нельзя.

И вот тут, продолжая думать о ревности всех ко всем, мне хочется сказать, что, страдая от собственных ран, от следствий не совсем правильного воспитания нас нашими драгоценными и любимыми родными, мы несем через наши жизни своеобразный «сбой программ». И этот сбой заставляет нас и дальше работать, сбивая программы других людей.

Нам необходимо осознать это и остановиться, безусловно понимая, что это будет нелегко.

Надо подумать: что мы делаем? Ведь именно от этого было когда-то больно нам! Почему, почему мы продолжаем поступать точно так же? Почему мы продлеваем эту боль и ставим себя в положение людей, которых когда-то осудят наши собственные дети?

Ревность всех ко всем. Причина ее только в том, что человеческое «хочу» правит людьми.

И жены забывают о том, что матери их мужей не спят по ночам и плачут, скучая по своим сыновьям...

Мужья забывают, что их жены привязаны к своим матерям и хотели бы почаще их видеть, и вся та суета, которая так раздражает с приходом тещ, создается чаще всего желанием как-то детям помочь...

Бабушки не умеют вспомнить, что им никто не мешал выбирать своих мужей в их молодости, а если и мешал, они все равно все сделали по-своему...

Дедушки забывают, что для того, чтобы лидировать, нужно сначала встать на ноги, и что их зятя еще молоды, чтобы искусно «держаться в седле»...

И вот, шагая всякий на свой лад, выходят на поле взрослые люди, постарше и помоложе.

И неведомый судья подносит к губам свисток.

Матч начался:

— *Я не стал (кем-то) потому что меня не...*

— *Я так себя веду, потому мне когда-то...*

— *Я так делаю, потому что мои родители меня...*

— *А что вы хотите, если мне все мое детство...*

— *Как он со мной, так и я с ним!*

Конечно, если нас устраивает роль отражателя, который полностью зависит от того, направили на него луч или нет, то все верно. Если мы сознательно выбираем себе роль «я — никто», спорить тут не с чем. Конечно, можно возразить, что эти роли мы играем бессознательно, «кнопочно». И все же, мне кажется, что в глубине души каждый из нас знает, кто инициатор события.

Вот — рефлектор. Железяка со спиралью обогрева. Включили его в сеть, он греет и даже светит. Выключили, он стоит, пылитесь дырявым тазом.

Так кто же мы?

Источники энергии или примитивные приборы, зависящие от движения чьей-то руки? Ведь, если мы представляем собой что-то существенное, то тогда это именно мы включаем ток. И те, кто не принимают решений самостоятельно, отражают нас. Мы же, кто бы и какими бы лучами не светил на нас, остаемся сами собой. Сами делаем наши выборы, и зависят они не от того, что и как нам кто-то сделал, а от нашего внутреннего Закона, который и диктует нам, как поступать.

Не зависеть в проявлении своей доброй воли от поведения окружающих нас людей, — как бы дурно или глупо они себя не вели, насколько бы не различались наши взгляды, или как бы поверхностно не смотрели они на жизнь — это и есть настоящая свобода.

Свободный человек от ревности свободен тоже.

Это так интересно, что стоит об этом подумать.

— *Смотри, что я сделал!* — показываете молодой жене муж что-то, смастеренное его руками.

— *Ой, как здорово!* — радуется жена и по привычке переводит взгляд на своего отца, с мнением которого привыкла считаться.

Но ревнивый отец кривится. Ведь это сделал не он. Не отдавая себе отчета в том, какой вред наносит дочери и ее молодой семье, он скептически рассматривает что-то, сделанное зятем и, сохраняя пренебрежительное выражение лица, цедит:

— *Ну... В общем, ничего, но...*

Дальше следует тяжкий вздох, взмах руки, и этого достаточно, чтобы продемонстрировать целую гамму фактов:

— молодой зять занимается ерундой

— он тратит время на бесполезные вещи, а лучше бы в это время...

— дочь безвкусна и ведома, причем ведома вовсе не тем, за кем стоило бы идти.

Помните, как в фильме «Золушка» мачехины дочери радостно воскликнули, увидев цветок, который сделала Золушка? И как скривилась их мать. «Какое уродство, какая безвкусица!» — тут же задрали носы мачехины дочери. Так и в последнем примере молодая жена, стыдясь своей радости, отодвинула что-то, что ее муж сделал, потому что не смела радоваться тому, чего не одобрил ее отец. Трещинка пробежала по взаимоотношениям молодой пары, рукотворная трещинка.

И совершенно не имеет значения, принят ли нами наш ребенок, рожден ли он нами или же это наше подростковое дитя встретило свою половинку, и теперь нам надо учитывать и ее. Я потому и не оговорилась вначале, что тут, к сожалению, работают одни и те же законы. Ревность не терпит конкуренции, вот в чем тенденция и парадокс.

Влюбленный ребенок-подросток ссорится с мамой из-за своей девушки, убегает на улицу, но там, к счастью, ничего плохого не происходит. Его друг, с которым он делится своей бедой, предлагает обиженному и рассерженному влюбленному пойти к своей маме: «Моя мама всегда поймет и посоветует что-нибудь». Оба парнишки приходят ко второй маме, и та дружелюбно беседует с ними, дает разумные советы, один из которых помириться с родителями. Успокоенный и вполне готовый сотрудничать с собственной матерью молодой человек идет домой, где и сообщает, что был в гостях у друга и говорил с его мамой, поэтому понял, что погорячился, и готов попросить прощения.

Казалось бы, хороший момент для первой мамы, не воспользоваться которым, чтобы помириться с сыном и укрепить свой авторитет, по меньшей мере странно. Однако уязвленная женщина

снова устраивает сыну скандал. Мало того, что он влюбился «в эту», так еще и пошел советоваться «к чужой бабе»!

В отчаянии, мальчишка бежит из дома.

Этот пример я тоже видела своими глазами, и, понимая, какую разрушительную силу имеет ревность, сострадала всем. Но я не имела возможности вмешаться. Есть грань, за которую едва знакомым людям не перейти. Ничего я тут сделать, к сожалению, не могла, но повторяла себе как заклинание: «Чтобы дети росли благополучными и не теряли с нами связи, нам нужно хорошо подумать, прежде чем проявлять свою ревность».

Далеко не всегда мы окружены надежными и адекватными родными, бабушками и дедушками, с которыми не конфликтуем, с которыми можем воспитывать нашего ребенка, «договорившись о терминах», в одном ключе, без ссор и противоречий. А для ребенка так важно, чтобы взрослые люди именно окружили его своей равновесной заботой, чтобы у маленького человека была возможность без опаски и оглядки обратиться за помощью и советом к разным взрослым людям. Хотя бы потому, что надежная мама и сильный папа, который никогда не подведет, далеко не всегда рядом.

Ведь мама может воспитывать ребенка одна. Реже это выпадает на долю папы, но тоже случается. Бабушки и дедушки могут быть далеко или же уже не в силах оказывать влияние, хотя речь тут и не о влиянии даже, а именно о сочувствии, об умении заинтересованно слушать, а главное — об авторитете молвить слово, высказать мнение, предполагая, что ребенок его слушать станет. И вот тогда наличие верных друзей, которые поведут себя в том ключе, который пойдет на пользу ребенку, и будет тем самым искусственно созданным окружением. Причем, искусственность тут такая: мы заранее договариваемся с нашими надежными друзьями о том, что ребенок может к ним обратиться, если вдруг ему неожиданно понадобится помощь. А потом нам надо специально сделать так, чтобы наш ребенок твердо усвоил, к кому именно ему в таком случае стоит обратиться. Допустим, если в доме что-то случилось, если

родители вне зоны доступа, если бабушки и дедушки не сведущи в вопросе, то чей номер телефона стоит набрать, когда, например, сорвало кран, или лопнул аквариум, или разбилось окно, а на улице зима.

Мы помним, что прежде, чем наш ребенок станет слушаться нас, нам надо самим завоевать его внимание, повести себя так, чтобы ребенка к себе расположить. Чаще всего, рецепт этого прост. Достаточно нашей искренней заинтересованности в маленьком человеке и доли игры в общении с ним, чтобы ребенку стало любопытно, и он повернулся к нам лицом. А дальше уже дело техники, т.е. нашего настоящего, неподдельного стремления стать интересными для маленького человека. Мы ведь все худо-бедно понимаем, как заинтересовать собой взрослого, будь то знакомство или презентация. Но почему-то в общении с детьми этот навык часто не используется, а именно он нам и нужен, потому что он — почти универсален.

Итак, мы звоним вместе с ребенком нашему взрослому другу. А тот не отделяется формальными фразами, а старается ребенка заинтересовать, рассказывая короткую занимательную историю. Смысл этого действия в том, чтобы ребенок от разговора получил удовольствие, тогда он захочет поговорить с этим взрослым снова. Можно через несколько дней этот опыт повторить, а потом пусть взрослый человек сам позвонит нашему ребенку. После этого, находясь вне дома, можно посоветовать ребенку уже самостоятельно позвонить нашему другу.

Важно сделать так, чтобы ребенок усвоил: к этому взрослому — другу мамы или папы, обратиться можно всегда, это будет интересно, уместно. неожиданный звонок не окажется досадной помехой, взрослый человек, не спросив, все ли в порядке, не бросит трубку со словами: «Перезвоню». Сколько несчастных случаев произошло из-за того, что кто-то из нас позволял себе это сделать, и драгоценное время было упущено!

Конечно, создавать искусственное окружение особенно важно, если семья малочисленна. Если родители одиноки, если бабушки

и дедушки далеко или же отношения с ними не совсем благополучны. Но даже на общем благоприятном фоне стоит задуматься о том, чтобы нашего ребенка окружало как можно больше надежных взрослых, которые подскажут, придут на помощь.

Неправильно жить в предчувствии беды. Но так же неправильно не предполагать, что беда неожиданно может случиться. В самом деле, в жизни происходят порой невероятные истории, которые не окончились бы плохо, окажись рядом или хотя бы на связи кто-то надежный и взрослый.

А на возражение, что верные друзья и так не подведут, я отвечу, что не сомневаюсь в надежности наших друзей. Но вот ребенок, он может просто не догадаться набрать номер нужного человека. Все так просто — но ему это в голову не придет. И в наших силах сделать так, чтобы «в случае чего» у нашего ребенка надежные контакты механически всплыли в памяти, потому что, если мы таким образом будем укреплять наши связи, они нас в нужный час не подведут.

В этом отношении хорошо заручиться поддержкой не только друзей, но и кого-то из соседей, если это возможно. То есть найти людей, которые физически могут находиться рядом. А помощь, она ведь может оказаться нужной и не в случае катастрофы, а просто в быту, в обычной жизни, в обычном для нас вопросе, который мы решили бы легко, а ребенок окажется в затруднении, потому что пока не сталкивался с ним.

Если наш ребенок вдруг попадет в водоворот, нам вряд ли будет важно, кто именно не даст ему утонуть. И мы будем благодарны спасителю. Но жизненные переплетения, они ведь тоже сродни водоворотам для наших детей. Поэтому, чем больше надежных взрослых будет наших детей окружать, тем спокойнее будет нам.

Конечно, если, храня свой авторитет, а, сказать честнее, идя на поводу у амбиций, мы будем обесценивать мнения других людей

в глазах ребенка, надеясь, что тогда станем незаменимыми и самыми умными перед ним, у нас ничего не получится. Практика показывает, что дети не вполне доверительно относятся к тем взрослым, которых родные обсуждают за их спиной, когда ребенок это слышит. Кроме того, критичный и язвительный родитель, который недальновидно полагает, что «развенчав» «дядю Сашу» или «тетю Катю», он ставит себя априори над ними, окажется разочарован.

Наш ребенок научится уважать нас только в том случае, если мы будем демонстрировать перед ним свое уважение к другим людям.

— *О, да ты сегодня в свитере, который не хотел носить!*
— *Да, мне папа сказал, что он мне идет.*
— *Здорово! Он, в самом деле, тебе идет. А я не смогла тебя уговорить, надо же! Наверное, мне стоит подумать, что я делаю не так?*

— *Кто тебя научил этому?*
— *Тетя Катя звонила, мы разговорились, и она рассказала мне об этом.*
— *Как же хорошо! И какая ты молодец, что поделилась с тетей Катей и ее послушала. Я думаю, как же мне повезло, что вы у меня такие классные, умеете общаться и дружить!*

— *Почему ты вдруг туда собрался, ты же не хотел?*
— *Это дед, он говорит, что там интересно, что я не пожалею, если пойду.*
— *Какой молодец дедушка, и какой молодец ты! Жаль, я не могу пойти с вами. Расскажешь потом? Я буду очень ждать!*

Неважно, кто из наших близких научит хорошему нашего ребенка. Неважно, кто поведет его в интересное место, купит удачный подарок и преподаст умный урок. Если наш ребенок примет это, он станет немного богаче, немного умнее, немного опытней в этой жизни. И если наша любовь к ребенку сильнее, чем наша любовь к себе, мы, конечно, сумеем сдержать нашу ревность и

повести себя так, чтобы наш ребенок рос счастливым и гармоничным человеком.

Почувствовав укол ревности, мне кажется правильным всякий раз выдохнуть и спросить себя, кого же мы все-таки любим.

Глава 12.

ЕСЛИ МЫ ПОГОРЯЧИЛИСЬ

Наш ребенок уже в семье, и мы согласны усмирить свою ревность.

Но вдруг кто-то (другой ребенок, супруг) начнет не выдерживать того, на что, казалось бы, свое согласие дал. И тогда тот, кто все это придумал, должен что-то решать.

Что?

Казнить нельзя помиловать?

Оставить человека семье или сдать обратно?

Видимо, так...

То есть, кто-то из домочадцев, чьи нервы не выдерживают, причем, вполне возможно, что это, в самом деле, так и есть, провоцирует возникновение ситуации, в которой мы должны совершить нечто, подобное убийству.

Потому что травма, нанесенная ребенку, которого вернули, это, в некотором смысле, выстрел. Причем, иногда его последствия несовместимы с жизнью.

В одной притче рассказывается о том, как пришел человек к Мудрецу, чтобы пожаловаться на одного из родни. Кто-то в его доме очень сильно ему докучал. Так сильно, что человеку казалось, будто тот, докучающий, повинен во всем дурном на свете.

Размахивая руками, человек говорил о том, как его раздражает этот родственник, как он умеет создавать ситуации, при которых всем плохо, стыдно и горько. Как невозможно ему ничего объяснить. Как не остается сил. Как хочется избавиться от него, сбежать

самому или выгнать его вон. И не было конца его рассказам о том, что ужасного тот, другой, сделал.

Мудрец слушал и кивал, хорошо понимая, как порой людям действуют на нервы те, кто зависит от них, или, ничуть не меньше, те, от кого зависят они сами, потому что добровольно зависеть соглашаются немногие. И вот, людей выводят из себя те, с кем приходится жить, а значит, требуется постоянно с ними считаться.

Дождлся Мудрец, когда его гость замолчал, кивнул ему и вдруг произнес такое неожиданное, что у пришедшего перехватило дух.

— А ты представь, что этот человек умер... Да, умер! — Мудрец и не думал смягчать удар. — Он умер, и никогда больше не будет ничем раздражать тебя. Он умер, и ты — свободен!

Человек оторопел и отшатнулся от Мудреца. Услышанное показалось ему чудовищным. Не за этим он так далеко шел, не такое надеялся получить. Но на что он рассчитывал, чего ожидал? На этот вопрос человек не мог дать ответа, наверно, — подумал он, — ему хотелось, чтобы мудрец научил его чему-то умному и нестрашному... А Мудрец сказал такие слова! Только разве он, человек, мог хотеть смерти кому-то родному? Он этого не хотел! Так что же делать теперь? Что же делать? — так разволновался человек, что даже спутал существующее с вымыслом. Но вдруг улыбка Мудреца, который наблюдал за тем, как менялось лицо человека, вернула того в реальность. И человеку стало легче, намного легче! Потому что он вспомнил, что тот, на кого он так страстно жаловался, жив! Он жив и здоров, только это сейчас оказалось важным. Человек заулыбался от неожиданности. И правда, что это с ним случилось? Кажется, у него даже слезы набежали на глаза. Он забыл, что несколько минут назад произнес вслух этот вопрос: «Что делать, если я его видеть не могу? Он так раздражает меня!» И счастливый человек с облегчением поспешил домой, чтобы убедиться, что дома, и правда, все в порядке, а тот, кто довел его до встречи с Мудрецом, жив-здоров, и ничего дурного с ним не случилось.

Тут надо быть честным до конца и отметить, что вполне мог кто-то другой ответить «да» на слова Мудреца. Такое бывает, когда доведенный до отчаяния страдалец, обмирая от невыносимости собственных мыслей, произносит беззвучно это «да» — пусть мой мучитель умрет.

Только давайте не будем закатывать глаза. Лучше вспомним случаи, когда вполне адекватные, хорошие люди допускали это — «пусть уже умрет», и сами страшно страдали, когда их родные теряли человеческий облик от болезни Альцгеймера, например. Но ведь мы с вами не берем крайности, правда? Значит, мы бы тоже очнулись, мы бы тоже избавились от нашего раздражения, доведись нам поменяться местами с человеком из притчи.

Мудрец произнес ужасные слова! Но нет, это не то, чего бы мы хотели!

Иногда стоит специально сгустить краски, довести какую-то навязчивую идею до явного абсурда, чтобы даже скрытый ее абсурд ощутить. И отбросить негодную идею раз и навсегда.

Конечно, можно спросить, зачем нам сейчас туда, в эти мысли. Сейчас, когда все стало поперек горла, когда мы никак не можем «выжать вес», когда ребенок неуправляемый, «половинка» отворачивается, остальные дети разобижены, нам без того тошно! Зачем нам в эти ассоциации?

А нам туда затем, что, ответив себе на вопрос убийства отрицательно, мы могли перейти к теме ответственности. Какова она у нас, на кого простирается, насколько она тотальна — ответственность матери, например.

Да, я как раз хотела бы, чтобы мы крепко подумали и много поговорили в преддверии принятия решения. Чтобы твердо ответили себе на вопросы, чего мы хотим и на что мы готовы ради того, чтобы нашего успеха достичь, при том, что успех в условии задачи — будущая достойная жизнь человека.

Давайте же возьмем один из самых трудных вопросов в этом деле — чего же, собираясь совершить этот шаг и принять ребенка, мы по-настоящему хотим?

Себя показать?

Душу живую спасти?

Если только первое, то ясно, что-то с нами нехорошо. Но вот если и то, и другое, то нормально, и не надо этого стесняться.

Герои сказок, лучшие персонажи всех времен ходили на подвиги свои, собираясь «себя показать и людей посмотреть».

Не надо скрывать от самих себя:

- что нам хочется быть хорошими;
- что нам хочется что-то стоящее в жизни сделать;
- что нам кажется унылым и неоправданным тащиться от черты до черты, не дерзая сделать что-то особенное, ради чего, в самом деле, в этой жизни жилы рвать стоит.

Пора уже прекратить быть вечными подростками, что изо всех сил стараются доказать миру, что они совсем не хорошие вы-все-ошиблись-и-скоро-это-поймете!

Мы — хорошие. И хотим делать хорошее. И хорошее это мы хотим делать хорошо. Чтобы наши шаги были уж точно никому не во вред.

Так чего бы мы хотели, принимая решение привести в наш дом нового человека, возможно, уже не кроху, возможно и даже наверняка пережившего реальную драму, а может быть, целую вереницу незабываемых ужасов, которые, что еще ужасней, казались ему нормой жизни, потому что ничего другого он не знал...

Чего бы мы хотели — от него?

От наших, уже существующих, детей?

От наших супругов?

Ответ простой. Мы хотели бы, чтобы у нас не возникло дня, когда мы поймем, что совершили ошибку, и что вынуждены теперь «переиграть» ситуацию, иначе потеряем и то, что имели.

Переиграть ситуацию. А если этот ребенок, который умудрился «поставить на уши всех», рожден нами, а вовсе не взят из детдома? Разве не бывает подобного? Да сколько угодно!

Если один из, скажем, пятерых детей, рожденных одной и той же мамой, да еще и от одного и того же папы, вдруг с особой жестокостью наглумится над... вашей канарейкой, скорее всего вы будете искать причины не в генетике и не станете изображать сумасшедшего, повторяя направо и налево, что приютили чудовище. Потому что, если мы склонны хотя бы изредка мыслить критично, нам станет ясно: где-то произошел конфликт, который, скорее всего, вовремя замечен не был, поэтому дал последствия в виде, например, оторванной канарейкиной головы. Какой-то серьезный промах допустили мы. И надо думать ответственно и глубоко — что делать, какие слова говорить, чтобы этот конфликт, как задачу, разрешить. Чтобы проступок был осознан и негативных последствий в жизнь ребенка не потащил. И все.

И все!

То есть, что бы ни происходило внутри семьи с детьми, рожденными нами «собственноручно», мы не станем спрашивать ни окружающих, ни себя, не пришло ли время избавиться от ребенка и не следует ли нам, простите за цинизм, отправить его обратно, «откуда пришел».

Домашние дети творят и вытворяют, они кричат друг другу дикие слова, они желают друг другу лопнуть, сдохнуть, попасть под машину, протухнуть, облезть, провалиться, и это еще цветочки.

Порой у родителей просто руки опускаются, дар речи теряется от того, что вытворяют их отпрыски.

Так что же? Переведа дух, родители эти, максимум, отправляются к психологу, а чаще «разруливают» ситуацию сообразно устоям семьи самостоятельно.

Нет вопроса, вот ведь в чем дело!

Некуда нам это чадо, потерявшее на миг облик человеческий, сдать.

Если только мы с вами — нормальные люди, нет такого места на этой земле.

У меня в семье выросли замечательные дети. Но пока они росли, случалось разное. Помню, однажды я вернулась домой и увидела, что они учинили...

Позвольте мне сейчас не живописать того, что оказалось передо мной. Я могу, разве что, намекнуть, что было разбито, разодрано, расколото, расцарапано, рассыпано N-ое количество предметов, физиономий, сыпучих и решительно не сыпучих материалов. Произведшие это действие дети избегали смотреть друг другу в глаза, но, на всякий случай, чисто интуитивно, чтобы не пропустить чего-то важного, поля битвы не покидали, а кружили тут же беспорядочно, опустив очи долу. Тоже недавно прибывший отец семейства, тоже на всякий случай, отсиживался в спальне за неплотно прикрытой дверью, и выходить здороваться не спешил.

Я огляделась, все это отметив. Молча села на диван. Посмотрела вокруг снова. И внятно произнесла:

— *Выводок придурков.*

По комнате пронесся коллективный вздох, и отец семейства тут же возник в проеме двери. Лицо его «просветленно» сияло.

— *Мамочка, как ты это сказала? А скажи, пожалуйста, то же самое еще раз?*

Что же произошло? Думаю, если бы я не подобрала меткое название «дружному коллективу», подобной реакции отца бы не случилось. И оживленного приведения в порядок дома, которое немедленно за этим последовало, тоже бы не произошло. Мгновенного поднятия всеобщего настроения не было бы, если бы внутри меня оставалось хотя бы единственное, крошечное сомнение в том, что весь этот «выводок придурков» — мой собственный «помет».

Все мое, от начала и до конца, до самой крошечной крохи мое.

Никаких «сдач» быть не может.

Вот так, шаг за шагом, вырисовывалась общая картина.

Нам надо научиться сохранять свое лицо, оставаться спокойными даже в утешениях, если ребенок не хулиганит, но жалуется. И тут оговорка, я просто хочу убедиться, что все мы понимаем это словосочетание: спокойны в утешении. Потому что вполне может быть, что родитель измотан, и он начинает говорить положенные утешительные слова, но тон его раздражен...

Вот этого не должно быть, тон наш, даже состояние мыслей наших дети улавливают, прошу мне верить. Утешать можно только в покое... И если нам это удастся всякий раз, когда ребенок в нас нуждается, печали его неизбежно отступят рано или поздно. Если же мы настолько устали и так огорчены, что не можем, как по волшебству, привести себя в состояние покоя, лучше ребенку так и сказать: «Ты знаешь, я что-то сейчас заведен. Но давай посидим рядом, может быть, у нас получится успокоиться вместе». Обычно это срабатывает. Желанный и необходимый покой приходит к нам, как только мы перестаем притворяться, а ребенок научается нам верить. Да и понимать ребенок должен, что родитель вовсе не заводная игрушка.

Нам необходимо и слабости свои показывать детям, и делиться сомнениями с ними, и вспоминать свои прошлые ошибки. Только не часто, иногда. Чтобы мы не выпадали из образа людей, на которых можно положиться. Ведь нашим детям необходимо именно это, — знать, что взрослые — надежны, что им можно доверять. Если наши дети нам верят, их печали постепенно уходят.

А решения, и нам это известно, на каждом этапе жизни люди принимают по-разному.

Вот, например, беременной женщине врачи говорят, что дитя в ее утробе имеет дефект. Женщине предлагают аборт. Дальше все ведут себя по-своему. Одни этот аборт делают, для других же это невозможно, ребенок остается. При этом и те, и другие совершают единственно возможный для них выбор и остаются с его последствиями.

Или же в роддоме женщине объявляют, что она родила ребенка с болезнью Дауна, например, и предлагают оставить дитя. И снова одни оставляют, другие, обливаясь слезами, уходят, унося с собой свое дитя, которое теперь переменит каждую причастную судьбу.

То есть, степень ответственности и то, чего человек хочет, во всех случаях осознаны.

Значит, самое главное для нас осознать, что то, что мы делаем, мы делаем навсегда.

Мы делаем это навсегда.

Помните, как во время войны взрывали мосты солдаты, чтобы неприятель не мог преодолеть рубеж реки? Так вот, мне кажется правильным в тот момент, когда мы с вами подходим к осуществлению нашего вопроса, когда мы, все возможное предусмотрев (невозможного, а потому непредусмотренного при этом остается множество), уже взяли нашего ребенка, нам следует понимать, что обратного пути у нас нет.

И в этой ситуации вопросы подобного рода, то есть, «что делать, если раздражает», «что делать, если кто-то себя переоценил», «что делать, если кто-то больше не может», решаются так: надо постоянно воспитывать своих детей и самих себя.

Не останавливать этот адский, но и благословенный труд ни на минуту, чтобы, с одной стороны, своей жестокостью к новенькому не увеличивать количество предательства на земле, а с другой стороны, своей жалостью к «стареньким» или себе самому не выращивать предателей или же не примыкать к их числу. Потому что люди чаще всего не прощают именно себе. Что бы они ни говорили. Какие бы аргументы ни приводили, как бы мастерски от этой правды ни защищались.

И теперь, когда, казалось бы, все так «просто» у нас решается, когда ответы, похоже, найдены, скажу важное: никого, совершенно никого мы не должны принести в жертву нашей мечте.

Что это значит?

Это значит, завышая мерки и не опасаясь патетики, нужно объяснить близким людям, если только это не крошечные дети, которых не спрашивают вовсе, что появление приемного ребенка в семье — это то же самое рождение нового человека, которое невозможно переиграть. То есть, мы должны сделать все мыслимое и немислимое, чтобы все члены нашей семьи максимально осознали ответственность этого шага и, насколько это возможно, приготовились к трудностям, которые продлятся не день и не два. Чтобы все члены семьи выразили свое осознанное согласие и готовность к этому шагу. Потому что ответственность в детях тоже воспитывается с ранних лет. И это большое счастье для человека, если его родители сделали все, чтобы вырастить его ответственным всерьез. Это также событие на уровне катастрофы, если приемный ребенок возвращается обратно в угоду уже существующему кровному ребенку семьи. Мимо такого урока предательства, даже надругательства над человеческой судьбой не сможет пройти ни один растущий ребенок, и если он вырос-

тет эгоистом, это самое меньшее зло, которого мы тут вправе ожидать.

Никто не знает, на что он идет, повторяла и буду повторять. Поэтому скажу еще раз: надо сделать все возможное.

А потом, я так считаю, надо всем вместе сжечь мосты. «Есть решения, которые отрезают путь назад. Их непременно надо принимать», — говорил Франц Кафка. И это тот самый случай.

У вас рождается дитя. Обратно не засунешь.

Хорошо, мы все поняли и приняли. Это навсегда наше дитя, у нас появился именно наш ребенок. От чего еще нам себя предостеречь?

Глава 13. ОБИДЫ И ОТМАШКИ

— Папочка, а куда мы идем? Куда? — маленькая девочка лет пяти дергает отца за рукав.

— А вот сейчас мы поймем такси и поедem в гости к бабушке! — отец выглядит горделиво, он смотрит «по верхам», ребенок снизу вверх любуется им.

— На такси? Ура, Ура! — девочка снова дергает за рукав своего папу, но он по-прежнему на нее не смотрит. Его рука поднимается, голосуя, но машины пока проносятся мимо.

— Стой спокойно, — слегка одергивает дочку отец.

— Пап, пап! А мы надолго к бабушке? А мы гулять пойдem?

Родители девочки в разводе, «воскресный папа» появляется не каждые выходные. Сегодня как раз тот день, когда он свободен, ребенок здоров, и их встреча состоялась. Предыдущая была давно, но это неважно, отец доволен собой и предвкушает прекрасный день в гостях у своей матери, которая ребенком займется.

— *Пап, пап!* — девочка очень хочет, чтобы папа ее заметил, но он не отводит глаз от дороги.

— *Стой спокойно,* — отвечает он снова, не глядя.

— *Ой, я Катю уронила!* — девочка отнимает руку и садится на корточки, поднимает куклу и огорченно смотрит на ее испачканное платьице.

— *Шляпа ты!* — насмешливо замечает отец. Он, наконец, отвлекается от попыток поймать машину, достает носовой платок и вытирает куклу. — *На, шляпа.*

— *А ты пиджак!* — подпрыгивает ребенок, пытаясь заглянуть отцу в глаза, но тот на дочь не смотрит, только посмеивается.

— *А ты рубашка!* — продолжает привлекать к себе внимание девочка. — *Ты пальто! Ты куртка!*

— *Давай, давай,* — отец на девочку не смотрит, усмешка его сообщила бы любому взрослому об уверенности: ничего умного ребенок не скажет.

— *А ты сапог! Сапог!* — девочка от радости подпрыгивает. Она придумала что-то необычное!

— *Что?! — отец вырывает руку и, наконец, переводит взгляд на дочь. — Ты вот что, ты выбирай выражения! Ты что себе позволяешь? Немедленно извинись!*

— *Почему?* — ребенок напуган и обескуражен.

— *Без почему!* — отец возмущен. — *Я сказал, немедленно извинись! Иначе мы никуда не поедem! Сейчас же пойдешь домой! Ты поняла?*

— *Извини...*

Ребенок глотает слезы. Радости больше нет как нет и ожидания поездки.

Останавливается машина, отец сажает девочку на заднее сиденье, сам устраивается впереди. Долгожданный день с папой начинается.

Кто-то скажет, что за безобразие? С чего он на девочку взъялся?

Но дело в том, что этот папа не совершил ничего необычного. Он не сделал ничего такого, чего во множестве не делают роди-

тели своим детям вокруг нас. Те самые хорошие родители, которые вовсе не намереваются причинить своим чадам вред. И не признают факта его совершения. Или признают, что часто если и сглаживает ситуацию, то все равно не настолько, чтобы вычеркнуть как ее саму, так и ее последствия из жизни ребенка.

Мамочка гуляет с ребенком, как вдруг звонит телефон. Мама отвечает, оказывается, что звонит сотрудник с ее работы. На работе возникла экстренная, весьма неприятная для женщины ситуация, срочно требуется ее присутствие. Женщина говорит по телефону, напряженно вслушиваясь в то, что ей рассказывают. Разговор идет сумбурно, мамочка нервничает все сильнее.

— *Мам!* — зовет в это время ее ребенок.

— *Подожди,* — она хмурится и подтверждает в трубку, что слушает. — *Да, говори, да!*

— *Мама, мам!* — ребенок настаивает.

— *Да подожди ты минутку! Говори, я тут,* — женщина старается сконцентрироваться на разговоре.

Ребенок еще пару раз ее окликает, наконец, когда матери кажется, что суть случившегося на работе она вот-вот уловит, снова раздается голос:

— *Мам!* — и ребенок дергает ее за рукав.

— *Да подожди ты!* — женщина взмахивает рукой, ручку ребенка стряхивая. В этот момент боковым зрением она что-то улавливает и на миг прерывает разговор. Перед ней стоит ее сынишка, а на земле... А на земле валяется сломанный цветок, который ребенок или подобрал где-то, или сорвал с газона и только что протягивал ей.

Малыш смотрит на мать огромными глазами. А она не может оторвать взгляда от лежащего в пыли цветка.

Ужасная история.

В отличие от папы «сапога», который ни на чем себя не поймал, эта мама поняла, что произошло. Разговор с сотрудником был экс-

тренно завершен, мама обняла своего сына и просила простить ее, пыталась что-то объяснить... Великодушный ребенок ее утешил, сказал, что не обижен...

Но мама не поверила сыну. Да и мы не знаем, так ли это было на самом деле, и не заронила ли зерно горечи в душу малыша его действительно загруженная работой мама. Долгие годы потом она помнила эту историю, как что-то ужасное, ею совершенное.

И таких случаев в жизни большинства из нас множество. При этом совсем необязательно выбивать цветок из подносящей его руки или грозить ребенку отправкой домой за то, что он произнес нелюбимое нами слово, отчего у нас сработала кнопка.

Мы же не знаем, что ребенок хотел сказать или что надеялся услышать от нас, когда мы отмахнулись, если он просто нас позвал и не успел себя объяснить. Тихий ребенок уйдет и унесет свою ранку. Ребенок другого нрава набезобразничает через некоторое время, а нам покажется, что это «ни с чего», «на ровном месте». Возможно, он обидит своих родителей, возможно, потом они обидят его в ответ.

К сожалению, большинство из нас действует, исходя из привычных реакций. У окружающих нас людей есть слова, которые нас раздражают, кругом и повсюду мы видим ситуации, которые нас злят или заставляют отключать внимание, или же наоборот, что-то, отчего мы подбираемся рефлекторно, и настроение наше меняется, переключая нас «на другую программу». Чрезвычайно сложно отслеживать свои реакции ежеминутно, и мы, наполненные нашими лучшими побуждениями, транслируем в окружающий мир продукты наших рефлексов, а не зрелых решений. И мы ведь не говорим о тех родителях, которые не любят своих детей, правда? Мы говорим об обычных, нормальных людях.

О родителях, которые обижаются на детей, и о родителях, которым некогда.

Но ведь в последнем случае не было обиды на ребенка, скажем мы. Нет, место обиды заняла его, «ребенкина» несвоевременность, его неуместность в нашей жизни здесь и сейчас. А результат ничуть не лучше — оскорбленный в своем движении к взрослому маленький человек. Человек, которому нанесена рана родительским невниманием и включением во что угодно, кроме самого ребенка. Рана, нанесенная родительской поглощенностью собой.

Как важно быть включенным в нашего ребенка так же, как включают нас в себя наши профессиональные проблемы и прочие вехи жизни, на которых мы самоутверждаемся!

Маленький ребенок, впервые услышавший слово «урод» (беру в пример это слово просто так, можно взять любое другое — не слишком приятное) и назвавший так папу, восторга в папе не вызовет, как бы тот за собой ни следил и каким бы чувством юмора ни обладал. Культурный и сдержанный, осознанный папа свою эмоцию скроет, любой другой сделает наоборот и непременно как-то отзовется — выражением лица, резко произнесенной фразой, которая ребенка оборвет, банальным и таким бесполезным призывом вести себя хорошо.

Если же это слово услышит мама, то, как бы она ни держала себя в руках, пережив первый момент, скорее всего она все-таки подойдет к зеркалу, чтобы убедиться, все ли с ней в порядке. И возможно, этой своей реакции мама не запомнит, действие произойдет неосознанно.

Ребенок, отбросивший тарелку с едой так, что все летит на пол, тоже способен довести свою уставшую маму до слез, этот жест может оказаться «последней каплей» текущего дня. И вскрик негодования, или еще того хуже, резкое выведение ребенка из-за стола — вот та самая обида мамы и та реакция, которая так похожа на случившуюся в истории с сапогом. Разве что, с небольшой разницей: там ребенок ликовал и радовался, ведь он придумал что-то

оригинальное, а тут, с тарелкой, он уже предчувствует, что его не похвалят, пока тарелка еще летит.

Но результат, тем не менее, один.

Праздник в семье, среди гостей присутствует гость почетный — дедушка. Маленькая девочка приносит рисунки, чтобы дед посмотрел. «Хорошо, молодец», — говорит он, но ему неинтересно, и ребенок чувствует это. Девочка некоторое время мнетя, затем уходит, но спустя полчаса возвращается и снова что-то приносит дедушке, привлекая его внимание. Дедушка гладит внучку по голове, снова называет молодцом, но на принесенное не смотрит, разве что мельком. Девочка уходит вновь и занимается чем-то. Через некоторое время дедушка появляется у нее в комнате и зовет ее пить чай. Девочка не хочет оставить свое занятие, но дед берет ее за руку, отрывая от того, что ее увлекло. Тут девочка начинает кричать, возмущаться и требовать, чтобы дед ушел, «потому что он плохой». Дед расстраивается и, обиженный, направляется в прихожую одеваться.

Это пример цепной реакции. Взрослый не дает внимания ребенку, отчаявшись добиться внимания, ребенок не отвечает взрослому и сопротивляется его воле, взрослый обижается на ребенка и даже намеревается (в данном случае) из-за обиды уйти...

А уйти из дома обиженным на ребенка, как и сам факт такого тотального невнимания к ребенку, это совершенно недопустимые шаги.

Эти примеры я показываю для того, чтобы мы увидели, что наши обиды на детей случаются сплошь и рядом.

Быть их, однако, не должно, и многие из нас буквально волшебным образом исцеляются от способности обижаться на детей, осознав всего две вещи:

Первая — ребенок ничего не делает специально, он не хочет нас обидеть, он на это не нацелен. Его задача — привлечь наше внимание, найти подтверждение своей важности для нас, а своими поступками он чаще всего отображает нас.

Вторая — только осознав себя по-настоящему взрослыми и ответственными за наших детей, мы почувствуем, что никакой поступок ребенка нас обидеть не может. Каждое такое действие нашего ребенка, каждое такое произнесенное слово, это для нас сигнал того, что ребенку нашего внимания недостает, что маленький человек отчаянно взывает:

«Услышь меня, увидь, заметь! Ты так важен для меня!»

Опять же можно возразить: дети тоже должны понимать, когда можно приставать, а когда нельзя. Дети должны быть воспитанными, они должны уметь соблюдать границы.

Безусловно.

Но взрослый человек ничего не может потребовать от ребенка сверх того, что требует сам от себя. Это должно стать нашим золотым правилом.

Все отсчеты долгов и обязательств взрослых людей и детей мы начинаем с себя.

И только твердо убедившись в том, что наши обязательства нами выполняются, мы можем посмотреть, что же, исходя из нашего поведения, «должен» ребенок.

Мама и папа, уставшие от конкуренции, от необходимости чему-то соответствовать, от мелких столкновений и отсутствия в их жизни тишины, которая на самом деле совершенно необходима для любой психики, попадая домой после работы, отчаянно пытаются наверстать упущенное. Их отмашки «сделай сам», «посмотри мультфильм», «займись делом» — не больше, чем способ «подлечить»,

подправить» себя в этом мире гонок и внешних ценностей, где ребенок не является целью, к которой родители стремятся в течение рабочего дня. Он — атрибутика дома, обязанность. Он — любимая, да, но порой досадная составляющая жизни, отнимающая покой и лишаящая взрослого возможности расслабиться.

И вот еще что примечательно. Чем меньше ответственности за ребенка взял на себя взрослый, тем чаще он будет обижаться в ответ на грубость или непослушание. Потому что обида взрослого человека, в сущности, не что иное, как утверждение: «Ребенок — плохой, а я не виноват!»

То есть, взрослый человек на самом деле взрослой и зрелой личностью не является.

Таким образом, мы видим, что обиды на поступки детей и наши от них отмашки расположены очень близко друг к другу. Конечно, это тоже разновидность кнопок, про которые мы уже достаточно говорили. Но нет, к сожалению, о том, какие у нас бывают кнопки, нам нужно напоминать себе постоянно, ведь обиды и отмашки наносят детям слишком много вреда.

Потому что:

— если бы папа из первого примера ответил себе, почему слово «сапог» так его обижает, и посчитал своей обязанностью рассказать девочке об этом... хоть что-нибудь, т.е. повел бы себя с дочерью, как с человеком, в котором он заинтересован, ссоры бы не случилось. Что же такой папа мог своей дочери сказать? Например, это: «Знаешь, малыш, а слово «сапог» иногда звучит как ругательство. Так называют человека, если он примитивный и грубый. Как сапог. Понимаешь? Давай не будем играть в это слово?»

Он мог бы сказать это, если бы играл с ребенком, если бы отвечал на его призывы, если бы не был занят исключительно собой. Взгляни он на своего ребенка раньше, подели его радость от долгожданной встречи, ничего обидного бы не произошло.

Если бы мама из второго примера в момент, когда ей позвонили, вспомнила бы о цели своей прогулки! Если бы она осознала, что цель эта — ребенок, если бы всего на одну минуту отложила беседу, сказав сыну, что разговор очень важный, что отвлекать ее нельзя, т.е. если бы она повела себя с ним как с важным для нее человеком, ничего плохого бы не произошло.

Если бы дедушка, которому ребенок нес свои поделки, в самом деле интересовался творением рук внучки, ею самой, а не отмахивался от нее, но стремился бы показать свой интерес, как он наверняка сделал бы по отношению к человеку, для него значимому, если бы не обиделся на девочку, будто ребенок он сам, ничего столь грустного бы не произошло...

А без этих «если» картина перед нами состоит из обид, печали и неверных шагов. Взрослые в этих случаях посрамлены, дети несчастны.

Вспоминается еще одна история, которая вполне подойдет, чтобы показать пример родительских отмашек. Это история из моего собственного детства, одна из первых историй, осмысленных мною с тем, чтобы никогда не повторить подобного над своими детьми.

Мы отдыхали с бабушкой на съемной даче в Красной Горе. Помню, как она об этом рассказывала, а больше — ничего. Ни дома, ни сада, ни самого отдыха. Зато мне запомнился наш отъезд.

За нами приехал грузовик. Такой настоящий грузовик моего детства с деревянными зелеными бортами. Туда бабушка и кто-то еще таскали вещи, память сохранила самый краешек сборов.

Помню, бабушка взяла меня за руку и повела к машине. И я спросила ее:

— А где моя Зина?

— В машине, в машине! — беспечно ответила бабушка и меня тоже туда посадила. Почему-то в кузов.

Зина — старая кукла из прессованных опилок. У нее был отбит нос, совсем отгрызены пальцы на руках и ногах, вряд ли, конечно, их кто-то грыз, раскрошились, наверное. У Зины был вспоротый и зашитый тряпочный живот. Голова у нее была лысой и один глаз поблек. Я ее обожала.

Мы сели, бабушка тоже забралась в кузов. Наверное, в кабине ехал кто-то важнее, этого в памяти нет совсем. А дальше произошло то самое, что включило во мне память.

Машина тронулась, я снова спросила, где Зина, бабушка ответила уклончиво, я упрямо повторила вопрос. Машина набрала скорость.

— Я оставила твою Зину, она старая, — сказала бабушка. — Дома мы купим тебе новую куклу.

Я помню свое платьице — синее в белый горошек, и свои коленки, на которые я усталилась. Потом я, наверное, глаза подняла, потому что дальше плыла дорога, дорога, дорога...

Конечно, я больше ни одну куклу не любила так, как Зину. И бесчисленно проверяла обещания бабушки, потеряв к ней доверие навсегда.

Даже теперь, стоит мне вспомнить этот эпизод, я вижу полосу дороги и синее в белый горошек что-то, что перечеркивает ее.

Нам никогда не известно, что вложил наш ребенок в свой рисунок, в свою поделку. Они приходят к нам и приносят подарочки, что-то свое сокровенное, что-то, с чем они себя, возможно, отождествили. А мы, даже если не бьем по руке, порой небрежно запикиваем куда-то наивные дары, кивнув с улыбкой: спасибо, малыш. А потом выбрасываем потихоньку. Случается, что на глазах у ребенка, мол, поиграли и хватит...

Но если бы мы могли представить, что мир нашего малыша тоже может распасться на синее в белый горох, а какая-то его

дорога перечеркнется, возможно, мы повели бы себя иначе? Не выбросили бы его старую игрушку, пусть даже и незаметно. Откликнулись бы на зов. И приняли бы с настоящей радостью то, что он нам принес, ради того, большего, чем он захочет поделиться с нами, когда станет взрослым, и когда мы очень сильно будем в этом нуждаться. Или даже не так. Ради того, чем он сможет делиться с миром, в котором ему предстоит жить.

Знаю одну мамочку, она хранит дневники своих детей, их первые тетрадки, детские рисунки. А дети ее, чем старше становятся, тем с большей благодарностью и любовью думают об этом. Возможно, эта мама скапливает не все, оставляя главное выборочно, некими вехами взросления детей. Но когда дети были еще не совсем взрослыми, и если вдруг чрезмерно шалили, она открывала тот шкаф, где хранились ее драгоценности — подарки детей, доставала откуда-то что-то и говорила:

— *Смотри, что я нашла! А это ты мне подарил, когда тебе было три года...*

— *А это кто сделал? Тоже я?*

— *Не угадал, это твой брат! А твое вот и вот!*

— *А это тоже я? А это?...*

Чего мы можем ожидать от наших детей, если дети нам неинтересны?

И я себе повторяю снова и снова: взрослый человек ничего не может потребовать от ребенка сверх того, что требует сам от себя. «Воспитатель должен быть тем, кем он хочет сделать воспитанника», — говорил Владимир Даль. Воспитатель, родитель, педагог. Усыновитель, опекун, приемный родитель.

Человек Взрослый.

Но не только требования к себе нам понадобится осмыслить. Оказывается, остается еще немало важных вещей, которые нам необходимо будет учитывать после того, как новый человек войдет в наш дом.

Глава 14.

КАК ЛУЧШЕ НАЧИНАТЬ

Это можно сравнить со стыковкой космических кораблей, когда ребенок входит в новую семью. Нам, конечно, потребуется некоторое время пожить в особом режиме. В каком-то смысле, это будет похоже на карантин. Время узнавания друг друга.

Безусловно, самое простое — заполучить младенца и быть к этому моменту «готовым ко всему». То есть, мы все знаем, не углубляемся в крайности, не носимся фанатично с новыми идеями, не упираемся в старое и отжившее, а рассматриваем существующее и выбираем лучшее там и там. Нам хочется, чтобы наш ребенок вырос любопытным и любознательным, и вот, мы носим дитя на ручках, обращаем его внимание на предметы, называем их, рассказываем об их свойствах...

Правда, выясняется, что это не самоочевидно. Я встречалась с родителями, которые были так поглощены собой, особенно, когда людям пришлось изрядно побегать, пока у них не появлялся долгожданный крохотный человек. Он оказывался настолько долгожданным, что взрослые так и оставались какое-то время замкнутыми на своих ощущениях, забывая разговаривать с ребенком.

Конечно, как бы мы ни готовились к приему нашегоребенка, как бы ни осознавали грядущего и происходящего на занятиях в ШПР, в разговорах с близкими и наедине с самими собой, все равно мы испытываем что-то, похожее на шок. И вот тут я хочу подчеркнуть, что могут быть моменты очень сильных качаний, надо их просто «пересидеть», не пугаться и не бросаться в покаянные раздумья. Все в порядке, дорогие. Дитя в наши объятия действительно словно свалилось с неба и то, что мы сейчас чувствуем, это нормальный «плюх» нашей «воды». Пусть она немного успокоится, субстанция нашей души, и войдет в берега. Но как только это случится, нам уже пора обращать внимание нашего ребенка на окружающий мир.

Мамина песня, папин шепот на ушко, надо и утешить, и похвалить маленького человека, и вместе порадоваться солнышку или рассказать о дожде. Мы начинаем общаться с нашим детёнышем сразу, как только к нам возвращается дар речи после появления в нашей жизни самого ребенка. Надо только не переставать это делать, общаться, когда эйфория пройдет. Надо не посчитать, что ребенок знает, что вот это светлое за окном, — утро, что крошечные пупырышки на ветках в апреле, — почки и из них, как цыплята из яйца, скоро проклюнутся новые листья... Ребенок познает мир, не только рассматривая его. Звуки — а главное, возможность потрогать, ощупать, вот что дает новому человеку полноценное представление о каждом предмете и даже явлении, например, снеге, дожде. Для сравнения можно представить себе поведение талантливого продавца в магазине, когда он ненавязчиво умеет предложить покупателю ассортимент. Так и нам хорошо, как долгожданному «покупателю», предъявлять окружающий мир нашему ребенку постоянно, давая возможность услышать, рассмотреть и коснуться. Каждая такая «покупка» даст нашему малышу небольшое расширение его мира. А главное — пополнит запас слов нашего общего языка. Причем, наработка последнего — вещь совершенно бесценная.

— И, кстати, ты знаешь, как цыплята из яйца? Совсем как маленькая матрешка из большой. Только матрешек шесть, а цыплята из яйца никогда не кончаются. Потому что цыпленок вырастет, станет курицей, снесет новое яичко, из него опять проклюнется цыпленок...

Дело в том, что если с самого начала мы будем рассказывать нашему малышу чуть больше, смотреть чуть дальше, давать чуть щедрее, то никогда не раскаемся в этом. Ведь у большинства из нас полно историй за пазухой. Но нет ключика к этой пазухе, мы просто не привыкли жить вслух.

А ребенку именно этого и надо. Чтобы мы с ним рядом жили вслух. И только давайте не будем насчет того, что так можно сойти с ума, если болтать все время. Договоримся держаться золотой середины.

Но если честно посмотреть на вещи, то мы увидим, что молчим мы рядом с нашими детьми в восьми случаях из десяти. Десятый случай, это когда мы детей распекаем за что-нибудь. А если все в порядке, то мы заняты не детьми. Вернее, не мы. Помыслы наши. Поэтому к золотой середине нам придется тянуться не из плюса (болтаем без умолку), а из минуса (все хорошо и ладно, и говорить не о чем). Ведь только девятый случай у нас в порядке. Это когда мы и говорим с ними, и заняты ими, и думаем о них.

С нашими детьми о наших детях.

Итак, с младенцем мы репетируем то, о чем будем говорить позже, то есть мы рассказываем нашей крохе, как мы живем. Как будто утром он поприветствовал нас радостно: «Привет, как ты? Говори мне обо всем!» И мы начинаем делиться нашими наблюдениями, огорчениями, раздумьями, успехами... А потом можем сказать ему: «Давай отдохнем? Послушай, как шумит ветер...» Или это будут струи дождя. Или улица города за окном. И маленький человек обязательно поймет наши интонации, уловит наши чаяния, научится распознавать наши эмоции. К тому моменту, когда он уже станет делать попытки говорить сам, между нами будет существовать союз, отношения, а главное — мы будем иметь привычку общаться с нашим ребенком.

Я сейчас приведу примеры разговоров и диалогов с детьми разных возрастов. Именно об этом меня спрашивают на семинарах в Центре «Про-мама», и я постараюсь показать, что темы для разговоров можно брать отовсюду. Безусловно, мы будем помнить о наших ценностях и делать так, чтобы они незаметно проникали и наполняли внутренний мир нашего ребенка.

Если представить, что раньше наш ребенок жил в темноте и только теперь вышел на свет, то нам станет ясно, как поступать. Потому что тогда мы сами поймем, что он не знает вообще ничего, что его глаза должны привыкнуть к солнечным лучам. И что сто слов, соответствующие всего-то ста предметам, которые ему знакомы, между собой никак не связаны у него. У новоприбывшего к

нам ребенка нет своей конструктивной системы, а именно она так важна, ее-то мы и должны построить, не пуская процессов на самотек. И если домашний ребенок в пять лет вполне может знать, что хлеб делается из муки, мука из зерна, а зерна поспевают на колосьях в полях, то ребенок, который был до этого срока ничьим, «на законных основаниях» может быть не знаком с происхождением хлеба.

Пусть он передохнет, а потом надо завоевать его доверие. Первое время вообще ничего не насаждать, просто быть рядом. Привыкать и приучать к себе. Проверить и вывести на уровень своего сознания, есть ли у ребенка страхи, насколько эффективна его память, отзывается ли он вниманием на оклик или же это только для вида нам сейчас сказали «А?» в ответ на зов. Нам надо хорошо понимать, есть ли у ребенка привязанность к какой-то вещи, нет ли навязчивой идеи... Во что и как наш ребенок играет. Короче, требуется «расписать карту местности». А потом аккуратно приступить к установке своих вешек... Сначала в полезной игре, в коротких и радостных сообщениях обо всем, что вокруг нас.

— Представляешь! Если у нас нет зубной пасты, или нет щетки, а наши зубки хорошо бы почистить, мы можем съесть яблочко, и они очистятся сами! Это природа так придумала, чтобы все у нас было под рукой! Правда, здорово? — ребенка можно еще и на руки подхватить, и покрутить немного, поцеловать, подчеркивая, увеличивая тем самым свою радость от открытия. Нам необходимо демонстрировать свои эмоции, они как хорошее питание для малыша. Наша радость, наше удивление, даже восторг, наше собственное любопытство — ребенок должен все это видеть, чтобы научиться испытывать эти чувства и их проявлять. Потому что непроявленная радость никого не согреет, и что тогда толку от нее, если нам ее не с кем разделить.

Множество недоразумений в человеческих отношениях происходят потому, что люди не умеют выражать своих добрых чувств.

Про яблоко неплохо еще рассказать, что из его косточек вырастают деревья. И что возможно такое деревце выраст-

тить самим. И что интересно, сколько косточек в одном яблоке. И еще интересно, во всех ли яблоках их поровну. Можно посчитать косточки. А потом поговорить о косточках других фруктов. Еще про яблоко можно вспомнить сказки. Говорят, что с яблоками древние предания связывали исполнение желаний. Впрочем, последняя фраза на любителя и на ребенка постарше. Но зато если мы с вами позволяем себе такими вещами увлечься, то тут целое море возможностей, чтобы и ребенка увлечь. Исполнение желаний — что бы ты хотел для себя? — а для меня? А для бабушки? А для дяди и тети? Чем не повод пометать о мире во всем мире! И, если затрагивать такие крупные формы, как мир, то почему бы не представить себе, сколько косточек в яблоках на очень плодоносном дереве. Сколько их одновременно? Задать вопрос и немного поддержать тишину, вместе представляя. Оно того стоит, потому что это тоже способ представить себе мир. Или хотя бы звездное небо над миром.

Я уже говорила, что ребенок отождествляет себя со всем, чем увлечен. Мы дадим нашему ребенку огромные дополнительные возможности мышления, если предложим ему образную игру. Способ радостного поиска соответствий, «похожестей» между, казалось бы, несопоставимыми вещами не просто обучает анализу и синтезу. Он формирует созидательное мировоззрение.

Тему для разговора можно «добыть» буквально отовсюду. Вот, например, табуретка. Можно спросить у нашего ребенка, на что похожа табуретка, если ее перевернуть, а сверху на ножки положить что-то. На домик похожа тогда табуретка. Например, если перевернута наоборот и у нее есть «пол» (сиденье) и мы еще приделали потолок. А если занавесить сверху? Какой уютный домик! А кто в нем сможет жить? Кто больше? Кто меньше? А поместятся двое? Как думаешь, мишке этот домик понравится?

Это года в три. А к пяти годам можно порассуждать о количестве ножек. Как она стоит на трех ногах? А на пяти лучше, чем на четырех? А чем лучше? Удобнее или красивее? А что еще можно сделать,

чтобы было удобнее? А чтобы красивее? А что больше похоже на домик, табуретка или стул? А почему?

Если наш малыш в диалоге с нами, это прекрасно. Если же он пока не может ответить, не знает, как, или не успевает, мы вполне способны отвечать на наши вопросы сами:

— *А ты знаешь, откуда она взялась вообще, табуретка? Ты думаешь, всегда была? А вот нет* — и рассказать, как первобытные люди сидели на земле, а потом догадались подложить под себя бревна, спасаясь от сырости и холода, потом перевернули их, потом приделали ножки... И как их приделывали. И сколько их было. И сколько их может быть!

— *Да здравствует доисторический табурет, отец всех стульев и кресел в мире! Ура, нам повезло, у нас есть лучший в мире табурет, самый устойчивый и удобный!*

Отсюда, из восклицательных знаков и полупшепота, рождаются сказочные персонажи. Потому что самое главное, — это чтобы ребенок видел, что нам это интересно. То есть, мы не что-то бесстрастно вкладываем в него, мы своей радостью делимся с ним. Мы несем ему то, что дорого нам, что нам кажется удивительным. И если мы будем через каждые десять фраз повторять на разные лады: «Правда же, здорово? Скажи, как хорошо? Тебе нравится? Я ТАК рад (или рада)!» это обязательно «ляжет на ноты», и наш ребенок отзовется, ответит. Конечно, если будет исполнено убедительно. Мы, когда идем на свидание с любимым, и об одежде подумаем, и о запахе, и о походке, и о «что сказать», и о «как это сделать». С ребенком все то же самое. На свидание с любимым человеком. Надо что-то сделать с глазами. Чтобы они горели ему навстречу. Чтобы светились.

Еще один предмет для примера наугад — кран. Почему бы не спросить нашего ребенка, откуда берется в кране вода? Представьте только, что ребенок вполне может ответить «не знаю», и хорошо, если при этом он посмотрит на нас с интересом. Но он

может и просто пожать плечами, — если контакта с нами нет, если мы еще не установили и не закрепили его.

Поначалу самое главное, — не говорить долго. Две-три фразы, что-то вроде любимого слова «представляешь», это как будто мы потянули за руку человека, чтобы что-то ему показать. Тут нее просто информация, но призыв. Обратим внимание на то, насколько могут быть разными тексты. В городе — про дым и грязь, и «ты только представь, как же люди делают воду чистой! Это сколько же надо труда, просто чтобы мы могли попить!» За городом в зависимости от того, откуда к нам бежит вода. Но только без научных подробностей. И вот еще можно сказать, что раньше на земле пить можно было из любого источника. А теперь, что ни речка, то «копытце». Попьешь и козленочком станешь.

И вот уже от козленочка можно начать разматывать сто клубков чудесных историй. И про Аленушку. И про то, что в «копытце» не всегда вода. Что вообще оно, «копытце», совсем не обязательно след ноги. Хотя, с какой стороны посмотреть. Потому что, если для нашей судьбы это «копытце», то козлик перед нами тут точно побывал. И про то, что такое источник — два слова, не больше. Но главное, — как делала Шахерезада в «Тысяча и одной ночи», — вовремя остановиться и недокормить. Лучше пусть дитя не ответит, чем мы, обрадованные вниманием, закидаем его новой информацией до несварения.

В любом возрасте, когда бы ребенок ни появился у нас, наши ценности не должны придавить его к земле, потому что они призваны окрылять. Нам стоит легко, словно невзначай, предлагать что-то интересное, меняя тембр голоса и тон, используя для привлечения внимания не только наши знания, но и все таланты, которые у нас, безусловно, есть.

Взрослые люди порой говорят мне, что не умеют играть. Но мы же можем поучиться актерскому мастерству ради наших детей. Тем более что зритель благодарный — свой человек, не освищет, а неудачно сыграем, не заметит и все. Но уж когда удачно, то мы тут же

перестанем жалеть о затратах. Надо просто вспомнить те моменты из жизни, когда у нас точно горели глаза. И мысленно перенестись в них. Фридрих Ницше говорил, что «актеры гибнут от недохваленности, а обычные люди от недолюбленности». Мы не останемся недохваленными, если не пожалеем игры ради нашей любви к детям! Если наши дети не останутся недолюбленными нами.

— Представляешь, бывают синие коровы! Говорят, они вышли из моря. Думаешь, это название рыб? А вот и нет! Это на самом деле коровы синего цвета!

Если ребенок заинтересуется, хотя бы бросит взгляд, можно сказать ему доверительно, что вы обязательно посмотрите, нет ли каких-то историй про этих удивительных коров. И загляните в Википедию. Вот и сказка готова, сказка про синюю корову. Которая существует на самом деле, носит синюю шкуру, и это важно подчеркнуть, потому что дети очень любят рассказывать небылицы, а потом ловить друг друга и высмеивать. Но в нашем случае так не будет. Синяя корова существует! И ребенок сможет это с легкостью доказать, делаясь своим знанием с друзьями.

Иногда пробуждение интереса к жизни хорошо мотивируется тем, что можно использовать на деле, т.е. реальными знаниями. Ребенку-школьнику можно подсказать, что эти знания вполне подходят для того, чтобы поделиться ими с ребятами в школе. И непременно научить, как доказать свою правоту, на что и как ссылаться, если ему не поверят. И мы видим очень большую вероятность, что наше дитя захочет назавтра поделиться чем-то новым со своими друзьями. Значит, он задумается об источнике информации, возможно, спросит у нас. Разве это не то, чего нам бы хотелось?

Возможно, он врун или хвастун, но врать он может, в основном, потому, что ему хочется перед другими «выступить», а не с чем. Ему так хочется быть оригинальным, но как? И хвастается он, вполне вероятно, тоже наполовину обманно, глупо и необидительно. Почему бы не дать, в таком случае, возможность человеку рассказывать реальные истории, заинтересовывать и других? Я не

раз видела, как преобразуется хвостун и врунишка, получая возможность оперировать фактами. Это, конечно, не лучший выход из лжи. Но не самый плохой, потому что человек узнает новое, да и мы тоже это новое узнаем, мы трудимся в одном направлении. И это взаимодействие, давая новые знания, снижает уровень необходимости врать и хвастаться само по себе.

— Представляешь, а у осьминога прямоугольный зрачок! Вот такой, — и рисуем глаз с таким зрачком ручкой, которую захватили с собой, на бумаге, которую тоже для этого принесли. — Интересно, зачем ему одному такой? Пойду, почитаю, а потом тебе расскажу!

Это действие больше, чем слова, это то, что привлекает. Это то, на что не ответить ребенок может только в состоянии конфликта. Но в состоянии конфликта мы и будем решать конфликт, а не вещать про зрачок осьминога. Кроме того, в этой ситуации мы не просим, не предлагаем, не замираем в ожидании, соизволит ли чадо отозваться. Мы существуем рядом в комфорте своих идей и готовы делиться ими с ребенком. А он именно тогда нас и слышит.

Начиная общение с ребенком-школьником, мы можем забрасывать наши «удочки» уже решительно во все области видимой жизни. И, скорее всего, мы довольно быстро научимся заинтересовывать ребенка своими сюрпризами, если будем разнообразить их.

Хочу напомнить еще, что неправильным было бы стремиться только радовать или только веселить нашего растущего человека. Чуть позже, чем ребенок к нам привыкнет, нам обязательно надо будет заговорить о серьезном, о грустном, о неприглядном. И дальше надо будет, подобно слепому музыканту, аккуратно касаться разных струн души, чтобы внимательно слушать, каким голосом на какие касания отзывается каждая струна.

Наш ребенок может оказаться совершенно равнодушным к машинкам и самолетикам, но вдруг замереть при виде хирургов в фильме, склонившихся над операционным столом. Он может не увлекаться путешествиями или сбором грибов в осеннем лесу,

но умолять нас помочь вылечить лапу дворовой собаке. Или наоборот, он может равнодушно проходить мимо чьих-то стонов. И не потому вовсе, что черств душой. А потому, что душа его витает где-то и пока не слышит посторонних жалоб, предпочитая жить в вымышленном мире.

Для меня всегда было очевидно, что нужно подавать детям самую разнообразную информацию, заходить «на посадку» под разными углами. Неплохо использовать и «спецэффекты», когда вдруг спокойным тоном взрослый человек касается тем, обычно с детьми не обсуждаемых. Или же открывать реальность страданий человеческих, поглядывая, конечно, чтобы впечатлений не оказалось больше, чем ребенок может переварить.

— Ты сегодня так смотрел на женщину с заплаканными глазами, и я подумала, что ты сможешь помочь людям. А вдруг ты вырастешь и придумаешь что-то, чтобы люди смогли перестать себя чувствовать несчастливymi...

Отсюда, в принципе, может начаться «новое летоисчисление». И мы не оставляем этого события на спонтанное рождение, но провоцируем его, сами определяем, когда ему быть. Искусственно поднимая планку, мы не забываем, однако, что важно научить человека падать.

Идем по улице и видим, как пытается поднять с земли свою сумку старушка.

— Ой, видишь! Подними, ты быстрее успеешь!

И потом, спустя некоторое время:

— Как ты это смог, помочь старушке... Знаешь, а некоторые ребята такие слабые, что боятся делать добрые дела. Люди ведь именно из-за слабости своей порой не делают добрых дел. А ты, ты — сильный. Ты не просто помог, ты это сделал как настоящий мужчина!

И не надо смущаться, что может прозвучать вопрос, «это как». Так выглядел, так поддержал бабушку, так стоял рядом, пока она сумку брала, у нее же пальцы вон какие, сжимаются медленно, а ты не спешил — сила сквозила во всем. И достоинство. Этого не спутать ни с чем.

Милосердие и желание помочь людям у нелюбопытного равнодушного человека не родится точно так же, как, например, у зоофоба интерес к лечению приболевшего хомячка. Такого человека не задевают многие грани жизни, он просто не видит, не охватывает их. Поэтому, и прежде всего, нам надо выращивать сердце. А это значит, что обо всех наших ценностях мы должны говорить даже пусть в контексте каких-то других открытий. Просто у нашего ребенка сначала должно проявиться самоопределение, сродни вопросу «из какого я сада?», а интерес к жизни сможет из этой почвы прорасти потом.

Самое главное для первого времени, это вырастить привязанность, нужность друг другу. Создать теплую и безопасную нишу, что не означает ничегонеделанья. Но об этом надо договориться предварительно, чтобы потом, просто на возражения, внимания не обращать. Я бы посоветовала не гнаться за отметками, если наш ребенок пришел к нам школьником. Подростку вообще не следовало бы ставить высоких планок в оценках, потому что главное, не как он сделает что-то в этот трудный период своего развития, а то, чтобы он был, в принципе занят, желательно — правильными вещами. Нам важнее поставить внутренний мир семьи во главу угла. Пусть отогреется человек, отдышится. «Отбоится». А пока это все происходит, нам надо создать для него некий «фон», в котором он будет без особых наших претензий существовать. И «создать фон», в моем понимании, означает реплики второго плана, которые будут сопровождать медленное введение человека в новую жизнь.

Потому что:

- сначала осознание себя,
- сначала ориентировка на местности,

- сначала привлечение внимания к деталям и мелочам,
- сначала прикосновение к главным ценностям человека,
- сначала безопасность.

А любопытство и интерес к жизни — потом.

Давайте рассмотрим примеры реплик и небольших диалогов с нашим ребенком или же разговоры в его присутствии, при помощи которых мы можем постоянно налаживать новые связи и укреплять их как основы, которые помогут растущему человеку формироваться внутри наших ценностей.

— *Слышишь, этажом выше звуки? Там живет очень интересный человек. Он, если находит подбитое животное, — кошку, собаку, — берет домой, вылечивает и пристраивает потом. Вот, стучит, наверное, опять какой-нибудь загончик мастерит... Надо вам как-нибудь познакомиться, у него такое доброе сердце... Я, когда его встречаю, то у меня потом такое прекрасное настроение, что мне везет весь день!* — тут многоплановая информация, даже если ребенок нам просто кивнет, мы посадили наши зерна. Привлекли внимание к посторонним, может быть, раздражающим, звукам, соединили эти звуки, нарушающие тишину, с образом кого-то доброго дела, в данном случае — дела по спасению животных. Свое отношение к животным тоже показали, пообещали встречу с добрым человеком, поделились тем, что мы сами равнодушны и наблюдательны, предложили поверить в чудесные совпадения.

Нет ни одной случайной или напрасной фразы. Все со временем прорастет, хоть и будут у нас и хлебородные годы, и голод. То есть, ребенок будет вдруг демонстрировать, как он сумел усвоить разные вещи, а то давать откат и вообще не отвечать на зов. Это нормально, мы же не линейны. Самое главное, продолжать. Продолжать рассказывать обо всем, что нас окружает, не забывая о важности повторов. Нам надо укреплять картинку мира, вырисовывать фигуры, подчеркивать объемы. Мы ведь это уже помним — жить вслух.

— У меня сегодня ужасно, просто ужасно болит голова. А мне надо отвезти эти вещи (любые) на работу. Там все перегружены, попросить заехать и забрать нельзя, у всех свои дела. Я даже опоздать не могу, подведу людей. Поэтому я собираюсь и еду, только бы не упасть по дороге. Таблетки не помогают... Но не поехать нельзя.

И в этом случае хорошо бы встретиться глазами хотя бы на миг. Пожаловаться взглядом. Кивнуть, словно себе самому.

— Хорошо, что ты меня понимаешь, спасибо тебе.

Так мы говорим буквально «на ровном месте», ребенку ничего не надо делать, чтобы услышать от нас, что он — молодец. Мы же понимаем, что таким образом мы «перезаписываем» его представления о себе.

— С твоей поддержкой мне будет легче. Я отвечаю за это, и я людей не подведу. Как бы ни болела голова.

Для ребенка постарше:

— Прочитал книгу о находчивости. Это для современных менеджеров. Представляешь, там пишут, что находчивость пригождается только как ответ на агрессию. Тебе сказали обидное слово, тебя оттеснили, на твои слова не отреагировали, и ты в ответ нашелся, что сказать. Как ты считаешь, это находчивость, если тебе клацнули зубами у горла, и ты в ответ сделал то же?

Если ребенок сидит и просто смотрит, никак не проявляя эмоции, можно сделать что-нибудь смешное, например, фыркнуть или шуточно клацнуть зубами перед ним. А потом его с улыбкой поцеловать, коснуться плеча и, уже уходя, продолжить.

— Мне кажется, находчивость, это намного больше. Это значит — найти выход! Вообще найти выход, а не только тогда, когда перед нами жулик или хулиган. Да, находчивость, это если все заблудились, а ты нашел выход из тупика. Ты научился находить выход из тупика!

Тут повторение не случайно, термин «выход из тупика» может пригодиться. Нужно впоследствии его подставлять, говоря о решении жизненных задач. А примеры находчивости повсюду. Например, у мамы в кастрюле закипает молоко, и она взволнованно просит дать ей прихватки для кастрюли. Ребенок быстро протягивает полотенце.

— Вот, смотри. Я же чуть не попала «в тупик»! Прихваток на месте нет, если бы стала их искать, молоко бы залило плиту. А ты догадалась дать мне полотенце! То есть, ты нашла выход! Значит, сейчас ты — находчивый человек!

— Мне сегодня удалось переделать кучу дел, значит, я вполне трудолюбив! Но два дела у меня получились не очень... Это...

Что угодно. У мамы что-то подгорело. Если мама не готовит сама, то полезла в холодильник и выронила пачку яиц. Если мама и в холодильник «ни ногой», то была не очень внимательной за рулем. Папа мог молотком попасть по пальцу, потому что зазевался. Если папе с молотком общаться не доводилось, он мог обрызгать пешехода, не успев сбросить скорость перед лужей...

— Да, это не очень приятно, когда так выходит. Но я стараюсь быть самокритичным. Не хочу навалить в следующий раз! Потому что, если я не пойму, что что-то сделано не очень хорошо, то и не исправлю. Кстати, один человек мне говорил, что это унижительно, признаться, если ты был неправ. А по-моему, унижительно как раз наоборот. Знать, что неправ, и не признаться — это признак слабости.

Это действительно очень важно, знать, какой ты; осознавать, на что ты годен. Чем я могу интересоваться, на что претендовать, если я с собой не знаком? Что с меня можно спросить, если я не знаю себя?

— Если я устойчивый, как ты думаешь, это я какой? Что это значит? А значит это, что я смогу устоять под весом... Чего, как считаешь? Сначала под весом себя! Да-да, потому что гири для них легко силу накачать, а вот самообладание — тут не у каждого получается. Я сегодня промочил ноги, пробил колесо, уронил смартфон,

вылил кофе на брюки, но даже и тогда не повысил голос. Конечно, ты скажешь, это мелочи, да? Согласен. Но вот, многие ребята бегут в качалку, мускулы у них огромные, а заводятся эти ребята с пол-оборота. Так разве устойчивые они? И наш шеф, чуть что, приходит в плохое настроение, и все говорят, что он неустойчивый, его легко вывести из себя. Неустойчивый человек, он как воздушный шарик. Или улетит, или сдуется, лопнет. А устойчивые люди, они как стены. Я бы хотел, чтобы мы все, — мама, ты, я, — были в этом смысле как стены друг для друга...

Конечно, мы понимаем, что слово «устойчивый» имеет много прочтений. И мы вольны выбрать любое для нашего ребенка. Устойчивый к стрессам, устойчивый к нагрузкам, устойчивый к испытаниям, устойчивый... да хотя бы к насмешкам, чрезвычайно важное свойство! И на каждое это качество есть свои примеры, свои истории, свой шепот и свои восклицания. Как бы так сделать, чтобы мы действительно хотя бы некоторое время жили вслух и, общаясь с нашими детьми, называли все по именам?

— Дедушка (дядя Петя, сосед Николай Егорович, кто угодно) был очень целеустремленным. Представляешь, когда-то он решил, что хочет стать врачом. И поступил в институт. Но когда он отучился два курса, началась война. И всю войну он был медбратом, ассистировал хирургу во время операций под обстрелом. А после войны все-таки снова пошел учиться и окончил институт. Вот это характер, правда? Ведь, пройдя такую войну, он вполне мог не захотеть больше учиться, разве осталось что-то, чего он еще не знал? Но у него была цель. Он хотел максимально возможно помочь людям.

«Вижу цель» — замечательные слова. Но как мы будем идти к этой цели? Прошибая лбом стены? По трупам? Или находя обходные пути, если перед нами препятствия, которые лучше миновать? Мы будем стремиться к нашей цели в одиночку, считая весь мир противником себе? Или же мы и сами пойдем к цели, и еще людей выведем за собой? Об этом тоже надо говорить, это тоже надо воспитывать. Потому что это не самоочевидно даже для взрослых людей. Мы часто не знаем о себе очень важных вещей. Но в наших

силах исправить это в судьбах тех, за кого мы отвечаем. Очень часто случается, что заодно и в своих.

— Этот мальчик, с которым ты дружишь, как тебе кажется, он надежный человек? Ну как «в каком смысле»? Ну, допустим, если он сказал, что придет, ты не будешь зря его ждать. Или если он сказал, что сделает что-то, то это точно так и будет. Вот, как наш папа (дедушка, дядя), например, — тут даже разговоров нет, если он пообещал, слово сдержит всегда.

Не очень надежный? А в чем это выражается? Он тебя подводил? Как?

Этот разговор лучше вести дружелюбно, снова не «наезжая камерой», не давая «крупный план», а, скорее, переговариваясь, при этом каждый может заниматься своим делом, необязательно останавливать дела. Тут главное — привлечение внимания к теме. Так надо делать довольно часто, говоря о надежности транспорта — трамвай в час пик более надежный, чем автобус, или какое-то устройство, не только надежность человеческих качеств, вперемешку. Пока слово «надежный» не войдет в лексикон. Так же, как и другие нужные, весомые слова.

Говорим по телефону в присутствии ребенка. Телефонные разговоры могут быть разыграны специально, порой мы воспринимаем что-то проще, если оно не только сказано не в лоб, а даже просто не нам. А чтобы ребенок нас услышал, нужно, говоря по телефону о чем-то, жестом попросить его дать какую-то вещь и, беря у него эту вещь, ручку, например, встретиться с ним глазами и в это время повторить нужное слово.

— Наташа, ты знаешь, она такая приятная, с ней комфортно общаться, что-то обсуждать. Она лишнего не скажет, человек очень аккуратный в суждениях.

В этом месте можно вполне жестом попросить ребенка дать вам бумагу и ручку.

— Не помню, чтобы она кого-то упрекала в чем-то, что свойственно ей самой. Она вообще очень совестливый человек...

После разговора по телефону можно подкрепить результат.

— Ты слышала, я рассказывала о Наташе с работы? Правда, человек никогда не скажет неправды. Вот бывают люди чистоплотные в поступках, то есть, они, даже обсуждая что-то, не замараются. Понимаешь? Не осудят зря. Не обвинят. Аккуратные в суждениях всегда. Вот Наташа такая, совестливая. И, знаешь, как интересно... Я замечала, что совестливые люди очень часто негромкие. Но, как правило, они сильны. Слабый человек быстро забывает про совесть. Только сильный точно знает ей цену.

— Мне кажется, ваша классная — справедливый человек! (Меняем на любого учителя, хоть на физкультурника, главное, иметь аргументы). На родительском собрании она интересно рассказывала о вас. Если скажет что-то не очень хвалебное об ученике, то тут же его хорошее качество какое-то упомянет. Например, «он отвлекается на уроке, но зато он всегда помогает девочкам». Или еще. Когда разбирали контрольную, как интересно она сказала: «Показатели у класса неплохие, но надо учитывать, что было мало времени на подготовку». То есть, было бы время, было бы еще лучше. Как будто она во всем ищет равновесия, это так замечательно. Приятно, когда твой учитель — человек справедливый!

На самом деле, для того чтобы наши ценности стали узнаваемыми в жизни нашего ребенка, нам понадобится не так уж много времени. Но это как вбивать столбики, чтобы раскинуть палатку. Как устанавливать несущие стены, прежде чем дойдет очередь до тонких перегородок, косметического ремонта и аксессуаров. Это как надежно уложенные и связанные стропила перед устройством крыши. Смотря какую по величине конструкцию мы хотели бы видеть.

«Крепость моя, я построю тебя в человеческом сердце», — Антуан де Сент Экзюпери.

Глава 15.

ДЕТИ РОДИТЕЛЯМ НЕ РОВНЯ

А сейчас я предлагаю поговорить о свободе. В наше время стало так модно рассуждать о независимости всех от всех и вот еще о том, что ребенок «имеет право». На мой взгляд, кое-что в этом плане уже успели довести до абсурда. Потому что некоторые модные течения пытаются перекроить на новый лад то, что во все века оставалось неизменным.

В частности, это вопрос ведомости ребенка родителем, вопрос главенства родителя над ребенком, и, как следствие, вопрос прав самого родителя.

Мы же видим, что права ребенка гласно растут. А вот права родителя тают на глазах. И вместе с ними попадает в «группу риска» родительский авторитет, без которого взрослым не смочь повести за собой своих детей. То есть, не смочь выполнить то, к чему, в сущности, родитель и призван.

Одна женщина обратилась к специалисту, потому что у нее ребенок-подросток не чистит зубов. Специалист ответил, что ребенок вправе решать, чистить ему зубы или нет, потому что это его тело, и он может сам решать, как распоряжаться им. Ребенок — свободный, независимый, равный родителю человек, — убеждал женщину специалист.

Я бы сократила последнее утверждение.

И выглядело бы оно после сокращения так:

Ребенок — человек.

Остальное, пока он растет, мне кажется правильным перевести в область формирования наших задач.

Ребенок изначально ведом и поэтому родителям ровней быть не может. И именно мы — те самые люди, которые обязаны обеспечить нашему ребенку все возможности, чтобы вырасти ответственным, свободным, а значит, культурным человеком, потому что свобода без культуры в человеческом обществе неприемлема. Именно в наших силах сделать так, чтобы человек, за которого мы взяли полную ответственность, сформировался в четких категориях взаимоуважения и самоуважения. Последнее, кстати, вряд ли можно считать полноценным, если человек не знаком с элементарными правилами гигиены. Поэтому, по моему мнению, именно родитель отвечает за то, приучен ли его ребенок к чистоте, в частности, к чистке зубов.

Любые взаимоотношения людей подобны танцу. Если взять танец классический, то кто-то в нем ведет, а кто-то ведом. Если танец групповой, все танцоры подчиняются строгому сценарию. Если мы на дискотеке, то тут каждый двигается, как умеет.

К сожалению, сейчас в семьях очень часто так и происходит, как на дискотеке, если в них отсутствует порядок, и не соблюдаются законы иерархии. Но вряд ли ребенок сможет чувствовать себя

защищенным, когда в его семье не установлен порядок, а родители не берут на себя ответственность ни за что.

Если же хаос дискотеки нас не удовлетворяет, то, скорее всего, мы предпочитаем танец классический, с ведущим танцором и тем, кого он ведет. Отличная семья, в которой точно установлены законы и порядки, «станцует» любой отрепетированный «танец» сообща, и постороннему глазу не будет заметно, кто же тут постановщик. Позже, когда ученики овладеют мастерством, они в водителемстве нуждаться перестанут. Но до тех пор, пока танцоры учатся, кто-то непременно «показывает, как надо». В другом примере это будет звучать так: вариации на тему может блестяще исполнять только тот, кто полностью овладел темой.

И пока этот «кто-то» — не наш ребенок. Что, по-моему, безусловно.

Меня хорошо поймет тот, кто познал радость танца в паре с прекрасным танцором, с тем, кто ведет своего партнера мастерски и безошибочно. Если же этого познать не довелось, то поверьте, вот где истинное наслаждение! Так же счастлив будет рядом с нами наш ребенок, если будет чувствовать наши надежные руки буквально вокруг себя, пока он не станет взрослым и способным к самостоятельной жизни.

Рядом с уверенным водителем мы всегда чувствуем себя спокойно, не замечая, как вверяем себя ему. Так и наши дети будут чувствовать себя спокойными и надежно обеспеченными перилами и мостами, если мы возьмем на себя ответственность, чтобы вести их за собой. Да, наш ребенок будет во всем зависеть от нас, пока растет, потому что мы — гаранты его жизнеобеспечения. Не на словах, а на деле мы будем «вести» нашего ребенка под удивительный аккомпанемент умной любви и обучая его новым и новым «па» танца, именуемого «жизнь».

Ребенок, растущий в надежной зависимости от взрослого, природным образом дорастает до способности брать на себя ответственность и самостоятельно принимать решения. Это происходит

с ним раньше, чем с тем ребенком, чьи родители не сумели взять на себя полноценную ответственность за него.

О том, что природой заложено все необходимое именно для гармоничного развития ребенка рядом с его родителями, говорил еще Песталоцци.

Я, мама, — отвечаю и веду, они, дети, — вверяются и следуют. Этот подход был и продолжает казаться мне правильным. Но одно дело это понимать, а другое — выполнить.

Как же сделать, чтобы ребенок сам захотел следовать за родителем? Как оказаться надежным для него? В любых ситуациях, пока он не станет взрослым.

Главное — во всем брать ответственность на себя, ничего не пускать на самотек. Словно нам надо сесть за руль автомобиля, где наш ребенок пассажир, которого мы попутно обучаем перипетиям дорог. А для того, чтобы он добровольно в нашу «машину» влез и позволил нам себя «везти», нам нужно доказать ему, что мы на «управление» имеем право.

Видите, это мы имеем право на управление. Не он.
А он рядом с нами имеет право на безопасность.

Ну и конечно, прежде любых выяснений, попыток воспитания, отдания «приказов», родительских «показательных выступлений», которые бывают разными и полезными, нам нужно заручиться вниманием ребенка, расположить его себе. А для этого необходимо... прервать свой бег.

Вот ребенок расшумелся не к месту и не вовремя. И мы, проходя мимо, велим ему прекратить. Вполне вероятно, что ребенок даже не подумает свое поведение менять. Потому что мы не пригласили его «на танец», не выполнили некоего ритуала, да и «музыка» не звучит! А что для нас, в нашей семье, «музыка», каковы могут быть специальные ритуалы, это ведь очень инди-

видуально. Разные дети отзываются на разные сигналы. Одних нужно обнять или хотя бы их коснуться, иначе они не настроятся на нас, другим нужен специальный тон, третьим необходимо что-то отвлекающее.

Что бы это ни было, прежде, чем мы обратимся к нашему ребенку с любым предложением или вопросом, нам нужно остановиться самим.

Выделить несколько минут для ребенка, настроиться на него и дать ему возможность «подключиться» к нам. Ведь как часто мы превращаем общение с детьми в нечто «без отрыва от производства», от более «важных» сиюминутных дел. Мы не включены в наших детей. Отправленные туда-то и туда-то, чтобы самостоятельно что-то сделать, дети понемногу перестают нуждаться в нас. Но это не означает их самостоятельности. Тут все получается ровным счетом наоборот.

Выброшенные из естественного процесса безопасного взросления, когда взрослый в ребенке постоянно заинтересован, дети затормаживаются в развитии. Они начинают искать себе новые опоры, но те, что находятся во внешнем мире, родительских функций не выполняют.

Нам необходимо сделать так, чтобы наши дети были максимально зависимы от нас. Потому что природная зависимость ребенка тем сильнее, чем безусловнее родительская власть. «Наша родительская сила заключается не в том, насколько зависим ребенок, а в том, насколько он зависим именно от нас», — не устает напоминать Гордон Ньюфелд в своей популярной книге «Не упускайте своих детей». Отправляя наших детей решать свои проблемы самостоятельно, отмахиваясь от их настроений и проблем, не включаясь в своих детей, мы таким образом свою родительскую власть сбрасываем.

И я уверена, что многие родители, осознав этот казус, захотят пересмотреть некоторые свои взгляды.

Когда росли мои дети, включение мое в них было максимальным. И это ни на минуту не означало какого-либо принесения меня в жертву. Я была настолько заинтересована в каждом из них, что меня нередко упрекали в том, что я живу их жизнями, не отпуская их от себя. Я и в самом деле держала своих детей в зависимости от себя. В той самой зависимости, в которой любой ребенок чувствует себя нужным и желанным, и знает о себе, что он тот человек, которого любят. С ним хотят быть, его никогда не оставят, что бы он ни сотворил.

То, что происходило между нами, можно было сравнить поначалу с танцем, когда ноги ведомого ставятся на ноги ведущего танцора. Потом мои дети освоили элементы движений. И понемногу привыкли стоять на земле и двигаться по ней, улавливая, как музыку танца, звуки окружающего мира. Это происходило постепенно. Пропущенное в воспитании наверстывается с другой скоростью, медленнее, чем движется время.

Если, приводя примеры, говорить об учебе, то у маленьких детей для меня была главным не так хорошая учеба сейчас, как правильное восприятие себя и результатов своих действий потом. То есть, на любом действии, в любом движении мы учились. Как будто каждое наше «сегодня» всего лишь урок, и каким к концу дня ни оказался бы результат, мы его принимаем и о нем думаем, потому что он для того и существует, чтобы мы поняли что-то именно сейчас. Важен не сам результат, важно то, что он нам дает, какими мы чувствуем себя, получив его.

Например, ребенок не понимал, для чего нужно что-то уметь, а, стало быть, этому учиться.

— *Ты знаешь, из чего я состою?* — спрашивала я восьмилетнего сына. — Только не говори, что из рук и ног, или вот, из головы. Смори. Если ты возвращаешься домой из школы, то думаешь о чем?

Ты думаешь: «Мама сварила вкусный суп, мою любимую домашнюю лапшу, она обещала утром. Наверняка к супу есть и пирожки...

Дома чисто-чисто. И хорошо пахнет. И собака вычесана, у нее каждая шерстинка блестит. А еще мама, наверное, навела везде порядок, потому что очень его любит. И в дом входить так приятно! Дома спокойно и хорошо...»

Ты об этом или думаешь словами, или просто это знаешь. Но вот когда ты идешь из школы домой, то этот суп, который ты любишь, — это мама... И пирожок, который пахнет еще с лестницы, — это мама... И чистая квартира, и хороший запах, и этот покой, — это тоже мама, понимаешь?

Потому что человек — это его дела. То, что остается. А не ноги и руки. И мама умеет варить суп, печь пироги, делать чистоту и хранить в доме покой.

Вот папа на работе сделает (тут каждый скажет что-то свое). И для многих людей станет удобнее и легче (что-то), потому что наш папа (дедушка, мамин брат, друг) смог им это сделать. И вот это «легче и удобнее» для них будет он. А для нас он — веселые прогулки, интересные рассказы, катание с горки, или вот задачи по математике со старшими. Папа — решение серьезных вопросов в доме. Помощь маме — тоже папа. Забота о дедушках — тоже папа. Папа — это его дела. Все, что он умеет и может...»

Конечно, прежде чем начинать эту речь, мне нужно было ребенка расположить к себе. Нужно было его завоевать, заручиться его вниманием, мы помним об этом. Не на ровном месте мы начинаем сажать свои зернышки, всякий раз мы рыхлим почву нашего сада, поливаем землю, готовим ее к посевам. А вот когда глаза уже широко открылись, когда вероятность нотации или нахлобучки минимальна, когда внимание ребенка привлечено, говорить можно. Но недолго и постоянно убеждаясь, что нас слышат. Человека можно поглаживать, если он не против, касаться слегка, привлекая его, то есть, создавать небольшое движение, чтобы он не терял интереса, нужно все время убеждаться: нас слышат.

— А учитель, он из чего состоит? Ну почему из двоек? Из двоек, я думаю, двоечники, скорее. А отличники же в классе есть? Они состоят из пятерок и всего, что сумели выучить. А учитель состоит из всего, что написано в учебниках... Кстати, ты представляешь, что он это все знает? — почему бы не изобразить изумление, показать, как удивительно здорово для кого-то, если этот кто-то много знает, сказать, что о таком человеке люди всегда думают: «Вот он какой!»

Вспомнить прочитанные книги.

Есть много рычагов воздействия у наших детей, и нам надо изучать их, искать и знать точно, к чему прикоснуться, чтобы:

- вызвать улыбку;
- напомнить о серьезном;
- обескуражить или озадачить.

Мы же можем прийти в эту минуту с нашими ответами к нему, оказаться полезными и подтвердить, что очень удобно в жизни что-то важное уметь.

— А я из чего состою, мам?

— Смотри. Маленький ребенок, который еще ничего не успел, он состоит из любви. Из любви к нему тех людей, которые его окружают. А если люди эти почему-то потерялись, ребенок состоит из любви тех, кто спешит к нему навстречу. Потом он начинает потихоньку расти и чему-то учиться. Пити и писать он умеет сразу, да. И какать тоже. Но больше ничего... И он учится.

Сначала сидеть, ползать, потом ходить, говорить...

И вот он уже состоит из всего, что сумел перевернуть, выпить и съесть, из всего, во что поиграл и что сломал, их всех домиков, которые он построил. А потом - потом он пойдет в школу, вот ты же ходишь в школу. И будет состоять из всего, что решит запомнить и чему захочет научиться. Ты же научился (писать, читать, лепить, рисовать, — можно вспомнить какие-то победы ребенка, даже кро-

хотные), и ты из этого состоишь тоже. А еще у нас получилось (вспоминаем, вспоминаем!), у тебя это получилось просто отлично, и ты из этого тоже состоишь, потому что теперь это можешь всегда.

— *И знаешь, что удивительно?* — делаем круглые глаза, выдерживаем небольшую паузу. — *Ведь то, из чего человек состоит, это и есть его состояние. И есть еще такое слово «состоятельный». Сейчас принято думать, что это слово относится только к богатым людям. А раньше у него были и другие значения: «доказательный», «обоснованный». То есть, тот, кто может знания свои доказать, кто ничего не говорит просто так, кто владеет тем, о чем говорит. Вот и получается, что состоятельный человек — это тот, кто владеет многим. Просто богатства люди не всегда понимают одинаково. Видишь, как много смыслов у слов...*

Вот так мы выстраиваем наш общий словарь, а с ним и общую систему ценностей, которая, устойчиво сформированная, не допустит, чтобы настал день, когда мы спросим с укоризной: «И в кого ты такой вырос?» Этого не происходит с людьми, которые «говорят на одном языке». Этого не происходит с теми, кто заранее попекся о том, чтобы не просто договориться о терминах со своими детьми, а сделать так, чтобы эти термины стали естественными и единственными, роднящими нас смыслами вещей.

А в этом конкретном месте хорошо бы отвлечься. Взять тот же самый пирожок. Или что там у нас вместо. А потом неожиданно предложить:

— *Может, и не стоит сегодня увеличивать свое состояние больше, а? Конечно, чем человек больше знает и умеет, тем он из большего состоит, значит, тем он и состоятельной. Но, может, и правда не стоит тебе сегодня увеличивать себя на то, о чем написано в этой книге? Пусть другие дети увеличиваются, а тебе не стоит? Или все же стоит? Как считаешь? А? ДУМАЕШЬ, СТОИТ?»*

Этот пример, как и прочие, не совершенен. Но если всё время думать о совершенстве, то невозможно будет сделать ни шага

нашей любви. Я со своими детьми играла. Пробовала и так, и эдак. Главное, чтобы зажглись навстречу глаза. А потом оставалось всего-то постараться, чтобы этот огонек не погас.

Еще до своей работы в детском доме я усвоила, что даже далеко не каждый кровный ребенок уверен в том, что нами, родителями, любим. Помните, как некоторые женщины постоянно просят своих мужчин сказать о том, что те их любят? Как искренне страдают, если не слышат желанных слов. Дети устроены так же. Только просить они, как правило, не догадываются. Но мы сами должны доказывать им свою любовь. Так же, впрочем, как компетентность, которая и есть родительская сила. Мы должны постоянно завоевывать своих детей.

В родительской любви не уверены даже кровные дочери и сыновья. Что же говорить о приемных детях?

Нам надо на время срастить их с собой, сделать так, чтобы наши дети постоянно нуждались в нас, пока они растут, вот единственный выход. Нам надо стать нашим детям необходимыми, чтобы множество их вопросов к жизни как можно дольше замыкались на нас — это то, что строится и поддерживается во времени. Это ниша, это утроба души, это надежная пристань. Чем крепче наши связи, чем надежнее наш ребенок чувствует себя рядом с нами, тем спокойнее он будет отлучаться, чтобы исследовать этот мир, тем меньше потребностей будет у него в том, чтобы нарушать наш порядок и наш закон. Потому что порядок и закон будут накрепко ассоциироваться у него с приятием и безопасностью.

При этом ни о каком равенстве между нами и нашими детьми не может быть даже речи.

Вечер. Отужинав, мы обдумываем наши проблемы, беседуем по телефону с друзьями и коллегами. Возможно, рядом с нами наши супруги, уделить внимание которым мы не просто должны, но еще этого и хотим. Ребенку пора спать. Еще не сию минуту, но

уже наступает время двигаться помедленней, потихоньку успокаиваться.

Нам проще всего, высунув нос туда, где сейчас наше чадо, напомнить ему, что день завершается. Еще проще, впрочем, и носа не высовывать, а просто крикнуть, назвав по имени или даже по имени не назвав: «Хватит прыгать. Пора спать!»

Наши дела держат нас. И они, в самом деле, важны. Мы, может быть, присели для обдумывания чего-то, а может быть, еще прохаживаемся туда-сюда с телефонной трубкой или обсуждаем прошедший день с супругом. Как бы то ни было, мы все еще бежим по нашему дню.

А ребенок бесится где-то в недрах квартиры. Стемнело, и надо бы, чтобы топот ног в потолок соседней поутих. И тогда мама, уставшая от готовки ужина, от устранения его последствий, или увлеченная беседой, или пишущая конспект для зачета, все-таки не кричит ребенку из кухни, что пора спать. Она прерывает свой «бег», выходит в коридор и садится напротив скачущего чада.

— Как у тебя это выходит? — спрашивает она с удивлением. — Ты так легко прыгаешь... Как? Я просто представить себе не могу, чтобы у меня получилось такое...

Не ответить он нам не сможет. Либо, продолжая скакать, пыхтя, предложит присоединиться и попробовать прыгать вместе, либо все-таки притормозит. И скорее будет второе, потому что он и правда устал, только вот никак не догадывается, что пора отдыхать.

— А научишь меня завтра? — мама выглядит немного грустной, еще бы, ведь ей так хочется попрыгать...

И может быть, ребенок начнет уговаривать маму начать обучаться прыжкам немедленно, может быть, слегка сбитый с толку, он окажется в паузе, которой нужно немедленно воспользоваться,

но если у нас в семье хотя бы более или менее контакт между родителем и ребенком существует, «аллюр» ребенка будет изменен.

Вот тут и надо пригласить его куда-то, где ему положено, по нашему сценарию, быть. И мы понимаем, что «дело», которое мы прервали, не обязательно прыжки, и слова, которые мы говорим, могут быть совсем другими.

Главное не это.

Главное то, что мы взяли инициативу на себя. Мы не пустили ситуацию на самотек, мы не выразили недовольства и отношений наших с ребенком не нарушили ни на минуту. Мы приняли ответственность и «включили музыку», пригласили ребенка «на танец». И, конечно же, для нас должно быть естественным следующее: если мы хотя бы обмолвились о том, что хотели бы что-то делать вместе с нашим ребенком завтра, то мы непременно должны включить это дело в завтрашний план!

Какое же тут равенство, когда от начала до конца ситуации за ее исход отвечает только один из нас?

Ребенок больше не делает того, что следовало прекратить. Мы держим внимание нашего ребенка под контролем. А теперь мы уводим его куда-то, чтобы окончательно переключить. И он следует за нами, потому что сейчас он зависит от нас. Он с удовольствием «танцует» под нашу «музыку», и ведем его в этом «танце» мы. Мы мастерски исполняем свою роль, и рядом с нами и участники, и зрители ощущают радость от нашего мастерства.

Зависимость — это то, что нам необходимо постоянно поддерживать. Это не разовое достижение, а возможность и способность так прокладывать маршрут жизни, чтобы ребенку было интересно и безопасно следовать за нами. И до тех пор, пока мы ведем его в нашем «танце», ни о каком равенстве между нами речь не пойдет. Мы несем ответственность за нашего ребенка, за его завтрашний день, за его будущее, наконец.

Безусловно, мы не будем доводить сказанное до абсурда, потому что сказанное вовсе не означает, что нам следует до подросткового возраста завязывать своим детям шнурки. Но наша задача — научить ребенка всему. И этому делу тоже.

Конечно, когда нашему ребенку три-пять, вряд ли он сам овладеет таким мастерством. Но позже мы вполне в состоянии ему помочь.

Например, можно заинтересовать ребенка вязанием морских узлов. Это увлекательное занятие даст маленькому человеку, помимо навыка в завязывании шнурков, еще и возможность поделиться своим умением с друзьями. Ведь дети так нуждаются в том, чтобы иметь реальные знания, способные пригодиться здесь и сейчас.

Возможно, нам нет нужды напоминать себе, что ни одна армия при плохом полководце не победит, и полководец не равен солдатам. Ни один спектакль не будет сыгран успешно без талантливого режиссера, а актер, каким бы талантом он наделен ни был, функции режиссера не выполняет. Не смогут двигаться поезда, работать заводы, даже продукты в магазины и то не приедут сами. Нужно, чтобы кто-то за все это отвечал. Мы все понимаем, что в самолете мы зависим от мастерства и слаженности его экипажа и от умения принимать решения командиром корабля. Слово «зависимость» не должно нас пугать. Зависимость — естественный и здоровый признак отлаженного сообщества, она — знак наличия разумной иерархии.

Наши дети нам не ровня, и, если мы своей родительской силы не утратили, им в голову не придет бороться за право первенства с нами.

Ребенок может сделать попытку взять командование на себя. Но только тогда, когда он отчаялся надеяться на нас.

Для правильно выращенного ребенка родители навсегда останутся на заслуженном пьедестале, посягать на который ему попро-

сту не придет в голову. И даже став совершенно самостоятельными и взрослыми людьми, превзойдя своих родителей в образовании и способности адаптироваться к новым условиям жизни, которые у нас с возрастом неизбежно угасают, дети, напитаемые зависимостью, выращенные в параметрах соблюдения Закона, Порядка и Иерархии, всегда будут относиться к своим родителям с уважением и почтением.

Глава 16.

ЧЕМ ЕЩЕ НАС МОГУТ ИСПУГАТЬ

Экология плохая, пища мутированная, воздух отравлен. Да и сама жизнь, разве так нам хотелось бы жить? Времени для полноценного общения с детьми не хватает, социум требует все больше соответствий, в общем, все идет как-то не так. И вроде, неплохо, но... дети какие-то странные вокруг. Мы такими не были!

— *У вас синдром дефицита внимания* — слышат заботливые родители, которые не поленились, нашли специалиста, заявили о проблеме.

— *У вашего ребенка дисграфия*, — узнают другие мамы-папы, сначала тревожатся, а потом даже облегчение испытывают: не они виноваты, это ребенок такой.

— *Ой, он у нас гиперактивный!* — словно стыдясь своего ребенка, говорит иная мама, и ее поддерживают кивками: нелегкая у женщины доля.

— *Извините, он у нас такой*, — я и подобное слышала, — *странный...* — и мама «предъявляет» ребенка с некоторым аутизмом. Не глубоким и катастрофичным, а таким, до которого можно достучаться.

Помню, как однажды мне встретился мальчик, не знающий, как зовут его одноклассников, но школу, тем не менее, посещающий. Он не мог сходить в булочную, чтобы купить себе хлеба. Будучи крайне застенчивым, не смог бы спросить дорогу домой, если бы вдруг заблудился. Да и адреса своего не знал. С этим ребенком мы составляли «топики», как в разговорниках иностранных языков, и учили их наизусть. Все это было оформлено в виде игры и, конечно же, забирало много сил. Но и результаты давало несомненные. Очень скоро мальчик уже мог самостоятельно купить в магазине хлеба, молока, проехать на автобусе

до метро. Он выучил имена своих одноклассников и не боялся назвать свои имя и адрес.

Но это случай, конечно, особый. С дефицитом же внимания можно успешно работать, развивая внимание... да хотя бы по Цицерону.

Суть этого способа доступна и проста. По преданию, свой метод Цицерон изобрел, проходя одной и той же дорогой к месту проведения своих лекций. Поскольку эта дорога была Цицерону хорошо знакома, а основные пункты лекций менялись, то он стал привязывать их к «вехам» своего пути. И я хочу заинтересовать взрослых, потому что мы, так же как дети, увлекаемся только тем, что интересно именно нам.

Пример приведу самый простой. Вехи начала пути Цицерона представим себе свободно: глиняная хижина, дерево, куча камней, ремесленная мастерская, кирпичный дом. Цицерон собирается рассказывать людям о том, что сила государства в его законах. Основные пункты плана — народ как общность людей, право как основа объединения народа, закон, природа, справедливость. Если привязывать каждый предмет к одному пункту плана, то у нас получатся пары:

- глиняная хижина — народ;
- дерево — право;
- куча камней — закон;
- ремесленная мастерская — природа;
- кирпичный дом — справедливость.

И мы можем предположить, как пункты плана своей лекции запоминал Цицерон.

— Глиняная хижина — это место, где живут простые люди, общность которых именуется народом. Таким образом, представив себе начало своего пути, а именно хижину, Цицерон сразу же ассоциировал ее с народом, первым пунктом своего плана.

— Дерево имеет право расти на этой земле, люди из хижины смогут укрыться от солнца в его тени, таким образом, право объединяет народ.

— Куча камней подходит для того, чтобы сложить из них стену, крепкую и незыблемую, как сам закон.

— Ремесленная мастерская напоминает о том, что все, что человек имеет, он создает из природных материалов.

— Кирпичный дом куда удобнее для жизни, чем простая хижина, и справедливость в том, чтобы все люди жили в кирпичных домах.

Если мои примеры показались интересными, то нам, взрослым, будет нетрудно придумать ряд ассоциаций для того, чтобы наш ребенок мог выучить «пункты своего плана» с увлечением и без труда. А «дорогой» для него может оказаться хорошо знакомая комната. Но прежде чем пробовать, стоит попросить ребенка рассказать нам, в каком порядке расположены предметы в его комнате, только, конечно, сначала надо его заинтересовать. Уже это может оказаться увлекательным началом работы по улучшению памяти. А потом, следуя совету Цицерона, можно привязывать определенные слова к предметам комнаты. Причем, сценарии для наших образов мы можем выбрать любые. Будь то сказка «Золушка» и ее персонажи, будь то «Пираты Карибского моря» и их образный ряд. В зависимости от того, что нашему ребенку ближе.

Подробнее о методе Цицерона можно прочесть в интернете, а возможностей обставлять его сказочными ассоциациями у нас наверняка найдется множество.

Это удивительно, как быстро умеют дети превзойти наши ожидания, если мы действительно настроены помогать им, если настроены взаимодействовать, а не отмахиваться в надежде, что все проблемы рассосутся сами по себе.

Мы сумеем победить небольшую дисграфию самостоятельно, ведь раньше и термина-то такого не было. И гиперактивного дитя «залюбить» в наших силах, если снимать постоянно «заряд» излишней энергии, расслабляя ребенка и давая ему чувство безопас-

ности и принадлежности. Возможно, нам надо осознать, что гиперактивный ребенок не потому не знает покоя, что у него этой самой активности переизбыток, а потому, что тормозные процессы у него недостаточно развиты, и он просто не умеет остановить себя сам.

Но ребенок с дефицитом внимания по-прежнему играет в стрелялки, а вовсе не тренирует внимание и память. Дитя с дисграфией не имеет кого-то рядом, кто превратил бы его занятия письмом в увлекательную игру. А гиперактивный ребенок носится до изнеможения целыми днями, и нет рядом с ним взрослого, в которого можно было зарыться, как лодке в песок, чтобы остановить этот изматывающий бег.

В семье с тремя детьми, о которой я хочу рассказать сначала, идея порядка была выражена достаточно явно. Взаимодействие папы-мамы в этом доме было очевидным и работало на всех, кто в нем жил.

Мама, о которой я говорю, встретила со своим сыном, когда тому было девять лет, и она еще не знала, что это ее сын. Но через год, в его десять, они уже были членами одной семьи и жили вместе.

Учился ребенок очень плохо, отставание было таким, что хоть в первый класс иди. В школе, которую ребенок посещал в детском доме, переводы из класса в класс проводились формально.

Прежде всего, мама договорилась с администрацией школы — завучем и учителем третьего класса, в который пошел ее сын, и занялась «вытягиванием» ребенка сама.

Понятно, что никакой мотивации для учения у мальчика не было. То, что предстояло сделать маме, оборачивалось чем-то куда более серьезным, чем «начать с нуля». Это отбрасывало ее чуть ли ни в прошлую жизнь, если таковые существуют.

Порядок в доме (договоренность об обязательствах и умение их выполнять, взаимодействуя друг с другом) обеспечивал этой маме ту самую платформу, на которой она могла чувствовать себя

устойчиво. Мама также договорилась с членами семьи о том, что они все будут помогать ей «вытягивать» ребенка.

Писать мальчик не мог совсем. Безобразные каракули с множеством самых нелепых ошибок, если говорить именно о письме. Это отражалось и на математике, причем, в устном счете ребенок соображал заметно быстрее, чем это происходило при попытке записывать свои действия. Тут все превращалось в кашу.

Мама, двое других старших детей и папа нарезали карточки, величиной в четверть альбомного листа, и на них каллиграфическим почерком выписали буквы и слоги. В день начала занятий мама показала ребенку все эти карточки — их получилась убедительная стопка, выбрала из них две и сказала, что всей семьей они решили улучшить свой почерк.

— *Теперь, — сказала мама, — мы все будем прописывать по две карточки каждый день, и будем стараться делать это так, чтобы у нас получалось очень красиво. Мало кто умеет сейчас красиво писать, — заметила она, — но я слышала, что тот, кто все же это умеет, вырастет быстрее и ему легче учиться в школе. Нам бы всем хотелось, чтобы нам стало немного легче, вот мы и решили попробовать в чем-то победить.*

Принимать участие в написании букв ребенок отказался.

Остальные члены семьи к нему не взывали, а, выключив телевизор и убрав посторонние звуки, уселись вместе за стол в гостиной. В квартире настала тишина, все договорились, что ничто не должно отвлекать их.

Они выписывали буквы, мама и папа хвалили детей, приводили примеры, на что буквы похожи, и заговорчески смеялись, поглядывая на отказавшегося весело, но без осуждения. Скажу сразу, что к ним он присоединился буквально на третий день.

Буквы свои они писали разными цветами, у каждого был свой цвет, и крепили их потом к стенам. Вскоре вся квартира была разу-

крашена разноцветными карточками букв. Не все шло гладко, особенно, когда пришлось уменьшать размеры букв — первоначально все писали их крупными. Но и эта задача была оформлена в виде игры. А за буквами последовали цифры.

Понадобилось полгода для того, чтобы сформировать и укоренить новую систему связей. Семье удалось полностью выправить ребенку правописание, а это повлекло за собой усидчивость, аккуратность и, естественно, повысило коэффициент восприимчивости информации. К концу третьего класса ребенок догнал по успеваемости лучших учеников. Конфликтов во время обучения практически не было.

Старшие дети гордились тем, что они выполняют такую важную задачу — помогают младшему выровняться. Папа не всегда принимал участие в написании букв, он подключался изредка, но, по договоренности с мамой, обставлял это так, словно без практики написания букв он быстро теряет навык. Папа говорил детям, что им повезло: он имеет дело только с компьютером, а они учатся в школе, поэтому пишут, а значит — их мозг работает продуктивней. Рассказы об устройстве мозга и его неисчерпаемых возможностях в образах продолжала мама.

Конечно, мы можем представить массу возражений в ответ на этот единичный пример. Но тут безусловен ряд факторов, которым по силам перевести данный пример во множественные:

- это единство членов семьи;
- это умение шаг за шагом идти к цели;
- это явное взаимодействие старших детей между собой;
- это отсутствие конкуренции внутри семьи;
- это, вероятно, море свободного времени у мамы, раз она может позволить себе так проводить вечера.

По поводу последнего скажу «нет», данная мама врач, и она работала. А что касается первых пунктов, то да. Слышала возражения, что такой порядок почти нереален в наше время. С этим я

не согласна, фактор зависит не от времени, а от того, как устроен человек, в частности, тот, кто лидирует в семье, т.е. тот, кто берет на себя ответственность и порядок устанавливает.

Хочу еще раз подчеркнуть, что эта история, как и все прочие в этой книге, правдива. Более того, этот метод несколько видоизменила я, а его уже повторила еще одна мама, моя коллега-усыновитель, увидев, как через четыре месяца после начала домашних занятий стал писать мой новоприобретенный восьмилетний сын.

Мой ребенок, в отличие от ее мальчика, имел некий неврологический диагноз плюс сильнейшее сотрясение мозга в анамнезе, последствия которого давали судорожные проявления. И врачи говорили мне, что ничего у меня не получится. Но они ошиблись.

Мы не только писали карточки. Начали мы с...танцев. Мы выкладывали огромные буквы на полу из поролоновых полос, а потом, ступая шаг в шаг, «танцевали» эти буквы, держа друг друга так, словно наш танец — ламбада. И выкладывание букв, и хождение по ним, и вот еще распевание: «Мы танцуем букву «а», от нее мы без ума», заставляло нервную систему вступать в созвучие с нашей задачей. Мы играли, и карточки не делали нашу жизнь более строгой или более унылой. Все наоборот, а, поскольку результаты появились на удивление быстро, это оказалось праздником для нас.

Конечно, бывают случаи и другие, да. И диагнозы бывают объективными. Но это не означает, что надо складывать руки, для меня это совсем другой знак. Обратный. Разница в данном случае в том, что те же методы будут действовать значительно медленнее. Но действовать они будут.

Ребенок-торопыга, ему еще и гиперактивность диагностировали, он и читать не любил, додумывал слова, в результате, порой нес околесицу. Важный фактор — этот мальчик обладал ораторским даром, он очень любил говорить. Правда, из-за этого свойства ему часто удавалось попадать в дурацкое положение, потому

что говорить ему хотелось, а о чем говорить и что говорить, он не знал.

Родители мальчика, получив диагноз, свои попытки сосредоточить ребенка оставили, и мальчик получал то тройки, то пятерки, то двойки, в общем учился, как многие дети, где-то вылезая за счет того, что во время и к месту вставлял случайно услышанное. По русскому же языку показатели оставались устойчивыми — тройки другими отметками не перемежались. Чтобы подтянуть сына, родители пригласили ему репетитора, действительно хорошего педагога — спокойного, не склонного раздражаться, терпеливого. Но результатов педантичные и спокойные занятия не дали.

К десяти-одиннадцати годам внимание у ребенка несколько улучшилось, хорошие отметки в школе стали появляться чаще. Он легче воспринимал информацию на слух, поэтому его выступления, к которым он имел явную склонность, случались теперь интересными и частично обоснованными. Кроме того, даже отвлекаясь, он улавливал какие-то слова, произносимые учителем или кем-то, рядом с ним находящимся, и если его заставляли за «ловлей ворон» и спрашивали, о чем только что шла речь, он довольно удачно выкручивался. Порой это было даже более чем удачно, родители заподозрили в ребенке некий талант, но какой именно, оставалось неясным. Грамотность у него по-прежнему хромала, почерк оставался отвратительным.

Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, в гости к семье приехала бабушка.

Буквально на следующий день она с удивлением спросила взрослых детей, почему они так спокойно смотрят на то, как ребенок пишет.

— У него дисграфия, — махнули рукой родители ребенка. — Нам сказали, он может никогда не научиться писать разборчиво, потому что, пока он повзрослеет, все будет переведено на компьютеры, и у него уже надобность в письме отпадет.

Бабушка задумалась не на шутку, с детьми ничего дальше выяснять не стала.

После выходных бабушка дождалась возвращения внука из школы, накормила его обедом и попросила рассказать о чем-то. Мальчик начал рассказывать, бабушка слушала, всем своим видом подчеркивая интерес, а потом выбрала момент и даже в ладоши захлопала, когда внук как-то особенно удачно высказался — мальчик в самом деле умел красиво говорить.

Слушая, бабушка перебирала тетрадки внука. Почерк в них был ужасным, понять что-либо оказалось трудно.

— *Не очень у тебя с русским?* — бабушка спросила это участливо, но словно невзначай. Тут же, не делая паузы, она снова вернулась к удачному выражению, которое употребил внук. — *Нет, ну как же ты это здорово сказал! Какое же удовольствие для людей тебя слушать! Знаешь, мне кажется, это талант — уметь так выразить себя. Но главное, люди тебя всегда должны отлично понимать!* — и она снова паузы не сделала. — *А с учительницей по русскому у тебя как?*

— *Да она мне ставит отметки всегда плохие, бабуль. Я даже если правильно напишу, она все равно большие тройки мне не ставит. Придерется к чему-нибудь обязательно.*

— *Я вот тебе хочу одну интересную вещь сказать.* — Бабушка слегка качнула головой, сделав очень многозначительное лицо и подтвердила. — *Да, очень интересную. Сказать сейчас или?..* — она убедилась, что внук заинтересован.

— *Скажи сейчас, да. А про что?* — мальчишка действительно хотел бы услышать что-нибудь интересное, тем более что оно явно не сулило ему никаких неприятностей.

— *Ладно.* — Бабушка выглядела так, словно внук ее с трудом уговорил. — *Хорошо. Если ты готов, то... Представляешь...*

И она произнесла нечто нечленораздельное. Убедительно кивая, с небольшой паузой после «представляешь» и глядя внуку в глаза. «Слова» бабушка как будто проглатывала, понизив тон, и

сразу после этого, невнятного текста добавила: «Я была потрясена!»

Она смотрела на внука напряженно, всем своим видом сообщая ему о важности сказанного и явно какой-то реакции ожидая в ответ.

— *Что-что, бабуль?* — мальчик свел брови к переносице.

— *Ну, как «что»? Я же говорю: — бабушка снова понизила тон и повторила свой маневр, но на этот раз закончила иначе: — Это же невероятно, я бы никогда не додумалась!*

— *Бабуль, прости.* — Внук покачал головой, выражая старание. — *Скажи помедленней, я опять ничего не понял.*

— *Я могу сказать помедленней. А может быть, мне лучше написать? Чтобы ты понял наверняка?*

— *Ну, напиши,* — несколько обескураженно ответил внук. Тот запал, в котором он только находился, несколько ослабел.

— *Ты себе не представляешь, как это важно!* — «добавила огоньку» бабушка и снова произнесла что-то непонятное, сверкая глазами. Коротко произнесла.

— *Ну, бабуль!* — снова воспламенился внук. — *Ну, почему я не понимаю-то?*

— *А ты представь.* — Бабушка сощурилась. — *Учительница твоя хочет поставить тебе хорошую отметку. Она же хорошо к тебе относится, я знаю. Она открывает твою тетрадь и ничего понять не может, как ты сейчас. Что она чувствует? Вот ты что сейчас чувствовал, когда не мог меня понять?*

— *Что я «немного того»,* — мальчишка засмеялся и покрутил пальцем себе у виска.

— *Вот и она себя чувствует «немного того», когда смотрит в твои тетради. Можешь поверить? Человек, когда не понимает чего-то, очень часто злится, потому что, — правильно ты сказал, молодец — чувствует себя в это время не в своей тарелке. Как будто с ним что-то не в порядке, понимаешь? А поскольку знать о себе такое никому не нравится, то человек начинает злиться на того, из-за кого он себя так почувствовал. Вот как интересно люди устроены. Получается несправедливость, конечно. Как думаешь, это справедливо?*

— *Не знаю,* — мальчишка напрягся. — *И что?*

— Да просто! Ты — оратор. Ты так говоришь, что тебя невозможно не слушать с удовольствием. И сразу хочется прочесть, что ты написал. Открываешь тетрадь, а там... И человеку становится непонятно. Где ты настоящий — там или тут? А вдруг в тетради? Тогда надо не верить тому, что ты говоришь? На тебя начинают злиться, как будто ты обманщик, понимаешь? Взял и специально человека обманул!

— Ну, ничего себе! — поджатый подбородок внука явно выразил озадаченность.

— Ну да, в том-то и дело. Получается, что ты — такой классный, половину своего законного внимания теряешь. А ведь ты его заслужил!

— А ты что говорила-то, ба? — внук понемногу возвращается в реальность.

— Я специально так сделала, чтобы тебе объяснить. Ты же меня знаешь, мне просто так неинтересно. И мне обидно за тебя, потому что ты захочешь сообщить важное, а тебя не поймут. В жизни такие случаи бывают, я тебе потом расскажу. Когда остается только написать записку. Просто, если не напишешь и не передашь, то тебя могут убить, как в кино. И что? Из-за того, что твой почерк кто-то не понял, тебе умирать?

— Ну, ты, бабуль! — внук снова качает головой. Похоже, что-то про похищение или погоню с преследованием он представил. — Вот, блин! И чего?

— Еще какой блин, — соглашается бабушка. — Но, я думаю, ничего ужасного. Мне когда-то точно так объяснили, и я все исправила. Смотри, какой у меня почерк теперь! Жаль, я никогда не умела говорить так, как ты!

Бабушка пишет на листочке, внук смотрит, думает.

— А я так смогу, бабуль? — спрашивает он через некоторое время.

— Ты? — бабушка смеется. — Ты обязательно сможешь!

Предвидя возражения, хочу сказать, что вместо ораторских данных можно использовать любой талант или способность ребенка. Конечно, диагнозы не просто придуманы, они суще-

ствуют. Но это не означает, что они снимают с нас ответственность за то, насколько внимательны наши дети, как они пишут и как произносят слова. И мне кажется, стоит повести себя так, словно мы ищем выход из важного для нас положения. Мы вполне можем придумывать что-то неожиданное, играть, вовлекать ребенка в нечто интересное, непременно наполненное позитивом о нем. Хорошее всегда должно перевешивать. Если ребенок, слыша какую-то критику в свой адрес, в то же время узнает и что-то хорошее о себе, он не станет так сильно упрячиться и возражать против перемен.

Меня часто спрашивают, можно ли ругать детей, ругала ли я своих. Конечно, ругала. И не всегда это было после тщательно взвешенных раздумий. Но что бы ни происходило в нашей семье, я всегда помнила главное: любви всегда должно быть больше, чем критики.

Только это не «я тебя так люблю, а ты вон что вытворил», нет. Это вообще не Я. Потому что это — ТЫ.

— *А-а-а-!* — немного артистично закатывает глаза одна моя знакомая мамочка, разоблачив чадо в очередном безобразии. — *И это ты? Ты — такой умный, такой классный, такой большой! Вот сейчас,* — и она начинает ходить по комнате из угла в угол, а ребенок тарасится на нее во все глаза, потому что, с одной стороны, его, похоже, ругают, а с другой ...

А с другой, это же так интересно!

— *Так,* — говорит утомленная пробегом по комнате взад-вперед мама, — *так! Я все поняла. С хорошими детьми это* (так она обозначает причину своего негодования) *тоже может случиться! Получается, что может. Даже с очень хорошими, такими, как ты.* — Сосредоточенное лицо мамы не даст возможности ребенку заподозрить подвох. — *Но, я уверена, что этого больше не повторится. Потому что это такая гадость, просто гадость наугаднейшая! И такой человек, как ты, такой замечательный человек, конечно же*

поймет, что это отвратительное непременно останется в душе, если такое совершить!

— Пойдем, — предлагает она потом. — Пойдем на кухню. Я тебя угощу (чем угодно), поддержу тебя, а ты поддержишь меня. Мы же с тобой оба сегодня пострадали. Ты сделал такое, от чего тебе тошно, а я узнала, что это произошло. Но мы будем стараться, чтобы этого больше не случилось с нами. Пойдем! — она кладет руку на его плечо и уводит в кухню...

Совершенно обескураженный ребенок не дает в это время себе никаких обещаний. Но если бы было возможно задать ему вопрос (нельзя задавать, пусть торопится от маминой любви как можно дольше), «будет ли он так еще», он бы ответил — нет.

Конечно, можно и поругать. Но поругать, соблюдая принцип антуража, того, что будет вокруг. Именно оттого, как мы обставим наше недовольство, зависит, захочет ли ребенок еще раз повторить свой промах.

Родителю, воспитателю, опекуну стоит быть зазывалой в цирке, талантливым продавцом в магазине, артистом на сцене, экскурсоводом, которого слушают, раскрыв рот... Нильсом с дудочкой в руках! Чтобы ребенок шествовал за нами самозабвенно. «Учатся у тех, кого любят», — утверждал И. Гёте.

Но ведь не только работой с собой и игровым подходом к ребенку мы сможем создать свою крепкую семью. Есть же еще жизнь за пределами дома. Например, в детском саду, в школе. Как себя лучше вести там? Ведь, скорее всего, наши дети будут отличаться от остальных. Вдруг они будут иметь особенности, по которым сразу станет видно, что ребенок, если только он не младенцем к нам попал, изначально неблагополучный?

Глава 17.

ВХОДИМ В НОВЫЙ КОЛЛЕКТИВ

Действительно, особенностей у ребенка может быть множество. Например, те, что являются следствием заболеваний, и требуют, возможно, специальных школ или детских садов, в любом случае, особого ухода. Или же это будут простые, может быть неприятные, но, в общем, безобидные особенности характера.

Грызть ногти или вытирать нос рукой, например, чем не особенности?

И ведь интересно, что именно таких, не судьбоносных, но очень заметных и способных отпугивать от себя особенностей, у детей, пришедших в нашу семью, действительно может быть немало.

К счастью, большинство этих особенностей мы можем объяснить обычным неумением себя вести. И нам понадобится немалое время, прежде чем наш ребенок перерастет свои привычки, прежде чем сознательно согласится заменить их на те, которые нам кажутся уместными, или же наше поведение не просочится к нему

«под кожу» само, что неизбежно происходит, если в семье все складывается хорошо.

Обычно простых объяснений, таких как «это некрасиво», «так не делают», «это неприлично», бывает не просто недостаточно. Они могут даже вызвать протест. Как будто наш ребенок возражает нам, что он — не набор привычек и манер, а человек, душа. И чего стоит наша любовь и наше совместное будущее, если такие мелочи, как вытертый рукой нос или руки, обтертые после еды об штаны, могут взаимопониманию помешать.

Если так, если такие мелочи нас «выбивают», и мы искренне верим, что именно ими наш ребенок будет отличаться от других детей, то наше будущее с ребенком на данный момент под вопросом.

Что в этом случае стоит сделать прежде всего?

Как мне кажется, прежде всего стоит выдохнуть и поверить, что благополучные домашние детки тоже вытирают носы руками, руки вытирают об одежду, не умеют завязывать шнурков, забывают застегнуть молнию на штанишках, говорят невпопад, лакомятся «козьявками», по вечерам снимают с себя трусики со следами какашек на них и пованивают, начиная входить в подростковый возраст, когда они еще не слишком озабочены тем, как их воспринимают окружающие. Когда они попросту природны и в этом качестве самодостаточны. Даже, я бы сказала, не испорчены нашей с вами цивилизацией, которая призвана сделать категорически неопределимым животное начало в человеке.

Но это чисто поведенческие штрихи. Благополучный домашний ребенок может точно также не слушаться, говорить дикие вещи, ставить родителей в нелепое положение... Меня не раз спрашивали: «А вдруг он будет врать? А вдруг он будет красть?» И даже: «А вдруг он что-то ляпнет?»

Будет, конечно будет. Врать будет непременно. Скорее всего, попробует и красть. Позже мы поговорим о примерах домашнего

воровства. А пока, хотите, я приведу вам пример из области говорения диких вещей вполне благополучным и любим домашним ребенком? Мы же с вами живые люди, и мы, да, имеем право испугаться чего-то, о чем не особенное представление имеем.

Итак, пример.

С довольно ранних лет я курила. Позже никогда не пряталась от своих детей, из которых (скажу, предвосхищая вопросы) не курит никто. И вот как-то однажды я курить бросила.

Внуку моему в это время было около десяти лет, и ему сказали, что бабушка больше не курит. Помню, нас окружало много народу, когда мой старшенький внучок подошел ко мне и громко, с выражением произнес:

— Бабуль, как хорошо, что ты бросила курить! А то вечно у тебя были расширены зрачки от этих наркотиков, которые ты употребляла!

«Немая сцена», не правда ли? И безусловная удача тут в том, что никто не сможет спихнуть этот «ляп» на трудное детдомовское детство обожаемой детки. А всего-то на банальное — «слышал звон, да не знает, где он». Уверяю вас, что «ляпы» наших вновь обретенных питомцев обычно ничуть не более чудовищны. Нужно только ни в коем случае не гневаться! И не смеяться над ребенком, господа родители, чье чувство юмора способно превысить оторопь от неожиданности. Не смеяться, как бы смешно сказанное ни было!

А, если серьезно, я посоветовала бы тут особенно не волноваться относительно того, как встретят особенности нашего ребенка окружающие дети. Они могут попросту не заметить того, что в поведении нашего новоприобретенного ребенка нам кажется неправильным или неверным.

Дома я бы проговаривала все, что мы делаем так, как у нас принято. Например: Салфетку удобно положить сюда. Тогда ее легко взять, если вдруг нужно срочно...

А чтобы не повторять одну и ту же фразу назиданием, можно потом просто «озвучивать» наши манипуляции с той же салфеткой, например.

— *Ну что ж, ужин закончен, промокнем-ка мы наш клюв!*

Почему клюв, а не рот? Потому что играть веселее.

Я говорила детям по вечерам: «Перед сном моем задние лапы и хвосты!» Всем было понятно, что речь идет о ногах и попах, которые, даже стоя под душем, нужно мыть особенно тщательно. Но так нам казалось веселее. Позже я заменила это словом «фрагменты», если мытью подлежали именно они, а не надо было, например, принять ванну. Мы придумывали разные смешные слова, потому что дети поначалу могут конфузиться буквально из-за ничего. Почему-то, к примеру, «противные подмышки», обозванные «промокашками», такого протеста не вызывали, и с ними нам оказывалось расправляться намного легче, что мы и делали. Ну, а кроме того, мы помним, это наш общий язык, наши «термины», о которых потом нам не нужно будет договариваться.

Это воспитание в облегченном варианте. Безусловно, нам понадобится потратить время жизни и на серьезные разговоры, но ведь до того, чтобы наши дети стали способны от нас серьезный совет принять, они должны хотя бы привыкнуть к нам, хотя бы немного поверить в то, что мы — те самые взрослые, с которыми считаться стоит. Конечно, нужно считаться со всеми людьми, которых мы встречаем, но надо же с кого-то начинать!

Отношение к этому миру у детей начинается с отношения к своим родителям.

Но от одного факта, что мы наших детей «взяли», ничего волшебного с ними не случится. Доверие нужно заслужить, и именно этим нам и следует заниматься сначала, прежде чем мы сможем влиять на детей реально, т.е. и возможности приобретем, и право, чтобы корректировать поведение наших детей.

Все совсем не так страшно, если мы говорим именно о поведенческих нюансах наших детей.

Если наш ребенок не имеет заболевания, требующего особого ухода, и если он посещает детский сад, что еще может показаться особенным, отличающим его от других детей? Разве что, сама информация о том, что ребенок сравнительно недавно был воспитанником детского дома.

Но ведь эту информацию совсем не обязательно делать «достоянием республики».

На моей практике ни в детском саду, ни в школе никто из преподавателей или воспитателей эту информацию дальше педсовета не распространял. Больше того, когда я работала в детском доме, наши воспитанники ходили в обычные школы и детские сады района, а это был центральный округ Москвы, откуда логично было бы ожидать проблем... Но нет, больше, чем с другими детьми, их не было. Дети баловались, дети порой прогуливали, дети иногда не выучивали уроков, хотя мы, воспитатели, и старались уследить за ними максимально, однако, как и с детьми домашними, время от времени что-то да упускалось из виду. Но это никак не отражалось на отношении к нашим детям других детей, вопрос принадлежности к детскому дому среди детей не поднимался и не обсуждался. Вряд ли одноклассники наших воспитанников что-то знали об этом. А если знали, то только потому, что сами дети и рассказали.

Мои личные дети все пятеро заканчивали разные школы. Вернее, сначала они все ходили в одну, ту, что рядом с домом, а после девятого класса мы переводили их в спецшколы. Младший ребенок ходил в детский сад. Нигде и никогда мы не сталкивались ни с чем, что можно было бы хотя бы приблизительно «притянуть за уши» к этому вопросу. Одноклассники моих детей понятия не имели, что новые ученики их классов появились в своей семье относительно внезапно. Интересно, что кровные наши дети тоже учились в той же школе рядом с домом несколькими годами раньше. Но вот, не приходило никому в голову вопроса, откуда у них появи-

лись сестры и брат. Соответственно, особенности поведения детей никак ни с чем сверхнеобычным не ассоциировались. Ну, чудит человек. Обиделся, например, на учителя, и упорно не выходит к доске отвечать, за что получает двойку за двойкой. Ну, с кем ни бывает.

Это, кстати, вполне конкретный пример «выходок» одного из моих детей. Человек умудрился получить несколько двоек кряду, прежде чем я увидела вереницу этих «лебедей», одновременно выставленных в дневнике, и не была вызвана в школу. Педагог, совершенно искренне стремящийся выровнять ситуацию, предупреждающий накануне: «Я вызову тебя на следующем уроке», отчаянно недоумевал. Что случилось? Почему ребенок отказывается отвечать? И ведь это не малыш, это уже подросток, последние классы спецшколы, ведущей в престижный ВУЗ...

Оказалось, дитя обиделось и «уперлось»! Как раз умением «упираться» именно это дитя у нас славилось. Это самое уже великовозрастное дитя мстило таким образом педагогу за некую шутку, которую посчитало для себя оскорбительной. И хорошо, что к моменту инцидента я уже и доверие какое-то заслужить успела, и, как поется в песне, «фишки» и «штучки» у дитятки изучила. Поэтому мне удалось, правда, не без труда, добиться откровенного рассказа ребенка, а потом в разных примерах и, подходя с разных сторон, объяснить, кому именно будет хуже от подобного поведения. «Ну, уж никак не учителю» — это было удивительным открытием, которого мой ребенок не ожидал.

Конечно, жизнь в неблагополучной семье, а затем в детском доме, даже если там (как в моем личном случае) дети были совсем недолго, все равно не проходит бесследно. Информационный голод, когда дети растут, «варясь в своем соку», в то время как родители не пекутся о том, чем наполнены их раздумья, не может не сказаться на формировании человека. Именно следствие такого информационного голода и называется обычно «задержкой психического развития». Этот диагноз ставится без исключения всем детям, стоит им попасть в детский дом. Соответственно, чем

дольше дети в неподобающих условиях пребывают, тем задержка ощутимей. Но бояться этого было бы неправильным. Потому что мы ведь и собираемся напитать наших детей нашими ценностями, интересами этого мира и его людей. Мы хотим дать каждому ребенку то самое воспитание, которое сможет заполнить пустоты маленького человека, чья жизнь началась не слишком счастливо, но все-таки не успела лишить его шанса счастливым стать.

То, из чего следует непохожесть на других, есть либо свойство характера и темперамента человека, либо обусловлено задержкой психического развития, о которой я только что упомянула.

Ребенок что-то делает неправильно или не делает чего-то, о нужности чего понятия не имеет. И наша с вами забота заинтересовать его в том, что мы считаем верным и выживательным, замотивировать маленького человека так, чтобы ему стало интересно работать с самим собой. Чтобы ему понравилось творить себя, одновременно взаимодействуя с нами, родителями.

Если мы еще не приняли нашего ребенка и пока только собираемся сделать это, то нам надо сказать себе, что дети, находящиеся на воспитании в детском доме, вовсе не инопланетяне, и каких-то необъяснимых и чудодейственных свойств, о чем можно подумать, не имеют. Скорее, они могут казаться диковатыми на момент забора из кровных семей. Тогда у них в поведении присутствуют и неряшливость, и подозрительное отношение ко многим видам пищи, которую мы с вами считаем просто обыкновенной, и незнание каких-то элементарных вещей — из области образования или равноправного общения, к которому привыкли домашние дети. И, конечно же, протест. Потому что они не просили нас нарушать их жизнь, какой бы горькой она ни была. И сейчас мы говорим о детях, которые некоторое время все-таки жили в своих кровных семьях.

Нормальный детский дом довольно скоро выравнивает многие «провалы» такого рода, дети становятся более раскованными. Но там есть ловушка, она состоит в том, что дети попадают в стаю себе

подобных, и да, раскрепощаются внешне, но не образуются и не развиваются. Потому что невозможно развиваться, общаясь с тем, кто по развитию не превосходит тебя.

Хороший детский дом, а такие явления в природе существуют, порой делает какие-то различия и вовсе незаметными, но на первый взгляд. И мы говорим сейчас только о том, что мы вовремя успели, что наши дети еще не осознали себя «ничьими навечно», что они не прошли «точку невозвращения». При очень хорошем стечении обстоятельств такие «уставшие ждать» дети, в конце концов, могут зачислить нас в число более или менее близких им людей, но не более того. И нам не стоит надолго откладывать наше решение, пока они еще не выросли, пока они верят в то, что мамы и папы и для них найдутся, что они еще могут быть любимыми сыновьями и дочерьми для нас, взрослых людей.

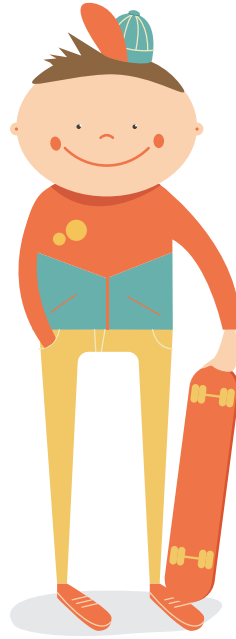
А если говорить о взаимоотношениях с администрацией школ и детских садов, то, беря под опеку ребенка, мне кажется правильным познакомиться с руководителями всех учебных или детских заведений, которые наш ребенок будет посещать. Надо поговорить с педагогами и воспитателями и обозначить нашу твердую позицию, например: коллектив детей о факте внезапного появления ребенка в семье знать не должен. В преобладающем большинстве случаев все так и будет, и я не только на своем опыте сталкивалась с этим вопросом.

Очень часто дети, да что дети, даже мы, взрослые, не заметим, что кто-то среди нас «другой», пока нас не ткнут носом. Скажи заранее: «Придет Другой», и люди начнут искать, за что бы им зацепиться. Так же и дети. Скорее всего, они не заметят того, что нам с вами может показаться вопиющей отличительной чертой. А доверительные отношения с учителями и воспитателями помогут нам быстрее выявить те черты, которыми нужно заняться в первую очередь, и постараться поскорее скорректировать их.

Признаюсь, что поначалу я была готова и к «военным действиям», предполагая, что кто-то из воспитателей или учителей

может не пожелать взаимодействовать со мной. К счастью, ничего подобного не понадобилось, но рычаги воздействия на подобных людей существуют, и это тоже знать надо. «В семье не без урода», поэтому шанс повстречаться с кем-то, в этом плане неадекватным, у нас остается. Но все-таки, этот шанс невелик. И лучше с самого начала показать педагогам, что мы заинтересованы в их помощи и поддержке. Тем более что люди склонны помогать в хорошем деле и обижаться, если их считают непричастными или неспособными к тому, чтобы понять наши добрые побуждения и шаги.

Мне кажется, что проблема вживания в коллектив «непохожего» ребенка существует в большей степени в нашем воображении, чем на деле. Даже если мы просто переедем в другой район, и нашему ребенку нужно будет идти в новую школу, он и тогда будет нуждаться в нашей поддержке. Нам надо просто быть рядом с нашим ребенком, чтобы помочь ему принять окружающий мир. Именно ему. И мир тогда его обязательно примет.

Глава 18.
ВДРУГ ОН СТАНЕТ ВОРОВАТЬ

Однажды я зашла в комнату и увидела, как один из моих сыновей роется в моей сумочке. Заметив меня, он быстро засунул в нее кошелек, который явно пытался открыть, глаза его забегали, руки он убрал за спину... Но это длилось не больше полминуты.

Я вышла и прикрыла за собой дверь.

Вспомнила себя маленькую.

Однажды я натаскала пяточков из кармана пальто маминной подруги. Мы с соседской девочкой играли в коридоре коммуналки, именно там было мое «место», там «жили» мои куклы, а у кукол была больница и школа. Пальто нашей гостьи я задела случайно, пяточки брякнули, я сунула руку в чужой карман и обнаружила, что пятаков этих множество. Мы с соседской девочкой решили, что вполне можно забрать часть. И забрали.

Наши куклы теперь ходили еще и в магазин, приносили мамам молоко и хлеб. А потом, когда мы наигрались, сунули пятаки куда-то, не особенно заботясь об их судьбе. Было нам тогда лет шесть-семь.

Кража вскрылась быстро, пятаков тогда мы натаскали рубля на полтора, и по тем временам это были деньги. Мамы не оказалось, а бабушка взяла меня за руку и повела к маминой подруге.

Мы шли молча. Я ползла за бабушкой, словно я — сумка на кривых колесах, да и она относилась ко мне именно так, как к сумке, знаете, есть такие, их старики возят за собой. Вот так и моя бабушка меня не замечала, просто тащила следом, шла и чему-то своему улыбалась.

В подъезде дома маминой подруги я остановилась и уперлась как, осел. Бабушка не смогла заставить меня пойти и признаться. Тогда она оставила меня в подъезде и ушла одна. А я осталась стоять.

Время тянулось бесконечно долго. Кажется, уже стемнело. Входили и выходили какие-то люди, а я все стояла, сначала плакала, потом плакать перестала, потом плакала снова. Когда бабушка наконец появилась, я скрыла слезы и чувствовала в тот момент только одно: ненавижу! Это слово я повторяла себе, когда бабушка меня тащила обратно — также молча, также безлико, — и я снова была сумкой на кривых колесах. Я была чем угодно, только не проштрафившимся ребенком, испуганным, пристыженным, потерянным, но и оскорбленным и разгневанным равнодушием и жестокостью близкого человека.

Бабушка, конечно, преподала мне урок. Я не получила никакой поддержки, меня лишили чувства принадлежности, оставили ничьей, меня бросили, почти забыли. Меня игнорировали, мне отказали в праве быть.

С благодарностью к бабушке, которая частенько учила меня тому, как делать не следует, я вспомнила эту историю, закрыв дверь, за которой остался мой перепуганный сын.

Мне понадобилось несколько минут, прежде чем я вернулась. Сын сидел за столом спиной ко мне, делал вид, что читает. Я подошла к нему, обняла, села рядом. Рассказала эту историю. Сказала о том, как мне было ужасно плохо и стыдно тогда. Как одиноко, страшно мне было. Промолчала только, что в тот день во мне не осталось ничего, кроме нелюбви... Этого ему знать не следовало.

Еще я ему сказала, что очень его люблю. Что он чудесный. Что с детьми порой такое бывает. И что он обязательно поймет, как гадко потом на душе, если что-то подобное совершишь, и больше такого он делать, конечно, не станет.

И, знаете что? Он, в самом деле, все понял и больше так делать не стал. Это его мама в своем далеком детстве еще пару раз пробовала утащить что-то, чтобы окончательно убедиться, что так мерзко себя чувствовать она больше не согласна.

Отношение к чужим вещам тоже важно. Я сталкивалась с тем, как негодуют родители, если узнают вдруг, что их ребенок что-то стащил из дома. Но те же взрослые люди совершенно не реагируют, видя, что в доме появилась незнакомая игрушка, что-то, чего тут раньше не было.

Мы возражаем, всего невозможно упомянуть! Сейчас у детей такое количество игрушек, что не пересчитать. И если дети меняются между собой, то в этом тоже нет ничего плохого. Ну, отдал он что-то свое взамен другого. Разве это принципиально?

Я всегда считала, что да. И те случаи детского воровства, которые мне известны, почти никогда не начинались с домашней кражи. «Репетиции» случались значительно раньше, и именно тогда, когда ребенок приносил вдруг домой игрушку, которой у него раньше не было. Но этого никто не замечал.

Если мы заметили, что у ребенка в руках что-то, о чем мы не помним, откуда оно взялось, как реагировать?

Прежде всего, «включиться», обновить наши связи с ребенком, доброжелательно настроиться на него. Послушайте, хорошие садоводы, даже прежде чем полить цветы, убедятся, что земля нуждается во влаге. А тут человек, нам надо настроиться на него! Эта пауза «перезагрузки», как правило, действительно необходима, потому что эмоции куда торопливее, чем обстоятельный здравый смысл. Поэтому нам нужно в коротком тайм-ауте вспомнить о наших главных ценностях, а именно, о нашей любви. Затем спросить, следя за реакцией, что это у ребенка такое. Посетовать, что мы этой вещи не помним. Определить по реакции ребенка, говорит ли он правду, — это же по силам нам всем, и если нам действительно до нашего ребенка есть дело, то интуиция не сможет нас обмануть.

Если ребенок убеждает нас, что вещь подарена кем-то из родственников или знакомых, ни в коем случае не стоит подвергать это сомнению вслух. Лучше позадавать наводящие вопросы таким тоном, чтобы ребенок не заметил подвоха. Если он устойчив в своей версии, отложить разговор и постараться выяснить, в самом ли деле указанный родственник такой подарок делал. При этом на всякий случай заручиться словом взрослого человека, что этот разговор окажется между вами. Потому что нет хуже беды, чем быть обвиненным в том, чего не совершал. А «ляпнуть не со зла», о, это может почти каждый.

Бывали случаи, когда принесенная вещь, о которой родитель спрашивал, после расспросов бесследно исчезала. Дети избавлялись от нее, а мы, родители, тем самым оказывались избавленными от возможности что-либо прояснить. Поэтому действовать тут надо быстро, но ни в коем случае своей поспешности ребенку не показывать.

Случаются, и довольно часто, ситуации, когда ребенок утверждает, что он чем-то поменялся с другом. Дети и в самом деле меняются. Но, к сожалению, это не всегда происходит честно, не всегда бескорыстно, и не всегда мирно заканчивается.

Поэтому, возможно, тут же стоит рассказать ребенку какую-то историю. Например, когда два мальчика поменялись игрушками, но потом

папа одного из них, узнав, что игрушки нет, а вместо нее другая, решил, что его сына обворовали, и очень сильно другого мальчика ругал.

Можно привести пример несколько иной, материального окраса — в зависимости от возраста ребенка и ценностной ориентации семьи. Одна игрушка стоит дорого, другая дешево. Родители потратили деньги на дорогую игрушку для своего ребенка и, увидев вместо нее дешевую, решили, что их ребенок намеренно обманут.

В любом случае, и это мое убеждение, ни в коем случае не следует оставлять эти происшествия без внимания. Мы всегда думаем о наших детях, что «с ними такого не случится». И пусть не случится! Но пока подобное происходит с другими, лучше проявить повышенное внимание.

Однажды семилетней девочкой я пришла к своей однокласснице в гости. У девочки, к которой я пришла, только что вернулся из командировки папа и привез ей в подарок целый выводок кукол-пупсиков. Их было, как я сейчас думаю, не меньше дюжины, а тогда, в дефиците игрушек, я просто поняла, что их ужасно много.

Мне очень захотелось такую же куколку! Так сильно захотелось, что я потихоньку запрятала одну себе под платье, твердо веря, что Мариночка, так звали мою одноклассницу, ничего не заметит, да и зачем ей одной столько! Я притащила куклу домой, залезла под стол, занавесилась тряпкой и стала с упоением там играть, и это был второй случай в моей жизни, когда я позарилась на чужое.

А вечером мама позвала меня купаться.

Я была уверена, что не сделала ничего плохого. И поэтому в ванну залезла со своей добычей.

— *А это откуда?* — спросила мама грозно...

В общем, я чуть не утопилась. От стыда, который запоздало меня накрыл, от маминых причитаний: «Моя дочь воровка! Как это могло

случиться!» От ужаса, что я такая плохая. И от чудовищного страха перед предстоящим. Потому что мама сказала мне тоном, не допускающим не только возражений, но и мысли о возможности ее не послушаться: «Завтра отнесешь обратно и вернешь. Ты меня поняла?»

Мариночка жила в подвале нашего двора. Назавтра я подошла к окну ее кухни и попросила соседей позвать Мариночку. Девочка пришла и смотрела на меня снизу вверх, подвал был довольно глубокий. Я попросила ее подняться, встать на табуретку, сказала, что мне нужно что-то ей дать. Но Мариночка почему-то запрямылась: «Не полезу, или подойди к двери, или давай так».

Мне было стыдно и страшно. Душевных сил, отваги, чтобы спуститься по лестнице в подвал и, глядя в глаза, в сделанном признаться, мне не хватало. Я еще раз попросила Мариночку встать на табурет. И, услышав отказ, в отчаянии с размаха бросила куклу в форточку кухни...

Кукла разбилась. Рыдая, я бросилась бежать. А осколки, разбросанные по полу — крохотные ручки и ножки — остались в моей памяти красной лампочкой сигнала о том, что с моими детьми такого произойти не должно, — никогда.

К сожалению для нас, взрослых, я могу сказать, что преобладающее большинство детского воровства наблюдала в тех семьях, где, с тем или иным успехом, ребенок исполнял роль пусть не бесплатного, но приложения к жизни семьи. Порой досадного, порой, престижного, но в любом случае чего-то, что могло бы идти себе параллельным курсом, усваивая родительские ценности, если они родителями превозносятся, а то и закрывая на них глаза, если родители делают именно так. Пусть бы ребенок рос сам по себе, это было бы куда удобнее для всех, — порой может показаться, что отношение некоторых родителей к детям именно таково.

К счастью для нас, взрослых, скажу все же, что повсеместно встречаю все большую заинтересованность родителей в своих детях. Поэтому нам с вами особенно нечего опасаться, раз мы

намерены осознанно относиться к тому, что составляет внутренний мир наших детей, выверяя шаги нашей любви.

Ведь это ужасно, когда ребенок мешает. Когда от него с досадой отмахиваются. Когда он все время в пути следования не к нам, а от нас. К компьютеру, к мультфильмам, на улицу, куда-то, где он либо сольется с происходящим, либо вызовет чей-то интерес. Да, когда ребенок мешает, это ужасно.

Но оказывается еще ужасней, когда он не мешает, потому что его просто не замечают. Именно тогда он приложение для нас. И именно тогда, ощущая свою ненужность и отсутствие интереса к себе, как к личности, ребенок и направляется куда-то, где острые ощущения заменят ему работу по «перевариванию» пищи из духовных и нравственных ценностей, которыми мы призваны своих детей напитать.

Отношение к чужим вещам, а также отношение к пропаже вещи мне кажется правильным формировать. Потому что за этим стоят куда более важные категории, такие как справедливость, объективность, самокритичность, аккуратность, наблюдательность, память.

Кому не знакома ситуация, когда у ребенка что-то пропало в школе?

— *Мама, у меня... Я... Мне...*

Ребенок рыдает, вытирает нос, трет глаза.

— *Что случилось?*

Мама, которая только что вернулась домой, поспешно раздевается, успокаивает ребенка, помогает ему умыться, сначала ни о чем не расспрашивает. Ждет, пока утихнут слезы.

— *Что ты опять рыдаешь?* — спешит на помощь бабушка. — *Уже ведь и не плакал, играл, а вот опять.*

Мама кивает бабушке, в этой семье царит взаимопонимание. Бабушка незаметно прячется за дверь, но оттуда слушает.

— *Что случилось, милый?*

— *У меня телефон украли!* — ребенок продолжает сопеть и тереть глаза.

— *Телефон? А как это было?* — мама спрашивает участливо, слушает очень внимательно.

Ребенок сбивчиво рассказывает, как на первом уроке телефона был, потом физкультура, потом большая перемена, а после третьего урока оказалось, что телефона в портфеле нет.

— *Ты видел, как его кто-то у тебя брал?* — вопрос мамы звучит доброжелательно, голос доверительный. — *Ты это видел? Или, что он оказался у кого-то потом?*

— *Нет, я не видел! Но ведь телефона же нет! Значит, украли, я знаю, украли!*

— *Послушай меня внимательно.* — Мама встает со стула, на котором сидела, и садится снова — на корточки перед ребенком. — Однажды у меня пропал завтрак. Ну, завтрак, который бабушка давала мне с собой в школу, когда я была маленькой. Как ты. На перемене я собралась поесть, открыла портфель, а завтрака нет. Но я же знаю, что он у меня в портфеле должен быть! И я стала кричать, чтобы дети отдали мне мой завтрак.

— *И что?* — мальчик смотрит внимательно и, в общем, доверчиво. До этого оснований не верить маме у него не было.

— *И что.* — Мама выдерживает небольшую паузу. — *Ребята смеялись надо мной. Я злилась и плакала. А дома оказалось, что завтрак в этот день бабушка мне не положила. Никогда не забывала, а тут... Ты не представляешь, как мне было стыдно. Да к тому же, бабушка велела мне извиниться перед ребятами. Я же обвинила их в воровстве.*

И мне было в два раза стыднее. Но извиниться пришлось, иначе я была бы трусиха, и тогда не смогла бы себя уважать.

— *И ребята что?* — мальчик, кажется, больше не помнит о телефоне.

— *Ребята меня простили. Ты не сделал в классе как я? Никого не обвинил?*

— *Нет, я думал, они все равно не скажут,* — ребенок вешает нос.

— *Я очень рада!* — мама обнимает сына. — *Я очень рада за тебя, правда. Ты молодец, что не возвел на людей напраслину. Хоть от неожиданности и подумал ее. И теперь ты запомнишь, что никогда нельзя обвинить человека, если ты не видел своими глазами, как он делает плохо. Правда? К сожалению, это может быть, что твой телефон кто-то взял. Но может быть, ты сам его сунул куда-то. Или обронил. Нельзя просто так обвинять людей.*

— *И как же теперь телефон?* — ребенок усиленно думает.

— Предположим, телефон ты посеял. Сам. Ты же часто забываешь застегнуть портфель. Тогда ты можешь спросить у ребят, не видел ли кто-то его случайно. Но больше ты не можешь ничего. И даже если кто-то его утащил, мы не можем никого обвинить. И потом, все-таки, вещи не главное. Главное, чтобы нам не было стыдно за себя. Да?

— *Да,* — ребенок кивает со вздохом.

Бабушка выглядывает из-за косяка двери и качает головой. Мама снова кивает ей. Они с сыном уже идут в комнату.

— *А я совсем забыла историю с бутербродом,* — шепчет бабушка маме, когда та проходит мимо, обнимая сына.

Такая простая ситуация. Но ребенок может вынести из нее немало. И каждая мысль или каждое ощущение, которые его посетят, ценны не менее остальных:

- мама не ругает за пропажу телефона;
- мама не ищет виноватых;
- нельзя обвинять людей в том, чего ты о них точно не знаешь;
- конечно, надо быть внимательнее самому;
- вещи — это не главное.

И случившееся не означает, что мама не может пойти к преподавателю и поговорить с ним о пропаже или же попросить детей поискать, вдруг кто-нибудь телефон найдет? Мама помнит случаи, когда кто-то тащил чужую вещь без намерений, в игре, а потом ему становилось стыдно. И, если его не ругали, он эту вещь возвращал. Мама также может посоветовать сыну спросить одноклассников словно невзначай, не видел кто-нибудь его телефона. И если ответом будет «нет», а так и будет, скорее всего, то сказать: «Наверное, потерял». Вряд ли от этого телефон вернется к владельцу. Но если его кто-то взял, скорее всего, ему станет стыдно.

Если мы заинтересованы в наших детях, мы готовы обсуждать с ними все до мелочей. Если наши дети постоянно чувствуют, что они нам нужны, они не совершат многих ошибок. Но они должны быть нужны нам именно как люди, как личности. А не как биологические объекты, которые надо накормить, вылечить, чему-то выучить, и пусть они не отсвечивают.

Глава 19.

ТАЛАНТ

Может ли быть наш новый ребенок талантливym? Да, талант не зависит ни от питания, ни от гигиены. И от воспитания не зависит, есть он или же его нет. Существуют исследования, из которых следует, что талантам свойственно происходить от талантов. Но, в то же время, количество поколений в цепочке таких исследований невелико. А что было раньше — неизвестно. Зато на слуху расхожая фраза о том, что на детях гениев природа отдыхает. Мне же на ум приходит не что иное, как сама земля в ее плодородных фазах. Может остановиться плодоносить земля, может, напротив, получив передышку, принести отличный урожай. Так и наш новый ребенок вполне может оказаться талантливым, почему бы и нет?

Пока он еще маленький, способностей можно и не разглядеть. Может быть, наш ребенок будет отличаться от других особой чувствительностью, если его способности творческие. Или в нем проявится смесь бойцовских качеств и упрямства, если он спортивен. И мы, конечно, не спутаем силу воли со стремлением ребенка во всем настоять на своем. Это только два примера, их может быть много. Пока же нам следует напомнить себе, что чем более равномерно распределены в нас наши человеческие качества, тем более мы устойчивы. Тем более сформирован у нас «центр тяжести». Именно о нем, обеспечивающем равновесие личности центре тяжести, нам и следует позаботиться.

Талантливые дети представляются мне куда более уязвимыми в сравнении с детьми, в которых нет ярко выраженных творческих способностей. Для себя я предполагаю, что повышенная способность к творчеству у большинства людей существует за счет уменьшения каких-то других, порой жизненно-важных человеческих или «выживательных» свойств. Поэтому так часто мы видим нервных, истеричных, обруженных неудачами или невостребованностью, погруженных в несчастливость или озлобленных несостоявшихся

поэтов, писателей, живописцев, танцоров, вольно или невольно играющих роли жертв, обвиняющих в своих неудачах всех и вся.

И ладно бы только это. Самое грустное, на мой взгляд, что эти люди довольно часто не умеют никак иначе себя проявить. Непризнание социумом их творчества или проигрыш в конкурентной борьбе делает их недееспособными, буквально, ломает. Если эти люди сформировались вне способности видеть и ценить жизнь в богатстве ее возможностей, вне способности и другие свои качества проявлять, скорее всего, им ничего не останется, как превратиться в глубоко несчастных, а порой и асоциальных людей.

И все-таки, неправильным было бы в этой теме ограничиться творчеством. А потрясающая память? А способность замечать мелочи? А оригинальное мышление? — редкие качества, не всегда присущие даже взрослым людям, которые я наблюдала у совсем маленьких детей. Разве это не таланты? По-моему, безусловно, да. И мы понимаем с вами, что все эти свойства могут быть у детей с неудачным началом жизни. Правда, возможно, таланты эти предстанут перед нами слегка видоизмененными, в некотором смысле запрятанными, из-за отсутствия возможности в покое их проявлять.

Но врун и прогульщик чуть позже возьмет да и обернется сочинителем прекрасных сценариев для детских спектаклей. Ребенок, которого дразнили «тормозом», окажется способным, медленно обрабатывая информацию, усваивать ее крепко-накрепко. Разрушитель чужих построек после отработки агрессии вдруг предъявит нам конструкции, придуманные им самим. «Человек рассеянный» неожиданно начнет писать стихи...

Я помню, как в детском доме наблюдала, затаив дыхание, за девочкой, которая, закрыв глаза, тихо раскачивалась под музыку Шопена. У девочки этой был абсолютный слух...

И вот, мы можем видеть, как родители, обнаружив в детях какое-то, выходящее за привычные рамки свойство, бросаются «реализовывать» его в ущерб всем остальным качествам именно Человека.

Забывая в это время о тех параметрах личности, из которых складывается ее устойчивость, способность выигрывать без самоослепления, а также проигрывать без ощущения тупика, без надрыва и без обрушения самооценки.

Самыми «опасными», с точки зрения формирования выживательной способности человека в собственном ребенке, представляются мне родители, ориентированные на бизнес или славу. Лозунги о зарабатывании денег, о способности и необходимости «подняться» и быть первыми (в разных формулировках) настолько проводят ребенка «по трупам» ценностей человеческих, насколько уродуют его самого.

Что бы я, однако, на эту тему не думала, каждый из нас свои ведущие ценности определяет для себя сам. И именно их, как закон и порядок, он и проводит в жизнь, своего ребенка воспитывая. И если для кого-то материальные ценности главенствуют, я никоим образом не собираюсь этого осуждать. Но не высказать своих предположений о том, чем рискуют такие родители в судьбах своих детей, да и в своих судьбах тоже, не могу и не считаю себя вправе. «Бизнес-подход» я вижу тем более опасным для ребенка, чем более ярко выражен в нем талант.

Мне кажется, что для того, чтобы наш необычный ребенок вырос жизнеспособным и мог реализовывать свой талант зрело, нам нужно, прежде всего, озаботиться тем, чтобы сформировать в нем гармоничного человека. Талантливому, вибрирующему ребенку просто необходимо придать добавочной устойчивости, выводя для него на первый план истинные человеческие качества, ответственно возводя несущие стены его личной конструкции, чтобы она выстаивала даже в обстоятельствах форс-мажора, от которых никто не застрахован.

Любой талант требует огромного напряжения сил и стайерского усердия. Дети еще не способны к длительным перегонам без риска сорвать нервную систему, а те из них, чья жизнь с самого начала сложилась не очень удачно, подавно. И может быть стоит тогда,

даже в ущерб таланту, заняться укреплением ребенка, развитием его силы воли, воспитанием основных человеческих ценностей в нем, чтобы зародить правильную мотивацию к победе.

Не «ты должен быть первым», а «как же это здорово — стремиться к новым рекордам».

Не «ты должен обставить их всех», а «вот оно, настоящее счастье, становиться все более умелым с каждым днем».

Не «тогда у тебя будет много денег, и ты сможешь позволить себе все», а «тогда тебе никогда не придется скучать, потому что ты научишься владеть мастерством, а это великий дар».

При таком подходе у нас появляется намного больше шансов увидеть нашего ребенка устойчивым и успешным, да что там, просто здоровым, а не истеричным или склонным к саморазрушению чадом, которого любой щелчок по носу сбивает с ног, когда мы можем только сострадать ему и бесконечно переживать за него.

Да, в таком случае наша жизнь именно в страдание и превращается. И в постоянный страх за то, что если что-то «пойдет не так», наше сокровище «удара не переживет».

Именно отсюда и начинается кропотливая работа некоторых родителей по планомерному и методичному формированию из своего талантливого ребенка нежизнеспособного человека, разрушающего все, к чему он прикоснется.

Разрушающего, чтобы устоять.

Они и так ранимы, они и так сверхчувствительны, они и так «в группе риска» со своим дарованием перед этим миром и людьми. Поэтому, чем более ярко выражен в нашем ребенке талант, тем более правильным мне кажется развивать в его характере дополнительные качества, которые смогут уравновесить его выдающуюся черту.

«Ничего, он сумеет побеждать и так, пусть только учится, пусть добивается, тут нужно всего себя положить, победы он сможет добиться, и я сделаю для этого все!» — вот что можно услышать в противовес. На это можно возразить следующее:

— любое «я», которое искренне собирается «сделать все», — не вечно.

— если мы и имеем право «положить» кого-то за любую идею, то только самих себя.

— конечно, может он всего добиться, может победить. Но наполнит ли его победа? Не сорвет ли ему «крышу»? Сделает ли счастливым?

Я убеждена в том, что счастливым себя более или менее длительно может чувствовать только гармоничный человек, развитый всесторонне и без надрыва, и под «всесторонностью» тут я подразумеваю не энциклопедические знания, а именно категории человечности.

В ребенке с ярко выраженным стремлением к физической борьбе я бы формировала понятия чести, милосердия, железного соблюдения правил в борьбе, а не самоценности выигрыша. Обобщенно, эти качества можно было бы назвать антижестокостью. Как бы ни пахнуло на нас сейчас прошлым веком, это было бы не «выиграть любой ценой», а «бороться честно, и пусть победит сильнейший»:

— Главное, это уметь, награда — не цель. На любого сильного найдется кто-то сильнее. Зато я смотрю на тебя и знаю, что если ты вдруг увидишь несправедливость, то сможешь вступить за обиженного. Вот что главное для меня.

И конечно, не следует после тренировки говорить взмыленному ребенку, что теперь он сможет положить на лопатки всех без разбора.

Ребенка творческого, будь среди его увлечений музыка или живопись, я бы отвлекала на рассуждения о взаимоотношениях

людей, о том, насколько по-разному мы способны воспринимать мир. А в плане творчества делала бы акцент не столько на качестве работ ребенка, особенно пока он формируется и растет, а, скорее, на причастности:

— Как же мне хорошо на душе, когда я вижу тебя с инструментом в руках!

И, конечно, не стоит, пробегая мимо играющего на музыкальном инструменте ребенка, скептически бросить: «Как ты звучишь?»

Куда полезней для его души, а, в конечном счете, и для музыки тоже, увидеть мечтательное выражение нашего лица, заметить паузу в нашем беге: мы остановились, чтобы его послушать, чтобы полюбоваться на него за игрой...Пусть он встретит наш задумчивый взгляд. Покачаем медленно головой. Скажем: «Я так люблю тебя...Я сейчас люблюсь тобой!»

— Знаешь, ты когда стоишь у мольберта, у тебя такое лицо... Как будто ты — волшебник, ведь ты сейчас творишь что-то, чего раньше никогда не было...

Но, конечно же, не стоит, походя, бросать замечания об измазанной одежде или запачканном носе. Лучше спросить что-то совсем непонятное, но к процессу творчества подходящее, сделав попытку тем самым попасть с ребенком в унисон. Потому что ничего более иррационального, чем феномен творчества, по большому счету не существует.

— Ты стоишь, рисуешь... Ты чувствуешь пол под ногами? Ну, ты чувствуешь, что ты стоишь на земле?

И встретить недоумевающий, а может быть, изумленный взгляд.

— Понимаешь, ты как будто немного не на полу. Это удивительно! Когда человек рисует, когда он пишет картину, даже пусть только эскиз, набросок, он, наверное, по-другому чувствует мир! И сам не

замечает этого, может быть. Я иногда думаю, знаешь, о чем? Когда мир закончится, все перестанет быть. А пока мы живы, невидимый художник все пишет свою картину...

Не думайте, что ребенку нужны только наши понятные слова и наши логичные речи. Это совсем не так! Лучшим подтверждением того, что все окружающее имеет какой-то смысл, для него может оказаться такая вот наша восторженная бессмыслица. Но мы конечно не забудем о чувстве меры, которые важно соблюдать всегда, а в этих моментах особенно.

В ребенке-поэте я постаралась бы заложить мысли о том, что именно человек хочет сказать людям, и в данном случае особенно озаботилась бы именно категориями ответственности за сказанное слово... Помните, сколько стихотворных строчек начинается с «я»? Как часто за умельцами подбирать рифмы мы можем видеть ту или иную форму нарциссизма, творящего от собственной пустоты...

Ребенок рифмует, и вот, мы уже бросились поднимать его на стол для прочтения строчек перед гостями. Ему больше не надо строить себя. Достаточно продолжать рифмовать. И он рифмует, пока растет. А подрастает и выясняется, что никому его стихи не нужны.

Поэтому с рифмующим детенышем я бы говорила совсем о другом, перенаправляя цели, расширяя кругозор. Но прежде всего, я бы читала ему стихи великих поэтов. По мере доступности их содержания. И, что не менее важно, переводила бы интерес к его собственной персоне на интерес к окружающей жизни и людям в ней.

Следующие примеры я привожу не ради бескорыстия и альтруизма, хотя никто не докажет мне, что эти качества плохи. А именно для уравновешивания ребенка. В качестве создания дополнительных опор.

— А ты бы согласился написать стихи и отставить в школьной газете, словно они не твои? Чтобы никто не знал, кто их автор?

— *Тут вот конкурс объявили за призы. А давай напишем стихи и, если победим, отдадим приз той больной девочке, о которой вчера читали?*

Для того чтобы стихосложение не взялось править моим ребенком, я бы, возможно, дала ему эквивалент проявления ритмов — хотя бы какое-то время посвятила обучению классическим танцам или умению слушать музыку. Потому что первое, что, мне кажется, должен сделать родитель творческого ребенка, это позаботиться о его гармоничном развитии, заботясь о создании противовеса тому, к чему ребенок склонен.

Если к таланту нашего ребенка относятся невиданные щедрость и доброта, я бы учила его играть в шахматы, просчитывать ходы с тем, чтобы дать человеку возможность понимать, как именно нужно помогать людям, чтобы не развращать и не отягощать их своей помощью. Чтобы, позволяя своему таланту исходить из себя, не разрушать окружающее и себя, а творить добро.

Сверхчувствительного ребенка, который вполне может вырасти потом в человека с необъяснимыми с точки зрения физического мира качествами видения и восприятия, я бы настойчиво закаляла. В бережной форме я бы знакомила его с тем, от чего горе-родители стараются своих детей уберечь: с жестокостью, увечьями, с раздорами и методами борьбы с этими видами зла. Ведь если наши дети попали к нам крохами и не помнят того, как началась их жизнь, с жестокостью они все равно непременно столкнутся, хотя бы в компьютерном мире. Только вот способов борьбы со злом им этот мир не преподаст.

Именно сверхчувствительного ребенка я бы от внешнего мира не закрывала, наоборот, аккуратно и поступательно обнажая и предъявляя его возможные горести, показывала бы методы борьбы с ними.

Ребенка с уникальной памятью я вообще не стала бы ориентировать на что-то специальное, а постаралась бы максимально ровней

его воспитывать и образовывать, чтобы не дать человеку «улететь» в запоминания бесполезной информации, которую некуда приложить. Я бы старалась показать ему весь посильный спектр приложений человеческих способностей и давала бы возможность созреть для собственного выбора пути.

К сожалению, некоторые родители, играя в своего ребенка как в игрушку, тратят его силы и время на ненужные запоминания, чтобы потом с гордостью продемонстрировать это родственникам и друзьям. Всем нам хорошо бы было подумать чуть глубже, чем об удовольствии от этих милых встреч.

Ребенка, склонного погружаться в вычисления, тяготеющего к точным наукам, я увлекала бы в гуманитарные сферы, делая акценты на человеческих чувствах и их проявлениях. Помните, как принято говорить о программистах? Они-де неспособны к созданию семейной жизни. Но не ради именно семейной жизни, сколь ценной она бы мне ни представлялась, я бы стала отвлекать такого ребенка от погружения в схемы. А ради наполнения его жизни разными и порой взаимоисключающими интересами, привлекая его внимание и включая его в реальную жизнь.

Я убеждена, что такой подход даже не отсрочил бы состоятельности любого из подобных детей, а если и отсрочил бы, то ненадолго. Но дал бы нам возможность сформировать богатую и устойчивую личность, как готовое к плодоношению дерево с крепким стволом. А не как тонкоствольное изогнутое деревце, если и способное напитать полноценно свои плоды, то никак не выжить под их весом.

Конечно, пока наш ребенок растет и занимается разными вещами, я бы стремилась к тому, чтобы, начиная обучаться чему-то одному, ребенок это завершал. Я делала бы это исключительно из стремления научить ребенка доводить начатое до конца, но не надрывала бы его непосильным грузом задач и наших проблем, которые, в общем, никакого отношения к самому ребенку не имеют. В наших силах, уняв свое честолюбие, несколько ослабить вожжи

и дать возможность маленькому человеку получать удовольствие от процесса обучения, не сгибая его мерками социума, которые мы сами взяли за ориентир. «Дайте детству созреть в детстве», — говорил Жан-Жак Руссо.

Действительно, дать ребенку возможность созреть в равновесии и гармонии — это может быть ключевыми словами. Воспитать достоинство и научить проигрывать. Развить дополнительные возможности самореализации. А для самих себя, чтобы не попасться в ловушку амбиций, выбрать осознанно, что же для нас в воспитании нашего потомства главное.

Глава 20.
ДУРНАЯ КРОВЬ

Мальчик на рынке уговаривал маму купить живую рыбу, плавающую в аквариуме. Мама отказывалась покупать, объясняя, что не сможет рыбу убить.

— А если ее покупать не для еды, — рассуждала мама дальше, — то не получится тоже. Рыбе нужен простор, чтобы плавать.

Выслушав аргументы мамы, шестилетний мальчик спокойно объяснил, что имел в виду именно убить рыбу, а потом съесть. Очень заинтересованный, он принялся уговаривать маму, при этом громко, на всю очередь описывал, как надо взять нож и отрезать рыбе голову, чем привел маму в настоящее смятение. Мама пыталась увести мальчика от аквариума, но он сопротивлялся, просил и приговаривал: «Это же рыба, ее едят!»

Мама, которая наверняка ела рыбу и прежде, сейчас об этом даже не вспомнила. Перепуганная кровавыми фантазиями сына, в растерянности она увела его домой. Но приключение на этом не кончилось.

Дома мальчик уселся рисовать что-то непонятное, а на вопрос, что на рисунке, ответил, что это механизм для убийства рыбы. Пока мама пыталась скрыть ужас, мальчик подробно рассказал ей о том же отрезании головы, только посредством механизма, изображенного на рисунке. Маме едва не стало дурно, ребенок же чувствовал себя совершенно спокойно. Он увлекся идеей убийства рыбы и ее приготовления, а теперь изо всех сил старался показать маме способ, при помощи которого это можно осуществить.

Делясь со мной этой историей, мама подчеркивала, что мальчик, о котором шла речь, обычно очень чувствительный и внимательный, и что он может даже подойти и положить руку туда, где у мамы болит, когда она едва пожаловалась на боль.

Этой историей во время проведения семинара я поделилась со слушателями.

Надо сказать, что участники встречи насторожились. Рыба, об убийстве которой ребенок мечтал, сумела придать негативный оттенок даже заботливой руке мальчика, приложенной, например, к маминому синяку.

- *Скорее всего, тут что-то не так*, — сказал один.
- *А кем были родители мальчика?* — спросил другой.
- *Ребенок перенес в детстве травму?* — предположил третий.

И что же показывает эта реакция?

Первое, что приходит на ум замещающим родителям, это все же та самая пресловутая наследственность, «плохие гены», «дурная кровь». Но, пришлось разочаровать своих слушателей мне, мальчик этот рос вполне благополучным и любимым, причем рос он в своей кровной семье. И мы развели руками, потому что «попались», ведь, в самом деле, при наступлении чего-то непривычного, мы сразу схватились за соломинку штампа.

Но если это не дурная кровь, что же это такое?

Талант!

Это вполне мог быть талант, и встретить мы могли его у любого ребенка, вне зависимости от того, кем он рожден.

Я думаю, стоит попытаться, видя, как наш ребенок необычным образом проявляет себя, не проецировать на эти действия наши личные эмоции, страхи или социальные штампы, а представить себе, где же то качество, которое ребенок демонстрирует, может быть применено. Ведь нам известно, что и у медали две стороны. Значит, нам надо найти не изнаночную, теневую, а самую что ни на есть солнечную сторону нашей «медали». В чем же в истории с рыбой она может состоять?

Например, в занятиях медициной.

Возможно, с таким мальчиком стоит попробовать сводить разговоры именно к этим темам — ботаника, зоология, биология, химия, без которых в медицинский вуз не поступить. Найти кружок по профилю. Рассказывать о работе хирургов. Показывать энциклопедии, но дозированно. Говорить, что с такой добротой и с таким хладнокровием как у него, он сможет стать прекрасным хирургом и спасти жизни многим людям.

Главное! Никакого подчеркивания жестокости! Нам следует даже с лица эмоции убрать, еще не хватало скорбеть по рыбе. Нужно все переводить в позитив, в данном случае, на помощь и на осознание в себе этой черты — доброты, возможности и стремления помочь. А также хладнокровия, выдержки, умения владеть собой.

Конечно, если мы тоже, вместе с этой мамой, представив кончину рыбы на гильотине, пережили неприятные ощущения, то нас можно понять. С одной стороны, тут наш страх перед убийством живого существа, большего, чем комар, а значит, способного заглянуть нам в глаза. С другой стороны, возможно, у нас присутствует брезгливость или мы испытываем физиологическое отвращение

при виде крови, пусть даже это кровь рыбы. С третьей стороны, общественное мнение, которое, и надо это признать, часто на нас влияет. Ведь окружающие люди на рынке следили за диалогом и еще комментировали его!

Но эти факторы показывают нам, что все, способное определить нашу реакцию на подобное поведение ребенка, к самому ребенку отношения не имеет!

Потому что:

- ни о каком убийстве малыш и не помышлял
- совершенно очевидно, что кровь и прочие подробности анатомического устройства живого существа в ужас мальчика не повергали
- «общество», так любящее выражать мнение, несмотря на перманентную нужду в медицинской помощи и, реагируя в данный момент на конкретное поведение ребенка, не предполагало, что перед ним, возможно, будущий блестящий хирург.

Почему хирург?

- ребенок подходит и заботливо прикладывает руку к месту, которое болит у мамы (чувствительность определенной направленности, так делают единицы детей). Очень похоже, что перед нами именно врачеватель.
- ребенок отстраненно и без эмоций рассуждает о том, как отъединить голову рыбы от нее же, т.е. мысленно он именно оперирует, каким бы странным нам это предположение ни казалось.
- ребенок проявляет постоянный интерес к врачеванию, имеет дома «чемоданчик врача» и в доктора играет.

Этого вполне хватает, чтобы предположить вероятность призвания. Но этого же, безусловно, недостаточно для его реализации. И я самым серьезным образом посоветовала бы родителям такого ребенка придать его способностям правильное направление. Уравновесить и развить, как можно уравновесить и развить любую дру-

гую способность, трансформируя ее во что-то нужное и позитивное, во что-то, что в последующем сможет определить судьбу человека. И нашу с вами родительскую судьбу.

Другой чувствительный ребенок до слез сочувствовал животным и отказывался есть мясо. Он обставлял это идеологически, рассказывал истории о «бедных коровках и свинках» и стыдил всех, кто их не жалел. Но он же был способен впадать в истерики и даже разыгрывать их специально, ведя себя жестоко по отношению к членам семьи, в частности, к тем, кто слабее его. Это всегда происходило громко, напоказ, при этом ребенок избегал встретиться взглядом с кем-либо, но исподтишка наблюдал за остальными.

Вместе с родителями мы решили постараться и внимательнее посмотреть на то, как реагирует ребенок на разные наши фразы, чтобы точнее определить границу, до которой его переживания реальны, но после которой начинается притворство и неосознанная спекуляция. Варианты фраз были приблизительно такими:

— Люди решили для себя, что они хотят есть мясо и птицу, и они все равно это будут делать. Если ты не будешь есть мясо, меньше убивать животных люди не станут.

— Пока ты растешь, ты можешь быть спокойным абсолютно, потому что ешь то, что тебе дают. Ты же себе не готовишь сам. А потом, когда станешь большим, решишь, стоит ли тебе мясо есть.

— Мальчикам без мяса трудно вырасти здоровыми и сильными.

— Мясо нужно для правильного формирования мозга.

— А если бы мы оказались на необитаемом острове, и больше ничего было бы кушать? Что бы мы стали делать тогда?

Подробности тут не важны, задача — допустить мысль и посмотреть на реакцию. Было бы неплохо затеять игру в необитаемый остров, не связывая ее заранее с проблемой, чтобы посмотреть, в каком направлении развернутся фантазии ребенка. Нам необходимо было правильно понять, что двигало человеком, чтобы знать, как вести себя дальше. Из этих реплик ребенок отозвался на ту, что о силе. Слабым вырастать он не хотел.

Неодновременно произносилось:

— А что ты мог бы сделать, чтобы помочь животным, которых любишь?

Последний вопрос ответа «не есть их» не подразумевал, убитых этим не оживишь. Но реплика хороша тем, что переключает внимание с эмоции на действие. Именно на действие и стоит переключать детей, которые придумывают себе подобного вида маски. А для подтверждения любви и заботы к животным можно взять какой-нибудь клуб натуралистов.

— Надо подумать, чем мы сможем помочь животным. Ты как считаешь?

И снова оказались не при чем генетика и наследственность. Изобретательный ребенок попросту требовал повышенного внимания, вот и придумывал небылицы. Дети часто делают это, чтобы мы повернулись к ним лицом и отвлеклись от своих важных дел, в которых детям места нет, даже если эти дела делаются ради детей.

Ребенок моих знакомых еще маленьким очень сердился при возникновении одной и той же ситуации в магазине, и эта ситуация чуть не стала кнопкой реагирования для него. Расплачиваясь с продавцом и слыша сумму с небольшими рублями, мама всегда задавала вопрос, нужна ли продавцу «мелочь», удобнее ли ему будет дать ей сдачу, если она его от необходимости считать монеты избавит. Звучало это всегда примерно так:

—*Пятнадцать рублей дать?*
—*Полтинник нужен?*

Сначала мама не обратила внимания на то, как напрягается ее ребенок при подобном эпизоде. И правда, часто ли, открывая кошелек, мы думаем о том, о чем в это время размышляют дети, которых мы держим за руки? В конце концов, не выдержав, мальчик сердито спросил маму, зачем она так говорит.

Ребенок маленький, объяснить ему принцип «сдачи» мама не взялась и ограничилась отмашкой: «Так удобнее всем».

Ответы подобного рода не удовлетворяют наших детей. И отмашку дети ощущают всегда, если им чего-то не объяснили. Мне это представляется в образе старых счет. Помните, как выглядели в прошлом веке счеты? И вот, я просто вижу, как в сознании маленького человека отлетают вбок, одна за другой, косточки на счетах при каждом неотвеченном нами вопросе.

Мы можем представить, как будет переходить количество вопросов в качество нежелания их задавать, а значит, общаться с нами, если мы не потрудимся не оставлять без ответа ни одного вопроса нашего ребенка.

Ребенок моих друзей еще какое-то время гневался. Он даже дергал маму за верхнюю одежду всякий раз, когда она снова предлагала мелочь при расчете с продавцами. Дома же он все свои вещи, особенно ценные для него мелкие предметы, раскладывал по отдельным коробочкам, обожал «рюкзачки» и «сундучки» и вообще демонстрировал любовь к системе и порядку в делах.

В один из дней я вместе с его мамой зашла в магазин и увидела, как ребенок, тогда ему было чуть больше четырех лет, недовольно хмурился и дергал маму, пока она расплачивалась за покупку. Я спросила, чем малыш недоволен, и услышала от мамы, что это ерунда, просто ему почему-то не нравится, когда она предлагает продавцу мелочь, чтобы самой не набирать монет и облегчить расчет.

Дома, заручившись согласием мамы, я подозвала ребенка и спросила его, хочет ли он, чтобы я объяснила ему, что делает в магазине мама с деньгами.

— *Ничего он не понимает,* — прокомментировала мама, — *я показывала ему деньги и объясняла.*

Это вечная ошибка родителей, говорить в присутствии ребенка нелестные слова о нем, словно самого ребенка рядом нет. Мне было жаль, что мальчик все слышал.

Прежде чем начать объяснять, я уточнила еще раз, хочет ли малыш поиграть со мной в деньги. Получив согласие, я попросила его запомнить «одну вещь».

— *Все большое состоит из малого,* — сказала ему я, а потом нарезала пять квадратов из плотной бумаги, а один из квадратов — на неравные части. И еще взяла один самый большой квадрат — почти в страницу размером.

— *Смотри, вот это — наши рубли,* — я положила квадраты перед мальчиком. — *А это наши копейки,* — и я показала ему нарезанные части. — *Большое состоит из малого, да? Вот в этом большом квадрате у нас десять рублей помещаются. Все наши рубли состоят из копеек, даже если мы их не порежем на части* (тут я соединила «пазлы»). *И если наше яблоко стоит один рубль* (и я взяла один квадрат) *и десять копеек* (я взяла маленькую часть разрезанного квадрата), *то мы и заплатить должны столько же.*

А теперь представь, что мы пришли в магазин, а у нас только вот эта большая денежка — десять рублей (бумажка для наглядности разлинована на десять квадратов). *Нам надо купить одно яблоко, но у нас вот таких денег* (показываю на маленькие квадраты) *с собой нет. Зато есть несколько копеек.*

Тут я попросила ребенка принести что-то, куда мы можем положить наши деньги, «как будто это кошелек». Мальчик принес «сумочку», что-то, похожее на планшет в классическом пони-

мании этого слова. Этот игровой элемент ребенка не отвлек, как могло показаться, а наоборот, внимание усилил, потому что человек включил в игру что-то свое, т.е., он стал сознательным участником этой игры. Это принцип общего языка, о котором я говорила выше, он срабатывает всегда. Таким образом, наше занятие уже стало «своим» для ребенка.

Мы положили в «кошелек» «рубль с копейками» и «пошли в магазин».

— Теперь смотри, — сказала я ему, когда мы «пришли». Большое состоит из малого, да? Наша денежка большая, и мы можем дать ее продавцу в обмен на яблоко. Но тогда продавец даст нам обратно много мелких денег, наш кошелек станет тяжелым и неудобным. Поэтому, мы сейчас сделаем хорошо и себе, и продавцу.

Яблоко стоит один рубль и десять копеек. Это значит, что если мы продавцу не поможем, он даст нам рубли и много копеек, вот сколько (тут я показываю остальные нарезанные части квадрата). И мы даем продавцу нашу большую денежку — десять рублей и наши десять копеек. Теперь ему не надо брать один рубль частями. Мы же помним, что большое состоит из малого? И каждый рубль состоит из копеек. Нам с продавцом обоим удобней, если он мне даст, а я получу только рубли. Я их и сложу аккуратно, и не будет у меня столько мелких денег, которые потом неудобно считать. А продавцу будет, чем давать сдачу.

Пока я рассказывала это, я внимательно за ребенком смотрела. Он слушал напряженно, не отвлекался. Напомнив ему еще раз, что большое состоит из малого, я предложила поиграть в эту игру снова, только пусть яблоко стоит теперь один рубль и сорок копеек.

Мальчик снова дал продавцу большой квадрат, но на этот раз часть из разрезанного квадрата покрупнее, чем в первый раз, и получил сдачу целыми квадратами. Напомню, что я не ставила целью научить ребенка считать. Я хотела ответить на его вопрос. Может показаться, что это вопреки логике, но ребенок успокоился

и понял ровно столько, чтобы впредь при подобных ситуациях своей ущербности не ощущать.

Последнюю фразу я хочу подчеркнуть. Потому что это именно то самое, что неосознанно чувствуют наши дети, если мы не находим в себе ресурсов для ответов на их вопросы! Да что дети, даже мы, взрослые, если нами пренебрегают!

Неуместность свою. Ущербность.

Относительно детей не хочется думать о том, как это страшно.

К счастью, мама этого ребенка вопросов о наследственности не задавала. Позже она рассказывала, что мальчик сделал себе еще «денег» и разложил их по сундучкам, в магазин потом играл с завидным постоянством, а слова «большое состоит из малого» при случае повторял.

Думаю, для нас с вами подобных проявлений было бы достаточно, чтобы предположить в нашем ребенке будущего экономиста и сделать сознательные попытки в направлении того, чтобы наше предположение подтвердить или опровергнуть.

Позже, когда мальчик учился в старших классах, его родители вместе с ним пришли к нам в гости. Мальчик прошел по квартире и вынул из розеток все зарядные устройства. На наш изумленный вопрос, зачем он это делает, парнишка ответил, что, даже не подключенные к телефонам и компьютерам, минимум электроэнергии зарядные устройства все-таки потребляют. К сожалению, в этот момент со стороны его родных была отпущена шутовская реплика о крохоборстве, такая неудачная шутка. Мы же постарались неловкость сгладить и одобрить поступок нашего гостя.

Мне кажется, этот пример вполне указывает на то, что некая специфика мышления у данного мальчика присутствовала. Помню, я подумала тогда, что он еще молод, и что ему пока не поздно сделать шаг в сторону экономики. И тут, как мы понимаем, дело не

в достижениях, а в том, что заниматься «своим делом» — всегда счастье для человека.

Кажется, с этими примерами нам стало понятней, как направлять свое собственное внимание, если ребенок вдруг проявляет себя с неожиданной стороны. То, что представляется опасным на первый взгляд, может быть совершенно безобидным, а какая-то нелепость оказаться знаком серьезного увлечения. Нам всем нужно более внимательно относиться к тому, что интересует наших детей.

К сожалению, мы порой настолько расплывчато настроены сами, что не вполне отдаем себе отчет о примере, который показываем нашим детям, и не всегда способны без запинки наши ценности назвать. Если мы не рассказали сами себе честно, кто мы такие, что считаем в этой жизни важным и чего от нее хотим, жизнь может преподнести нам сюрприз в качестве неожиданного выбора наших детей.

Следующий пример скорее подошел бы к предыдущей главе, где мы говорили о способностях и талантах. Впрочем, все это очень близко — особенности, странности и предпочтения. Но если бы в этой истории речь шла о ребенке приемном, скорее всего, мы снова услышали бы что-то о генах и «дурной» крови. Только оснований под этим опять никаких бы не оказалось.

У ребенка, о котором я хочу рассказать, наблюдалась некоторая склонность к замкнутости. Мальчик мог часами играть один, при этом игры у него были разнообразными: он то рисовал, то строил, то что-то лепил, и все это выходило у него особенным, не по возрасту мастерским.

Родители мальчика пребывали в трепетном восторге перед своим ребенком, они, казалось, даже дышать боялись, когда он часами творил.

Я же испытывала тревогу, наблюдая за этим.

Мне казалось, что ребенка нужно отрывать от его занятий, не давать ему подолгу оставаться один на один с миром, который он создает. В те годы я еще не могла обосновать своей тревоги, но она не оставляла меня. Мальчик в ту пору довольно охотно отвлекался, когда я звала его попрыгать и побегать. Однако родители мальчика моей тревоги не разделяли, и просили, чтобы я ребенка от его занятий не отвлекала.

Мальчик начал учиться, и буквально сразу же стало видно, что ни на чем, приходящем «извне», он сосредоточиться не может. Его потрясающая работоспособность, когда он сам определял для себя, что ему делать, не отвлекаясь при этом на общение с другими людьми, не учитывая ничьих пожеланий и никаких правил, буквально рассыпалась в песок, как только появилась необходимость общаться и правила соблюдать.

Попытки перевести ребенка на домашнее обучение тоже ничего не дали, мальчик по-прежнему не желал заниматься ничем, кроме того, что ему нравилось. А поскольку родители, обмирая от таланта сына, шли во всем у него на поводу и тем самым свой родительский авторитет утратили, то и тут ничего сделать они не смогли.

Еще через некоторое время с той же погруженностью в себя мальчик стал уходить из дома и пропадать надолго. При этом поначалу он ни к каким компаниям не примыкал, и продолжал оставаться сосредоточенным на своем внутреннем мире. Такое нежелательное для нас общение с «самостоятельными» подростками могло бы на первых этапах этих гуляний вне дома сослужить хорошую службу, включив ребенка во что-то внешнее. Конечно, тогда потребовались бы немедленные и мощные реакции родителей, но шанс, что ребенок к тому моменту очнется, все же оставался. Однако тогда этого не произошло, а когда случилось, родители оказались бессильны.

Эта история хорошо не кончилась. Мы можем возразить, что с ребенком было «что-то не так», что родителям следовало обратиться к врачу.

Обращались к врачам родители позже. Но время было упущено. Я же предполагаю, что если бы такому ребенку не давали в раннем детстве так глубоко погружаться в свой вымышленный мир, в котором он столь талантливо творил, история могла бы иметь более жизненный финал. Если бы родители мальчика отвлекали, пусть даже в ущерб творчеству, на другие важные, уравновешивающие, более приземленные аспекты жизни, и, конечно, если бы не роняли родительского авторитета, возможно, все сложилось бы иначе. Пусть не блестяще в социальном плане, но хотя бы адекватно.

Доказать этого, к сожалению, невозможно. Но похожие по разной степени трагичности случаи в моем окружении были, и там, где природный родительский инстинкт оказывался достаточно сильным, родители искусственно отрывали ребенка от погружения в себя и «переводили стрелки» его внимания на внешний мир. Во всех случаях такого контроля со стороны родителей, не склонных перед талантом падать ниц, ребенок выигрывал хотя бы в плане социальной адаптации. Что, согласитесь, немало.

Поэтому в определенных случаях, подходя к вопросу чисто интуитивно, я предпочла бы встать на пути такого таланта, который уводит ребенка из реальности, как бы оригинален и силен ни был этот талант.

Нам всем необходимо осознавать, что наш образ жизни влияет на наших детей, и что только большое дарование будет выпирать, маленькие же склонны прятаться. Но их некрупность не означает, что они не вырастут и не станут весомыми, если им правильно помочь. И самое главное — уже сказанное: не должно быть перекосов в развитии, если мы хотим, чтобы наши дети могли не только реализовывать свои способности на земле, но еще и крепко, обеими ногами на ней стоять. Нам надо постараться расширять кругозор нашего ребенка тем настойчивей, чем более «выпирает» его особенность, не забывая эту особенность подчеркивать в позитивных тонах.

Как бы ни казалась нам заманчивой «звездная» судьба нашего талантливого или очень способного ребенка, хорошо бы нам не

приносить его в жертву своим амбициям, а вместо этого обуздать свое тщеславие и постараться вырастить здорового и устойчивого человека, который непременно найдет способ, не надрывая себя, свой талант реализовать. «Одна из грубейших ошибок — считать, что педагогика является наукой о ребенке, а не о человеке», — говорил выдающийся польский педагог, писатель, врач и общественный деятель Я. Корчак. И это тот самый случай, когда мне кажется правильным поработать с педагогом, воспитателем и родителем, то есть, с самим собой. Сначала устойчивость и морально-нравственные ценности, а потом уже все остальное.

Но ведь бывает и наоборот. Ребенок ничего не умеет и ничему не хочет учиться. Что же тогда?

Глава 21.

КАК ПРИВИТЬ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ НАВЫКИ

Начну с того, что приведу примеры нескольких непохожих детей из многодетных семей, где были как приемные дети, так и кровные. Рассмотрим их поведение, реакций и то, как вели себя родители в каждом случае.

Первый ребенок рассеянный, отсутствующий, неизвестно где мысленно пребывающий. Его было просто не дозваться. Глаза загорались тогда, когда ребенок задумывал шалость или что-то более серьезное. Этот ребенок любил влиять на других детей семьи и наблюдать результаты, если дети поссорились или обиделись друг на друга. А во всем остальном маленький человек оставался практически к жизни безучастным. Как лежат вещи, о чем говорят вокруг и «по ком звонит колокол» — все это никакой ценности не имело и любопытства не вызывало. Основные действия ребенок совершал механически и через пять минут не помнил, чем занимался только что.

Мы ничего не сможем добиться от маленького человека, если не завладеем его вниманием, не привлечем ребенка к себе. Это касается всех детей без исключения и практически всех ситуаций, в которые дети вовлечены. Но если ребенок устойчиво находится в зависимости от нас, если мы авторитетны для ребенка и если мы включены взаимно, то от нас требуется меньше усилий. Для сравнения можно взять машину древнюю, которую только надо завести, или же уже идущую в хорошем режиме по трассе новую. Согласимся, что разница в управлении огромна.

Мама включала ребёнка, не давая ему погружаться в себя. Тормозила физически, поворачивала к себе, заглядывала в глаза. И все это только для того, чтобы передать какую-то маленькую, незначительную весть. Например:

— Не вытирай руки серединой полотенца, серединка все время мокрая. Посмотри, по краям столько сухого!

В этой многодетной семье полотенце для рук мама меняла два-три раза в день. Потому что дети затирали середину, превращали ее в непросыхающую тряпку. И мама пыталась показать каждому ребёнку другие участки полотенца, куда более подходящие и приятные для того, чтобы вытереть руки.

Но ведь это такая малость, — может сказать кто-то. Или же наоборот: вот это да, никогда бы не подумал, что даже на такое надо обращать внимание! А внимание надо обращать решительно на все. Чтобы выводить на осознанный план наше существование здесь и сейчас. Тогда любые навыки будут прививаться легче. Или просто будут прививаться хоть как-то. Потому что порой задача привить навык может казаться невыполнимой.

Мама брала руку ребенка и прикладывала к сухой ткани. Снимала полотенце с вешалки и прикладывала к щеке ребенка сухой участок, а потом мокрый, их меняя. Это сопровождалось улыбками, шутками, даже легкими щипками, то есть, своего рода заигрываниями. Мама приглашала ребенка в игру, потому что в игре все усваивается намного проще. Ведь в игре нет насилия и нет драмы. И мама говорила, переставляя слова, при этом наблюдала, на какое именно словосочетание ребенок отзовется. Чтобы потом повторять именно это. Ведь в большинстве случаев человек протягивает руки к полотенцу, не думая, и вытирает их, не отдавая себе в этом отчета.

Надо сказать, ребенок с удовольствием играл. И при маме, когда она делала акцент, вытирал руки о сухую часть полотенца. Но без нее все повторялось, и руки «вытирались», оставаясь мокрыми.

Тогда мама решила найти отрицательную ассоциацию на мокрое и холодное, вслед за чем выработать рефлекс. Первым, что пришло в голову, была лягушка. Но это не сработало, лягушка отрицательных эмоций не вызывала. Зато их вызвала мышь. И теперь, когда ребенок касался мокрой середины полотенца, мама говорила: «мышь!» и сама отдергивала руки.

Это сработало. И, конечно, мы понимаем, что не только способ вытирания рук тут был важен, хотя и он тоже не бессмысленное дело. Маме нужно было добиться взаимодействия. Ей и самой было приятно найти неожиданное решение задачи и нравилось, что ребенок был этим удивлен. Кроме того, теперь маме стало проще уговорить ребенка на другие интересные эксперименты. Таким образом, полотенце, с которого все началось, оказалось на непочетном четвертом месте!

Через несколько дней мама застала ребенка, произнесшего «Мышь!» и вслед за этим начавшего вытирать руки о сухую часть полотенца. После этого мама попросила ребенка помочь ей переучить остальных детей, которые в этой семье были младше. Ребенок, получив возможность «оседлать своего конька», с удовольствием включился в процесс, и вскоре полотенце в ванной могло прожить до стирки уже не полдня, а день, что было большой победой.

Факт того, что игра или выработка новой ассоциации обучает куда успешнее, чем нотация, неоспорим. Знаменитый английский нейробиолог и нейропсихолог Крис Фрит в своей книге «Мозг и душа» рассказывает, как «студенты Кембриджа выпуска 1968 года успешно заставили одного выдающегося нейрофизиолога читать лекцию, стоя у левого края подиума, тем, что начинали зевать и ронять карандаши, стоило ему переместиться вправо». Конечно, такое возможно, только если обучаемый не знает о нашей цели. И ничего плохого нет в том, чтобы использовать устройство нашего мозга в благих целях. Обучение вовсе не обязательно расшифровывать, иногда даже лучше вообще не делать этого, передавая информацию в виде игры, и радоваться от закрепления полезных навыков, которые в первую очередь облегчат жизнь самому ребенку. И, конечно же, родителям, нам.

Второй ребенок никак не мог усвоить, как собирать портфель. Оставались забытыми то дневник, то тетрадь, то физкультурная форма. Приучить человека проверять по дневнику, все ли в портфеле, первое время маме не удавалось. Тогда она решила помо-

гать. То есть, присутствовать при каждом сборе портфеля. Столько, сколько потребуется, пока не разовьется навык.

Мама договорилась с ребенком о том, что портфель они проверят вместе. В течение года. Во время договора мама несколько раз напоминала, что если ребенок собрал портфель сам, а мама при этом не присутствовала, то портфель пересматривается снова. Это было условие договора, и остальные дети семьи при договоре присутствовали.

Это одна из многочисленных ситуаций, когда наличие других детей — очень большое благо.

Дальше события развивались так. Ребенок, поиграв с мамой в игру «собираем портфель вместе», быстро усвоил, что согласившись на договор, лишил себя разнообразных возможностей от делания домашнего задания увильнуть. И он начал саботировать договор.

Но мама была к этому готова. Снова и снова, изо дня в день она появлялась на пороге комнаты вечером и, похвалив ребенка за то, что тот портфель уже собрал, просила его сдержать слово. Однажды она даже предложила ребенку начертить календарь и вычеркивать дни («Как солдат в армии», — сказала она) до тех пор, пока срок их договора не истечет. Календарь был нарисован, но ребенок продолжал бузить и возражать. Его не ругали, всей семьей настаивали, делали это, скорее, весело. Раздражения не допускалось, критики тоже.

— *Ты просто держишь свое слово*, — так самым благожелательным тоном говорили ребенку.

Он присутствовал при каждой переборке портфеля. Отлынивать ему не удавалось.

Через год этот ребенок и сам понимал, что больше «просто забыть форму» или не записать задание ему не удастся. В целом,

случались, конечно, еще подобные огрехи. Но качество учебы за год повысилось. Хочу заметить только, что на фоне попыток саботажа мама ни разу не ответила ребенку тем же. Именно мамой за год не было пропущено «ни одного портфеля».

Третий ребенок был неоригинален, он плохо писал. Писал он настолько ужасно, что его тетради оказывались нечитабельными. Этот ребенок чуть младше «мальчика с портфелем», его мама попросила делать уроки с ней вместе. Так же как и в предыдущем примере, мама договорилась, что будет рядом, привела какие-то аргументы, почему это будет лучше для всех, как то:

— зато тебе не придется переписывать по несколько раз (потому что это случалось);

— зато мы сможем рассчитать наше время и будем точно знать, сколько у нас его осталось, чтобы поиграть;

— зато ты скоро будешь так хорошо писать сам, и у тебя это будет получаться так ловко, что уроки станут делаться в два раза быстрее.

Конечно, как это и бывает, все договоры скоро поблекли. Когда мама стала раз за разом высаживаться рядом с ребенком и чуть ли не рукой его водить, он попробовал сопротивляться. Но мама держалась. Она шутила. Она уговаривала. Она давала передышки. Короче, она старалась, чтобы у ребенка не было однообразия и негативных эмоций. Нервная система этого ребенка, его характер, все говорило о том, что малыша стоит побережь. Поэтому его стимулировали держать слово на разные лады. Писать аккуратно этот ребенок учился тоже год. Потом пошло проще. Он мог еще изобразить каракули. Но мог написать и красиво. Прежде это было невозможно.

Четвертый ребенок из той же семьи, что и предыдущий. Это большая приемная семья. Ребенок учился музыке. И именно у преподавателя музыки мама и позаимствовала подход из предыдущего примера. Потому что когда-то, когда ребенок изъявил жела-

ние музыкой заниматься, мама поговорила с этим преподавателем, и он-то как раз и сказал, что главное, чтобы у ребенка не возникало негативных эмоций.

— *Не хочет, пусть не играет!* — так сказал педагог. — *Но вы должны присутствовать на всех занятиях, мама. И во время приготовления домашнего задания сидеть рядом.*

И мама сидела рядом. Эта мама немного в музыке понимала и могла отличить фальшь от чистого звука. И она говорила изредка: «Может быть, мне показалось, что ты фальшивишь?» Ребенок тут же «вставал на дыбы». И мама успокаивала его.

— *Хорошо, ты не играй, прервись, отдохни. Ты главное не огорчайся. Ну, подумаешь, ну фальшивишь. И что с того?*

Упрямое дитя тут же начинало переигрывать упражнение.

Конечно, может прозвучать возражение, что другого только отпусти. Но я привожу конкретные примеры. С этим ребенком навыки отработывали на позитиве и методом «от противного».

Родителям этой семьи понадобилось немало терпения. Навык переигрывать упражнения до тех пор, пока фальши не останется, нарабатывался, пока ребенок не окончил музыкальную школу. При этом ребенок не перенапрягался и не чувствовал насилия, ведь играть его никто не заставлял. Теперь это уже взрослый человек, но он не оставил музыки. Играет он для себя и близких, и это очень большая радость.

Пятый ребенок ни одной вещи не укладывал на место. Все швырялось, бросалось, запихивалось. Мятое надевалось на себя. При этом если перед зеркалом оказывалось вдруг, что вещь не просто мятая, а еще и надета задом наперед, то срываться она могла так яростно, что рвалась по швам. Мама этого ребенка хотела привить ему навык беречь вещи. Хотя бы немного беречь. Чтобы просто не оставаться раздетым.

И, также как в предыдущих примерах, мама учитывала индивидуальные особенности ребенка. А были они таковы, что до тех пор, пока оставался выбор, ребенок этот предпочитал не делать вообще ничего. Не убирать брошенное, не поднимать уроненное, не разровнять мятое, не зашивать рваное. И с этим ребенком маме пришлось поступать весьма конкретно.

— Я думаю, вещи, которые бросаются на пол, и по которым можно ходить ногами, не могут быть тебе нужны, — сказала однажды эта мама ребенку. — Поэтому если я увижу, что одежда валяется на полу, я выброшу ее в мусоропровод.

И мама убедилась, что ребенок ее услышал, причем сделала это миролюбиво. Это не была сцена или ссора. Предупреждение и правда прозвучало мягко, даже вопрошающе. Ребенок этому предупреждению не поверил.

Драма разыгралась на следующий день, когда в мусоропровод были отправлены любимые джинсы ребенка. И кто-то может посчитать эту меру недопустимой. Для этой же мамы была и оставалась недопустимой неряшливость, неаккуратность по отношению к себе и к дому, а значит, ко всем, кто в нем живет. Поэтому тут еще важно вспомнить о порядке и законе в семье. Если все разбрасывать — правило у самой мамы, то не возникнет, я думаю, конфликта на почве неубранных вещей у дочери или сына. Во всяком случае, права на объявление конфликтной ситуации у такой мамы мы не найдем, и будем правы.

Потому что, и мы это помним, мы ничего не можем потребовать от ребенка сверх того, что делаем сами.

В данном случае со стороны мамы требования были правомочными.

Шестой ребенок грыз ногти. Мама, как и все мамы, сначала уговаривала его, пыталась отводить руки, мягкими движениями вынимать их из его рта, но это не помогало, потому что не помо-

гает никогда. Мама пробовала договориться с ребенком, чтобы он согласился истребить привычку сам. И однажды ребенок подставил пальцы для того, чтобы мама намазала их горькой жидкостью из аптеки. Не прижилось, руки довольно часто оказывались в воде, их можно было незаметно помыть, в общем, поняла мама, пока не подключится сознание, такой привычки ей не победить.

И она стала размышлять над тем, где именно у этого ребенка зоны особых интересов, чем его можно замотивировать, чтобы пальцы во рту оказались несовместимыми с этим мотивом.

Дорогу осилит идущий, и такой интерес нашелся. Этот ребенок очень любил играть в шпионов. И, заинтересовав его одной из книг, а потом другой, мама обронила как-то, что, будь у героя книги особые приметы, ему бы своих врагов не победить. Но у этого героя особых примет не было!

Несколько примеров, намеков, с явным нежеланием указание: ну вот хоть пальцы твои во рту... Мама даже глаза отвела, казалось, так неловко ей было. Эффект превзошел самые смелые ожидания! Все обдумав, ребенок сам попросил ее намазать ему пальцы. И перестал мыть руки каждые полчаса.

Седьмой ребенок безостановочно ел. Ребенок ел до тех пор, пока ему не становилось плохо. Стоило отвлечься, зазеваться кому-то из старших, и ребенок снова наедался до колик. Не действовали и не могли подействовать на этого ребенка никакие объяснения и уговоры. Потому что этот ребенок помнил голод.

Интересно, что тут снова вопрос решили «совместным творчеством». Мама просто не отпускала этого ребенка от себя. Дома она постоянно держала его в поле зрения. В школе он объедаться не мог. Сложнее было у родственников и в гостях, где ребенка жалели, когда мама пыталась ограничить его аппетит. Но с родственниками поговорили, в некоторые «гости» ходить перестали. Ребенку при каждой сервировке стола рассказывали о том, как красиво может быть подано блюдо, как хорошо жевать медленно и чувствовать

вкус... Беспольные речи, но им следовало звучать. Все это говорилось без ожиданий скорого результата, а для создания субстанции, в которой растет человек. Этого ребенка поначалу кормили чаще остальных детей. С ним также занимались по специальным методикам, представляя обжорство пластилиновым, рисуя его и даже находя на улице среди деревьев и домов, и придумывая о нем разные истории.

Конечно, тут вырабатывался не просто навык, не только умение красиво и сдержанно вести себя за столом. Отрабатывалась значительно более глубокая проблема, она сама по себе требовала терпения и времени. Эта проблема оставалась активной несколько лет. Но и она времени поддалась.

В каждом из приведённых примеров мы видим, что есть у нас два параметра, которые все истории объединяют:

— прежде чем приступать к выработке какого-либо навыка, хорошо бы напомнить себе о том, какие черты в характере ребенка могут нам дать возможность дополнительного воздействия на него;

— любой навык все равно вырабатывается долго, и без повторов мы обойтись не сможем.

Нам надо запастись терпением. И пока навык формируется, а это происходит очень медленно даже с теми, кто сознательно и самостоятельно стремится выработать его в себе, я предлагаю считать удачей, если ребенок соглашается что-либо «переделывать по сто раз». Соглашается, даже если это занятие ненавидит. Потому что далеко не каждый ребенок станет переписывать домашние задания, заново читать текст, перемывать тарелку или переделывать что-то еще.

Нам же и с закоренелыми «тяп-ляпщиками» приходится иметь дело. И порой они очень долго не соглашаются что-либо в своих привычках менять.

Чем старше ребенок, чем позднее он у нас появился, тем менее охотно он примет наши правила за свои. В этом случае нам нужно помнить, что главное — отношения, именно их мы не должны испортить, а, наоборот, с каждым случаем стараться доверие выращивать, коэффициент симпатии повышать. Потому что никакой отсутствующий в данный момент навык нам ничего в будущем нашего ребенка не отменяет и не гарантирует. Это только внешняя атрибутика, не более того.

Циолковский, например, был двоечником. Правда, всего-то оттого, что плохо слышал, но факт остается фактом, учился великий ученый плохо.

Или, например, Иосиф Бродский. Он был тунеядцем, задирой и хулиганом. Великим поэтом и лауреатом Нобелевской премии.

Думаю, если постараться, можно найти среди великих людей и обжор, и нерях, и «грызунов». Главное — помнить, что эти особенности поборимы. И, чаще всего, не судьбоносны. Они проходят нашим медленным и терпеливым трудом, нашими верными шагами, нашей самокритикой и самодисциплиной. Потому что в большинстве случаев, вспоминая о том, какой навык нами самими до сих пор так и не наработан, несмотря на всю его желательность, мы оживляем наше чувство юмора и хотя бы немного успокаиваемся относительно несовершенства своих детей.

Они такие разные, эти навыки. Например, как часто можно увидеть пару, в которой женщина плетется сзади, а мужчина бодро бежит впереди, словно он на улице один. Может быть, он невнимателен к своей женщине, будь то жена, будь то мать? Или же ему в голову не приходило, что оставлять женщину позади себя стоит только перед лицом опасности, но не на обычной дороге в мирное время? Оказывается, это тоже навык, и он тоже может быть воспитан в наших детях. И Аристотель, например, знал точно, когда родителю нужно начинать воспитывать навыки, говоря: «В деле воспитания развитие навыков должно предшествовать развитию ума».

— *Алешенька*, — заметила бабушка внуку по дороге домой, — *мужчина должен идти на полшага позади женщины, если они идут вместе. А вдруг женщина споткнется? Или ее кто-то случайно толкнет? Если ты будешь убежать вперед, ты можешь этого не заметить и не сумеешь вовремя прийти на помощь!*

— *Хорошо, бабуль!* — бодро согласился внук и с места в карьер продолжил бежать вперед. Он и не думал слушать бабушку, мало ли, что она говорит!

Воскресенье. В метро толкучки не было. Бабушка, посмотрев в удаляющуюся спину внука, развернулась и, крадучись, начала двигаться в противоположную сторону. Немногочисленные пешеходы приостанавливались, глядя на комичную походку бабушки, ведь она держала руки в стороны, топырила пальцы и того, что прячется, не скрывала. Кралась она неторопливо, чтобы внук ее крадущейся заметил. Эта бабушка всегда начинала обучение с игры, чем располагала к себе сначала своих детей, а вслед за ними и внуков.

Внук, тем временем, дошел до поворота к платформе, обернулся, но бабушку не обнаружил. Он бросился обратно: где же она? На его глазах бабушка, скрываясь за выступом стены, рассмеялась вслух:

— *Алешенька!*

— *Ну, бабуль, ты даешь!* — восхитился внук. Еще бы, ведь бабушка с ним играла прямо в метро! — *Ладно, я не буду убежать!*

И они вместе пошли к поезду.

На платформе поезда не было, но он тут же подошел. Прямо перед дверью вагона стоял полицейский, справа от двери тоненькая девчужка. Внук, обойдя представителя власти и даже не подумав пропустить девушку, вбежал в вагон первым, быстро сел сам и занял бабушке место.

Пассажиры входили в вагон. Но бабушка не спешила. Тот факт, что внук прошмыгнул мимо девушки, и что он опять убежал вперед,

подсказал ей, что делать дальше. Она просунула голову в дверь и ласково позвала:

— *Алешенька!*

Мальчик обернулся, и в этот миг двери вагона закрылись, чему бабушка даже не думала препятствовать.

Увидев эту картину, полицейский сделал шаг в сторону двери, чтобы нажать на кнопку и сообщить водителю, но бабушка отрицательно покачала ему головой из-за двери. Внук, вскочивший с места, смотрел на нее во все глаза.

— *Жди меня на следующей остановке,* — внятно произнесла бабушка.

И поезд ушел.

Еще до открытия дверей на следующей остановке бабушка увидела несколько вытянутое лицо внука, стоявшего на платформе. При виде бабушки мальчишка тут же расплылся в улыбке.

— *Ну, ты, бабуль!* — гордо оповестил внук, вбегая в вагон. — *Я даже испугался за тебя!*

— *Я понимаю,* — серьезно кивнула бабушка. — *Правда, мало ли что может со мной случиться? Но... как ты думаешь, почему это произошло?*

— *Потому что я опять удрал!* — внуку было очень весело, чрезвычайно! Но бабушку он теперь на всякий случай за локоть придерживал.

— *Точно!* — бабушка кивнула очень многозначительно. — *И от меня удрал, и девушку вперед не пропустил. Ты заметил?*

— *Я потом подумал, когда ехал,* — признался внук. — *Я понял, не буду. Правда.*

Бабушка снова кивнула и погладила внука по руке.

— А на эскалаторе как надо? — он вернулся к тому, о чем они уже недавно говорили, видимо, переосмысливая.

— На эскалаторе, — в который раз кивнула бабушка, — по-разному. Если он идет вверх, вперед пропускают того, кто слабее или младше. Чтобы слабый или маленький случайно не упал. Это может быть женщина, ребенок или пожилой человек. А если вниз, то наоборот, потому что опасность именно в том, что можно скатиться. Тогда сильный и отвечающий входит первым, протянув руку тому, кто слабее.

— А почему тогда ты сегодня первой вошла, когда мы спускались? — нахмурился мальчик. — Я же сильнее тебя!

— Ты же все время убегал, — бабушка погладила внука по спинке. — Значит, ты еще не готов отвечать за меня, ты еще такого решения не принял. А из этого следует, что пока отвечать за то, чтобы с нами все было в порядке, должна я.

— Понял. — Внук продолжал хмуриться. — А когда я смогу?

— Когда решишь, что ты взрослый, — бабушка обняла внука и поцеловала его.

Двенадцатилетний мальчишка потерял ежиком волос о щеку своей бабушки... Он принял какое-то важное решение в этот день.

Нам надо самим быть таким, каким мы ребенка учим стать. Мы должны быть мастерами своего дела, чтобы наши дети нам верили. «Бесцельно со стороны воспитателя говорить об обуздании страстей, если он дает волю какой-либо собственной страсти; и бесплодными будут его старания искоренить в своем воспитаннике порок или непристойную черту, которые он допускает в себя самом», — так рассуждал британский педагог и философ Д. Локк. И конечно, нашей главной опорой должна оставаться наша любовь. Чтобы мы могли всегда быть рядом, быть надежными. Чтобы он, ребенок наш, никогда не утратил в нас веру. И тогда из массы навыков и привычек, как из-под асфальтовой коры, проклюнется нам навстречу человек.

Главная наша драгоценность.

Глава 22.

ВЗЯТЬ РЕБЕНКА – ПОДРОСТКА

В детском доме, где я работала, мы, воспитатели, постоянно находились как будто на минном поле. Не знаю, как у других, но для меня не могло настать времени, когда я перестала бы обмирать при мысли о том, что выпало на долю того или иного ребенка. «Натирка мозолей» произошла ровно до того порога, с которого стало возможным выживание. Но острота не притупилась, и нюансы каждой судьбы меня всякий раз потрясали снова и снова, заставляя в совершенно непохожих жизненных историях узнавать закономерности человеческих судеб.

Парнишке, назовем его Сашей, было двенадцать лет, когда он попал в детский дом. В течение последнего года пред тем, как это случилось, он ухаживал за своей больной матерью один. Они жили в однокомнатной квартире. По всей вероятности, я просто сейчас этого не помню, мама мальчика пила, ведь что-то должно было привести ее в состояние гангрены ног, в котором она пребывала, и

из-за глубокой депрессии не обращалась к врачам. Это мог быть и сахарный диабет, который, в сочетании с депрессией, вполне был способен привести ее к тем же результатам.

Я помню, как потрясла меня мысль о том, что мальчик-подросток ухаживал один за лежачей матерью, пытался обрабатывать ее гноящиеся раны, выносил из-под нее судно, если это судно, в принципе, существовало.

В ту пору мой сын тоже уже вошел в подростковый возраст, и мне было невыносимым представлять, что должен переживать ребенок, оказавшись в такой ситуации один на один с болезнью матери, тогда как мать и не думала об ответственности, которую возложила на плечи ребенка. О том, что ребенок пережил с ее смертью. И как это может сказаться на его дальнейшей судьбе.

Он не мог ее спасти, как ни пытался.

Несколько дней после смерти матери Саша не выходил из квартиры, затем соседи его каким-то образом «вычислили», заявили в милицию...

Он сопротивлялся. Он не хотел расставаться с мамой, он не хотел уезжать из дома. Но тело забрали, и его увезли в приемник-распределитель.

А потом он предстал перед нами — ясноглазый, горящий, и, возможно ли это представить, адекватный. Живой.

Да, после смерти матери он не вызывал ни «Скорую», ни милицию, потому что боялся того, что его увезут в неизвестные места, ведь мама раньше говорила ему, что он может попасть в детский дом, раз родственников у них нет.

Да, он не хотел ее отдавать, потому что понимал, что больше не сможет ее увидеть, разве что в гробу, чтобы проститься, а это значит, в последний раз.

Да, он сопротивлялся органам опеки и попечительства, когда его выводили из квартиры, но это потому, что ему казалось, что он попал в кино, и все это не с ним.

Да, он и сейчас сбежал бы, если бы было куда. Но он понимал, кто квартира опечатана, больше ему идти некуда, скитаться с бомжами он не хотел, поэтому не сбежал.

Знаете, когда подросток шалит, саботажничает или даже крупнокалиберно хулиганит, это понятно. Тут мы, воспитатели, во всеоружии опыта и правил. Но когда вот так...

Получалось, что можно ничего не говорить и даже лучше не говорить. Выходило, что, может быть, правильнее сейчас не утешать, и непонятно было, надо ли утешать вообще. Мы выбрали поведение «как ни в чем не бывало», и от этого чувствовали себя скверно. Я вытерпела так несколько смен. А потом «заполучила» его себе: поехала по делам и попросила руководство отпустить его со мной. И уже вне детского дома, вне возможности встать и уйти (мы понимали, что с улицы он не уйдет), я решила, что теперь говорить можно, что ему придется слушать меня.

Я начала рассказывать ему о том, как умирала моя мама.

И как я была немного постарше, а по уму, так, наверное, такая же, как он, даже младше, потому что он — взрослый и умный, он вел себя, как мужчина, а я была глупой девчонкой. И как мне сказали, что она, мама моя, в больнице не по профилю, что больница туберкулезная, а у мамы рак, и что они не могут держать место, нам надо забрать ее. И как мы сразу не догадались забрать ее домой, я не догадалась, вот он бы, Саша, догадался бы наверняка, а я нет, не сумела, взрослые отговорили. И как ее решили в другую больницу перевести, стали поднимать, а ее непонятно чем рвать начало...

Я рассказывала ему эту историю тихо, без эмоций, но в подробностях, и чувствовала, как он сначала отодвигался, а потом, когда

я его похвалила, сравнив с собой бывшей, начал потихоньку разворачиваться. Сначала только ушами.

Еще не душой.

Я рассказывала, стараясь делать это страшнее, горестнее, а голос держала бесстрастным. Да, ее рвало непонятно чем. И это уже не была никакая не переваренная пища, даже не пища вообще. Как я тогда еще не знала, что если человека рвет чем-то, похожим на каловые массы, то этот человек, скорее всего, вот-вот умрет.

— Неужели никто из тех, кто был в ту пору рядом со мной, этого тоже не знал? Почему никто из взрослых мне не сказал? Получается, меня обманули? — я спрашивала у него, но не ждала ответа.

И продолжала рассказывать, как невыносимо трудно было ехать, как ужасно оказалось на новом месте, как стала мама просить меня забрать ее домой, и только потом, после ее слов, до меня дошло, что дом же у нас есть, забрать же маму можно...

— Ты представляешь? Я даже этого не понимала. Я только потом поняла, что тоже хотела бы ухаживать за ней сама. И смогла бы. Как ты.

Я рассказывала, как выгнали меня вечером врачи, а я пообещала маме приехать за ней утром пораньше, и приехала, и мешок с одеждой притащила, потому что была зима. Но я не успела. Минут на пять не успела. И стояла, как дура, или как мертвая, над ней мертвой, а потом куда-то шла непонятно зачем.

А вот он был рядом. Как же хорошо, что он был рядом.

А моя мама, она умирала одна. Совсем одна на этой земле.

А он такой молодец...

А я вела себя, как овца.

Он закричал в голос. Я, в общем, была готова, я этого ждала, я специально выжимала своим рассказом из него этот крик, эти слезы. Но он так страшно закричал, вернее, вскрикнул — хрипло, глотая звук, горлом, что я взмокла так, как со мной ни потом, ни до этого ни разу не случилось.

Он плакал, и я считала, что мне нужно плакать вместе с ним, так тогда мне казалось, но у меня не получалось. Я просто его держала, потому что он навалился на меня, крупный двенадцатилетний мальчик, и плакал навзрыд, благо мы оказались в «удачном» месте, нырнули в пустынный дворик старой Москвы. Если честно, я еле стояла, так тяжело он припал. И думала, что, вот, он плачет, и это хорошо, а я не могу, и это плохо. Потому что, если бы я заплакала, может быть, ему бы потом было не так стыдно, и еще может быть, он не стал бы так давить. В какой-то момент я даже перестала чувствовать время.

Когда, пряча глаза, он отстранился, а я одновременно чудом не упала в поисках своего центра тяжести, то сказала первое, что пришло в голову:

— *Мне один человек сказал, что нам повезло.*

— *Кому нам?* — он постарался сделать вид, что слез не было, и, поскольку продолжал на меня не смотреть, я могла прятать лицо, отирать его, и ему уже было не понять, плакала я или нет. Все-таки, слезы мои нас уравнивали в слабости, сейчас нам надо было быть этим «мы», даже кожей я это знала.

— *Тебе, мне. Таким как мы.* — Конечно, я свергла с пьедестала его трагедию, ведь пострадать исключительным образом, это бонус, потому что это действительно трагедия, а люди, как бы ни парадоксально, а может быть, и цинично это ни звучало, любят являться носителями исключительных трагедий. Вы замечали, как в доверительных беседах некто вдруг предъясвляет факт чего-то ужасного, пережитого им в прошлом, как козырную карту? И вот, я к нему примазалась, я поставила знак равенства, это было рискованно, потому что вдруг он исключительности все-таки желал? Но делать нечего, знаки уже были расставлены, и я добавила:

— Говорят, что чем позже это случается, тем человеку тяжелее. Потому что любовь к матери — это навсегда.

Мы шли молча обратно и изредка вздыхали. Минут через пятнадцать, я, как казалось, ни с того, ни с сего, вспомнила вдруг смешную историю из детства, как я обманула маму, прогуляла школу, а она догадалась сразу, а я была уверена, что это невозможно.

Я очень надеялась, но почти не верила в то, что он ответит тем же. Но это произошло. Он тоже вспомнил свою историю из времени, когда еще все у них «было нормально».

Я не задавала ни одного вопроса. Как на грех, все мои воспоминания куда-то исчезли, зато просто горстями посыпались истории из жизни друзей. И я рассказывала маленькие случаи — смешные и немного серьезные, приписывая их себе, скорее ни о чем, но с упоминанием: «А мама тогда»...

Мне кажется, в тот день я рассказала ему больше историй, чем вообще в моей жизни у меня с моей мамой было. И на каждую такую историю он ответил маленькой своей.

— Представляешь, меня трехлетнюю бабушка за ногу привязывала под дерево на даче, потому что я сбегала. А мама узнала и запретила.

— А я однажды развинтил паровозик. И испугался, что она меня будет ругать. А она не ругала совсем... А как это: за ногу привязывала?

— А как козу, — я не улыбалась совсем и не поворачивала головы в его сторону, ведь порой это очень важно, смотрим мы на человека или нет. В тот раз мы просто шли рядом, но он был свободен от меня абсолютно. — Я все равно однажды отвязалась и ушла, да еще через речку.

— А меня однажды соседка в подъезд непустила, потому что мы с ребятами дрались. А мама потом узнала и ей влепила.

Ни одного вопроса или уточнения с моей стороны. Влепила и ладно. В ответ я уже рассказывала свою историю из нескольких

фраз. И сейчас так подробно говорю об этом только ради примера медленного проникновения через границы израненного человека.

Чтобы его не разорвало его же горе.

Чтобы приоткрылись «сливные отверстия», через которые оно, горе, сможет понемногу, год за годом, вытекать наружу, без риска сломать личность.

Он оправлялся медленно. Впрочем, не настолько, чтобы отставать от других, перенесших травму, детей. Я понимала, что Саша — человек с чувством собственного достоинства, что да, он ребенок, но он, если можно так выразиться, «ребенок в латах». И что именно уважением к нему и своей абсолютной честностью можно завоевать его ответное уважение, прежде чем он позволит себе эти латы снять. Латы, за которыми скрывается израненная в кровь способность и готовность любить. По всем параметрам, которые определяла я, уважение было бы самым желательным отношением к нему со стороны замещающего родителя. И я видела реальную возможность пробудить в Саше любовь снова. Но рядом с ним, в моем понимании, должен был оказаться человек, не менее сильный, чем он сам.

Другой мальчик, Вадим, тоже двенадцатилетний, никогда не жил с мамой и понятия не имел, откуда он родом. Ребенок был оставлен в роддоме, затем переведен в дом малютки, затем в детский дом. Мальчик физически здоровый, интеллектуально сохранный, с небольшим, естественным для несемейных детей отставанием в развитии и с природными склонностями к манипулированию. Он прекрасно выглядел, был само обаяние и умел заглядывать в глаза. Он с готовностью демонстрировал как радость, так и огорчение. Его можно было встретить, сидящим задумчиво перед учебником, а подойдя, чтобы погладить по голове, услышать какую-то фразу по теме урока — вполне впопад. И растрогаться: вот же какой молодец, занимается! Сам!

На следующий день Вадим мог принести двойку по тому предмету, на тему которого в присутственном месте мечтал, но

это ничего, мало ли, что не срослось у ребенка, так мы думали поначалу.

Он мог броситься обниматься, увидев любимое блюдо в столовой, отшутиться, если к нему приставали ребята, и «шепнуть на ушко» воспитателю, если что-то затевалось среди его приятелей. Вадик заходил к старшим, кивал головой, показывал глазами по направлению своей комнаты или зала, где в это время сговаривались о чем-то дети, затем мог пожать плечами и с виноватым видом исчезнуть.

Он никогда не оказывался пойманным с поличным, впрочем, особенно не хулиганил, разве случайно возникал поблизости, да и то, если не считал творимое другими опасным.

Он мог прийти и сесть рядом, чтобы просто посидеть. Еще и спросить при этом: «Можно мне побыть с вами?»

Конечно, на первый взгляд, этот мальчик тревоги не вселял. И мы радостно провожали его, когда нашлась для него патронатная мама, женщина спокойная, уютная, домашняя.

Через некоторое время Вадим вернулся. Его патронатная мама рассказывала потом, что в тот вечер ни его, ни его вещей не оказалось дома, когда она пришла с работы. А до этого было все хорошо. Женщина была практически уверена, что отношения с подростком у нее складываются удачно, статус патронатного воспитателя ее устраивал, она собиралась поднимать мальчика одна, и помощь специалистов детского дома вкупе с небольшой зарплатой могла оказаться как нельзя кстати. «Может быть, он не хотел быть патронатным?» — в отчаянии гадала она, все еще надеясь, что Вадик вернется.

Но Вадик отказался возвращаться.

При этом он настаивал, что все было хорошо, тесты также никаких острых негативных переживаний в ближайшем прошлом не выявляли.

— *Просто я соскучился и захотел к вам,* — ластился мальчик и даже тыкался лбом в плечо воспитателя.

— *Мы тоже по тебе соскучились, и очень рады, что повидались. Но может быть, теперь ты вернешься?* — в сотый раз спрашивали его.

Но нет. Он отказывался возвращаться, а на прямой вопрос о причине пожимал плечами: «Не знаю».

Несколько претендентов пробовали стать родителями для Вадима в последующее время, также его пытались взять под опеку и намеревались усыновить. Он соглашался знакомиться, проявлял все свои черты обаяния и очаровывал взрослых, открытых к нему сердцем людей. Он даже рассказывал о своих проблемах, проявлял доверие:

— *Я не всегда понимаю, чего хочу...*

— *У меня бывает плохое настроение, а почему, я не знаю...*

— *Ну, я могу приврать. Правда, самую малость!*

— *Я не знаю, смогу ли я быстро привыкнуть к новому порядку...*

Все это давало обратный эффект. Такого доверчивого и открытого ребенка все были готовы немедленно прижать к сердцу. Однако всякий раз история оканчивалась одинаково. В один не прекрасный для взрослых день Вадик либо молча уходил из дома и появлялся в детском доме, либо объявлял, что больше жить в семье не хочет. Он говорил, что претензий у него ни к кому нет, но вот так он видит свое будущее — не здесь и не с ними, поэтому «всем спасибо, все свободны».

Прерывая свои связи, да и в то время, пока они длились, Вадим никогда не конфликтовал, не скандалил, не склочничал, никого ни в чем не обвинял. Он был и оставался тем, что называется «хороший мальчик». Но никто из взрослых людей так и не сумел достучаться до его сердца и развить привязанность в нем. А возвращаясь

к Саше, скажу, что он остался под патронатом у первой же женщины, которая его взяла, и воистину показал ей «небо в алмазах». Он устраивал конфликты, осыпал ее упреками, кричал, шел на шантаж, не хотел учиться, обижал, наезжал, отвоевывал себе свободы, ломал предметы и хлопал дверями... Но далеко не уходил. И сейчас он учится, работает, ворчит, что его никто не понимает, но не оставляет той, которая выбрала его. Сашу нельзя назвать жизнерадостным человеком, больше бы ему подошло слово «склочник». Но вот за его маму я почему-то спокойна, чего бы он ни вытворял рядом с ней.

Существует довольно стойкое правило, утверждающее, что ребенок, не познавший привязанности, развить ее в себе не способен. Именно этим и объясняют специалисты равнодушие Вадима к семьям, которые он покидал. Саша же, который так любил свою маму, помнил, хранил в себе «голос любви». Голос своей любви к маме, к взрослому человеку, с которым он был связан заботой, пускай и односторонней. Именно этот отзвук дал мальчику возможность привязаться к своей новой семье, хоть он и бунтовал, как положено подростку.

Это очень важный момент, и на него внимание обратить стоит. Он поможет нам не бояться наличия кровных родственников в жизни наших приемных детей. Или же бояться их осознанно, понимая плюсы, которые их существование может нам дать.

Ребенка же, не познавшего привязанности в своем раннем детстве, особенно ребенка-подростка, я бы посоветовала брать семьям, в которых существует ярко-выраженный лидер, готовый взять ответственность за ребенка на себя, или тем людям, которые в принципе лидерами являются. Причем не лидерами в своем понимании этого слова, что бывает нередко. А вожаками признанными, не подавляющими, но поднимающими, умеющими доказать свое право голоса, заслужить и удержать внимание ребенка, а потом повести его за собой.

Глава 23.

БОЛЬШАЯ ДЕВОЧКА

А сейчас перед нами, казалось бы, благополучные девочки. Но я вписала бы в заповеди их отцам, чтобы они, отцы, с самого начала все «строгости», как бы ни были они необходимы, перепоручили бы матерям, женам своим. А сами смотрели бы на своих девочек с таким восторгом, с таким обожанием в глазах, чтобы девочки эти росли, буквально пропитываясь мужским восхищением, направленным на них... И, конечно, на их матерей.

Конечно, мне тут могут возразить, что тогда эти девочки только такое отношение от мужчин к себе и примут, будут ждать того же от каждого, с кем встретятся...

И пусть, и пусть. Это во сто крат лучше, чем те бесчисленные комплексы, которые вырастают в девочках, чьи отцы к ним непомерно строги, или критичны, или отсутствуют вовсе. Кроме того, не пережив унижения и неуважения, эти девочки и в своих сыновьях сумеют вырастить способность любить, уважать, щадить.

Сколько я ни наблюдала за выросшими девочками, сколько ни разговаривала по этому поводу с теми женщинами, которые склонны анализировать причины и следствия, везде картина одна и та же, и исключения тут чрезвычайно редки. Суровые и авторитарные отцы наносят будущим женщинам в именно женских судьбах куда больший вред, чем, например, неласковые мамы. Хотя и существует мнение, что «без папы вообще» девочка выживет, а вот «без мамы вообще»... мутирует во что-то иное, с другим, еще не придуманным или только мне неизвестным обликом.

Прежде чем говорить о подрощенных приемных девочках, давайте посмотрим по сторонам, вспомним, какими были семьи друзей, когда мы сами бегали в школу, у каких именно пап (или при наличии каких дедушек) выросли самодостаточные девочки, не закомплексованные, не склонные вешаться на шею любому

мальчику, особенно тому, который ее отторгает. У каких родителей выросли довольные своими глазами, волосами, попами, ногами, грудью, будущие матери, жены, — не склонные к агрессии, депрессии, разрушению и всяческому экстремальному самовыражению...И я хочу подчеркнуть, что мы говорим именно о будущих женских проявлениях девочек при наличии пап и их роли в воспитании дочерей.

Для меня очевидно, что девочки, чьи отцы были к ним мягки и не навязывали высоких планок, принимали их такими, как есть, защищали, пусть и в шутку, перед мамами и все это время смотрели на них с любовью и восторгом... Что эти девочки и росли куда спокойнее, и переходный возраст миновали с меньшими потерями, и «невестились» без истерии, и семьи создавали с намерением их строить и держать, а не попробовать и дальше как получится. Что девочкам, выросшим под восхищенными взглядами пап, ничего не оставалось, как стать счастливыми и устойчивыми. Настолько, насколько вообще возможна устойчивость в наших таких переменчивых днях.

А теперь давайте посмотрим, что происходит с теми девочками, которые либо застали страшные картины детства, либо вообще не помнят и не знают своих отцов.

Я знаю не одну и не двух, а многих девушек и женщин, чьи мамы так никогда и не рассказали им о том, кем были их отцы. Или же рассказали тогда, когда дочери выросли, самостоятельно преодолев многочисленные сомнения и гипотезы по поводу своего происхождения на свет, и по поводу того, кто же их мамы на самом деле. Потому что защитные реакции заставляют переключать внимание с себя на источник дискомфорта, ведь это именно мама не отвечает на такой важный вопрос. Значит, размышлять надо именно о ней...

Позднее узнавание ответов все же лучше, чем вообще ничего, хотя многие ниточки сложных структур в характерах растущих девушек не рвались бы от легкого касания или даже просто дыха-

ния посторонних людей, если бы хоть какая-то информация матерями была их дочкам дана своевременно. Потому что информация о прошлом, порой, неплохо латает бреши. Даже если эта информация не вполне достоверна, она все равно лучше молчания, в котором можно увязнуть, и которое как будто доводит до обесценивания сам факт существования человека на земле.

И девочки, ставшие взрослыми женщинами, так и не получившие никакой связной и более или менее ясной картинки о том, кто же был их отец, несут в себе эту боль через всю жизнь. Не все признаются в этом, многие склонны закрываться от боли. Но те, кому хватает мужества, хотя бы однажды произносят со слезами в глазах: «У меня никогда не было папы...» или «я ведь совсем ничего не знаю о том, кем был мой отец», показывают нам картину именно этой трагедии дочерей.

Но куда страшнее услышать от женщины, что она не желает ничего знать о своем отце.

Вот он, этот надрыв, который касается вполне домашних и любимых девочек. Теперь давайте попробуем представить себе его величину, если о папе даже спросить некого, или же он представлен неведомым монстром. Потому что той мамы, которая не в силах приоткрыть свою боль, рядом нет. А может быть, нигде нет. И это, возможно, не самое худшее, если некого о нем спросить, и если не было этого папы у девочки из детдома.

Мама закладывает в девочке модель женщины, хозяйки, держательницы очага. Мама передает форму отношения к людям, в частности, к папе, то есть — к мужчине. Мама обучает вкусу, мама в ответе за множество мелких и крупных нужностей, которых девочке негде больше взять, кроме как у нее. Мама просто впечатывает в сознание девочки информацию о ценности ребенка в жизни женщины. Или об отсутствии этой ценности. Поэтому среди тех выпускников детских домов, которые родителей так не обрели, но все-таки сумели устоять в этой жизни на ногах, так много сейчас тех, кто называет себя *childfree*.

Теперь можно попробовать представить, какой может быть девчушка в возрасте лет четырнадцати, если на «землю» ее воспитания не ступала «нога человека», который намерен не пересидеть с ней «вахту», а долго жить вместе в согласии и понимании друг друга. А потом, когда она захочет и сможет жить отдельно, знать твердо, что она «вписалась» в социум и в нем устоит.

Была одно время такая реклама по телевизору — чудесная девчушка просыпается и вдыхает запах постельного белья. В воздухе словно кружат бабочки и цветы, на лице у ребенка блаженство, рядом мама, которая напрямую ассоциируется с ароматами садов и весны, и все это обеспечивает некий состав, в котором любящая мама полощет для любимой дочурки постельное белье.

Казалось бы, ерунда. Но нет. Какими бы ни были воспитатели, как бы ни старались на ночь почитать, поболтать, и по головке погладить, не источает постельное белье даже самого прекрасного детского дома запаха цветов. Нет в жизни воспитанниц детских домов такого обволакивающего тепла, такой маминой нежности, сопряженной с чистотой, такого укоренившегося уюта, который не просто создается, а творится единственной мамой на свете. Ни отношение к чистоте, ни к гигиене, ни к красоте, как бы воспитатели ни старались, девочкам практически не прививается.

Дети принимают душ каждый вечер. Носочки и трусики должны смениться, — это проверяется, об этом без устали твердится постоянно, но эти слова никуда не попадают. Носки и трусы кидаются на пол, задвигаются в щели, запихиваются поглубже в них.

...Но подождите, а разве домашние дети не ходят в трусиках со следами плохо вытертых поп на них?

То-то и оно. Некоторые домашние дети, и то довольно долго умудряются делать это. Чего же нам ждать от них, от девчушек, выросших без мам?

Мама-гусыня ведет вереницу своих птенцов через дорогу, пятится при звуке машины, и вот уже подросшие гусята могут сами преодолеть опасный путь. Но их раздавят первые же колеса, если они попадут на свободу без этой части своей жизни, — следованием за матерью.

Котята, превратившись в котов и кошек, будут гадить по углам, если мама-кошка не приучит их к лотку. И мы можем перечислять эти заметки природы или негодовать по поводу их неуместности, дела это не изменит.

Говорят, в новой семье ребенку надо прожить столько же лет, сколько уже прожито в детском доме или вне этой семьи, чтобы выйти к точке «ноль». И только после этого начнется подъем. Когда-то, услышанная впервые, эта фраза чуть не выбила почву из-под моих ног. Но оказалось, что жизнь идет быстрее, чем ползут страхи.

Конечно, бывает по-разному. Как разные мы все. Надо только вспомнить, что цельных натур, которые не бунтуют против очевидного, и для которых опыт старшего поколения притягателен, крайне мало. И что почти не встретишь изначально гармоничных детей, которым нет нужды самоутверждаться в подростковом возрасте, против всего бунтуя. Мне кажется, по-настоящему цельных, изначально цельных людей не больше чем гениев, но о гениях не сейчас. Большинство же, остальные «мы», все-таки отражают тот мир, который их окружает, все-таки проводят во внешнюю действительность те импульсы, которые жизнь провела через них.

И если наши девочки-подростки до этого не жили в семьях или же если этого не помнят... Или если их память, пусть в подавленной фазе, но хранит неведомые нам кошмары реальности, которые им довелось прожить, они только внешне похожи на девочек, выросших в обычных семьях. Даже если мы станем сравнивать их с непослушными, залюбленными и разбалованными девицами, способными вымотать все нервы из своих предков. И нам нужно собрать максимум своих сил, чтобы не только не требовать, а даже

не ждать от таких девочек адекватных реакций на наши предложения, которыми мы намерены их «осчастливить».

Если наши девочки попали к нам крохами, нам надо сразу же заботиться о том, чтобы они ощущали себя именно девочками. И, конечно же, мы не станем впадать в крайности, что сейчас случается очень часто. Девочки-принцессы и девочки-киски требуют к себе особенного отношения, носят особенную — с принцессами и кисками — одежду, говорят о себе, что они красавицы, а потом вырастают, и, если папа не купил им полмира, страшно удивляются, отчего же мир не разделяет их мнения о себе. Все-таки, чувство меры, великий талант и дар. Или же труд. Потому что, осознав последствия отсутствия чувства меры, можно волевым усилием заставить себя если не сразу его соблюдать, то, по крайней мере, стремиться к нему.

Достоинство человеческое — вот что надо воспитывать в девочках. И в мальчиках, безусловно, тоже. Вот этим самым привитием других, настоящих ценностей, нам и надо заниматься, пока дети растут. А девочки, конечно же, должны быть любимы и поощряемы... папами, прежде всего, чтобы утолялся их, пока еще крохотный, но уже существующий голод женщины по восхищению ею.

Если папы рядом с нами нет, надо найти друга семьи, надежного мужа подруги, наконец, договориться с кем-то, поговорить открыто, но сделать так, чтобы у нашей девочки был в окружении какой-то мужчина, который одобряет ее женственность в ней. Потому что на самом деле все решаемо, если наши дети малы, если мы еще ничего не испортили в них.

Ведь для одних счастье — дорога, для других — родной дом, для третьих — музыка, где бы она ни звучала. И наши ценности, они не только не заманчивы для девочек, выросших без родительского тепла, но могут казаться и отталкивающими, возмутительными, бесосновательными. Или пресными, сродни нашей блажи, которая потому возникла, что они — «товар второго сорта», вот мы и хотим от них «непонятно чего». И нужно, зачеркнув жирной чертой спи-

сок любых ожиданий скорых результатов, просто принимать наших девочек-подростков такими, какие они есть, оставаясь при этом самими собой — со своими традициями, привычками, устоями.

Можно рассказывать о том, как вы любите ваш дом и уют в нем. Можно делиться историями вашего детства и детства ваших близких. Понемногу касаться того, какими еще бывают несчастья, потому что девочки, которых мы хотим «перетащить» в свой мир, уверены, что хуже того, что уже случилось с ними, в жизни ничего не существует. Только не надо спешить, иначе они сразу уловят воспитательные намерения и взбунтуются. Нужно какое-то время позволить им быть такими, какими они успели стать... И, конечно, это совершенно разные истории, принимаем ли мы девушку в свой дом, в котором больше детей нет, или же живут в нашем доме другие дети.

Например, могло бы показаться, что неплохо «присоседить» одну девушку к другой, если домашняя постарше, она поможет и подровняет. Но это не факт, моментов, из которых складывается картина, множество:

- темперамент обеих;
- амбиции обеих;
- ревность обеих;
- управляемость и отлаженность взаимодействия с нами девочки домашней и
- полный набор «прошлого», с которым новая девочка к нам пришла.

В этом плане мне порой кажется, что может быть лучше брать подрошенную девочку в семью, где есть еще совсем невзрослый мальчик. Не так скоро возникнет конкуренция, параметры ревности будут разными. Это как минимум.

В мою семью когда-то пришла такая вот девочка-подросток. Такая, да не такая, она и знала кровную маму, и любила ее. Обид у моей девочки было очень много, претензий к жизни море и, скажем так, ни одной не искорёженной ценности. Это был типичный кукушонок, и я именно тогда узнала, что заложить яйцо в чужое гнездо — это даже не половина кукушкиной истории. Потому что главная ее часть этот сам кукушонок — крупный, куда крупнее уже существующих птенцов, которых он выбрасывает из гнезда в борьбе за свободное пространство — кого в виде яйца, а кого уже в перьях... Вот так моя новая дочь и пыталась удалить конкурентов, и никакие аргументы, никакие формулы поначалу не работали. А длилось «начало» года два. Только потом наша новая дочь стала слышать хоть что-то, хоть на какие-то слова реагировать адекватно и так, чтобы это жило и дышало...

А работала все это время только любовь. Только она одна и помогала нам выжить, через все пройти, ни на чем не разбить лоб и не сломаться.

Почему-то, если человек попадает в жуткую катастрофу и лежит весь в трубках, гипсах и железных скобах, то окружающие и любящие его люди понимают, что не встанет он сейчас, не пойдет, не спляшет, может быть, и не поест сам, не попьет, может быть, и в туалет не сходит без помощи. И еще может быть, что с чем-то у него останутся проблемы навсегда. Вполне возможно, что серьезные проблемы.

Почему, борясь за жизнь любимого человека, мы это понимаем? А если кто-то пережил не меньшую катастрофу души, то нам кажется, что достаточно пары слов и примеров, чтобы он «встал и пошел».

Нет, будет все как после автокатастрофы. Долгое восстановление, возможно, неполное, и память о случившемся навсегда. И если мы это понимаем, если знаем о себе, что терпения нашего и наших сил, чтобы врачевать раны и выдерживать побочные эффекты, хватит, если решение не отступать в нас зрелое, то девочки ли, мальчики у нас появятся — неважно.

И взрослые, и дети, мы все пройдем к нашей победе через свои перемены, через огромный труд души. Через время. И когда это время пройдет тоже, мы увидим, что оно проходило не зря. И что тот, кто рядом с нами, обрел силы на эту жизнь, которая требует их много, но того, чтобы ее жить, безусловно, стоит.

Глава 24 .

ОТ ПАМПЕРСОВ ДО ПРЕЗЕРВАТИВОВ

В деревне, где у нашей семьи домик, на участке рядом с могучей березой несколько лет назад бросила семечко сосна. Деревце стало подниматься очень быстро. Но все ветки его разворачивались в одну сторону. На той стороне, что почти граничила с березой, они росли тонкими и нежизнеспособными. Кроме того, сосна очень быстро тянулась вверх. Она как будто стремилась перерастить березу, чтобы освободить себе место для кроны. Но отчаялась и пустила ветки однобоко. Понемногу сосна стала иметь странный вид... А береза не пострадала. Она ничем не поступилась ради сосны.

Чтобы наше деревце, наш ребёнок, не выросло нелепым и однобоко развитым, мы должны обеспечить его тем, что ему необходимо для правильно развития. В плане секса это, как мне кажется, нравственность и чистота наших реакций на малейшие проявления этого деликатного вопроса жизни.

Нам надо знать о себе решительно все, даже в какие моменты просмотра каких фильмов мы раздражаемся или же у нас появляются слезы умиления на глазах. Нам необходимо отдавать себе отчет, как мы комментируем чьи-то связи, браки, разводы. Да и просто внешний вид людей, потому что внешность — одежда, манеры — часто напрямую связаны с сексуальностью, а мы отпускаем реплики, не думая об этом. Нам просто необходимо быть очень внимательными к себе, потому что никому ничего не удастся от ребенка скрыть, пока он будет преодолевать период между памперсами и презервативами. Период, когда нам ошибочно кажется, что до презервативов еще очень далеко.

На примере множества семей с разными традициями я убедилась в том, что непритворные, настоящие ценности перенимаются и наследуются. Они каким-то волшебным образом перетекают в судьбы детей, как будто настигают их воздушно-капельным способом.

Если у нас в глубине души к вопросам секса брезгливость, стыдливость, пугливость — и далее со всеми подобными остановками, то мы с нашими детьми и «пожнем судьбу». Потому что мы будем во всем и постоянно так себя вести, что наши «трансляции» доведут до сознания ребенка безошибочную весть: «Стоит поскорее поинтересоваться, что же там такого, раз они его так...»

Мы можем хотеть совсем другого отношения к сексу, но время диктует нам необходимость компромисса. И если мы понимаем, что сексуальные игры молодежи сейчас воспринимаются ими именно как игры, что приходу любви в свой срок они не препятствуют, что наши дети в упрощенном социальном подходе к сексу любопытствуют в нем именно как дети, то мы увидим, что на самом деле «греха»-то больше в нас. Это, конечно, если мы «отвергаем и клеймим». А дети — они просто веселятся и радуются жизни. И познают себя. В частности, в сексе тоже.

Но это если без перегибов. А как же случается, спросит кто-то, что родители всю жизнь были «люди как люди», не клеймили и не порочили, а ребенок вырос и пошел маковки сшибать?

Мне кажется, что в основе всех таких «отрывов» очень часто лежат отмашки и неуважение к ребенку, пока он растет.

Что у нас «в телевизоре», комментировать вряд ли стоит. И конечно, это не может не откладывать отпечатка на то, как формируются дети. Но все-таки это не главное. Потому что главными остаемся мы.

А мы по умолчанию, нравственные люди. И нам бы не хотелось, чтобы наши дети спали, с кем попало, и подставляли свое здоровье под угрозу. А может быть, и жизнь, потому что ниточка за иглолочкой, и все начинается с малого.

Ведь, в общем, мы все понимаем, что сейчас, в наше свободное от сдерживающих рамок время, не так страшна сама сексуальность и ее проявления, а ее последствия. Я беседовала на эту тему со

многими родителями, и все они в какой-то момент произносили примерно одно и то же: «К чему это приведет?»

Значит, мы не самого секса боимся, а того, что может случиться вслед за ним — беременностей, болезней, «побочных» проявлений современности. Еще мы боимся, что влюбленный ребенок перестанет учиться, в школе у него пойдут двойки, позже он вылетит из института. Мне не хочется принижать роль образования, но все же боимся мы в данном случае чего-то не то чтобы судьбоносного. Потому что, и мы это прекрасно понимаем, ни к категории «хороший человек», ни к категории «достойный человек» количество сексуальных партнеров прямого отношения не имеет.

О законе и порядке хочу сказать еще, что уклад дома значит очень много. Но тут надо не забывать соизмерять силы. Неважно, если мы считаем, что сошедший с рельс трамвай неудобен для нашего прохода. Важно, если мы начинаем пытаться сдвинуть его с места, не понимая, что таким способом результата добиться невозможно. Так ведь и надорваться можно. И это я к тому, что запретами вопроса не решишь. Трамвай стоит двигать, только если ты оснащен подobaющей техникой.

В моем доме никогда не поощрялось, то, что сейчас во многих местах считается нормой, а именно — когда еще невзрослые дети остаются ночевать у своих друзей. Я не считаю это полезным или необходимым, и я не буду сейчас отвлекаться на причины, потому что не о них речь. Таковы закон и порядок нашего дома. У меня было достаточно родительского авторитета, чтобы довести это до сознания детей. Они спрашивали меня время от времени, можно ли им где-то остаться. И сами отвечали «нет», уточняя, как правило: «...ты же не разрешишь?»

Ответ был известен:

Или ты соблюдаешь правила дома и поддерживаешь наше единство, или ради своего сиюминутного «хочется» нарушаешь то, на чем стоит наш дом.

И тут должно было хватить терпения на почти бесконечные возгласы «почему подрываю», «почему сиюминутного», «почему ты так».

Мне терпения хватало.

Конечно, если у чьей-то подружки мама в командировке, а подружка эта вдруг слегла с температурой сорок, то мы делали исключение. Но это уже было не ради развлечения. И ночевать к больной девочке с едой и лекарствами ехал непременно и кто-то из взрослых.

Другой особенностью в числе правил нашего дома было и остается, что никто из детей не уходит жить с молодым человеком по принципу «поживем пока, там видно будет», причем девочек и мальчиков это касается в равной мере. Как и предыдущему, я не предлагаю этому правилу следовать, а только делюсь: наши обычаи таковы. У кого-то наверняка другие. Я же хочу повторить, что наши декларации и наши дела должны говорить об одном и том же. И еще раз напоминаю, что силы надо соизмерять. Конечно, хорошо, когда гарантом является уважение к родителям. В нашем доме дети были не менее уважаемы. Но существовал порядок, и мы все соблюдали его.

Конечно, оба правила касаются подростков и едва вышедших из этого возраста детей. Не тридцатилетних, это понятно. Только еще растущих, юных.

В комплект к этим ограничениям у нас прилагалось спокойное, открытое и слегка насмешливое отношение к вопросу секса. Насмешливое, чтобы не делать тайны, потому что тайна всегда манит:

— А ты можешь представить, что мы с папой все это делали сами? Я тебе больше того скажу, делаем и сейчас.

Смущенная физиономия ребенка и добродушно смотрящая мама. «Подумаешь, секрет, тоже мне».

Да, такое легкое обесценивание. Оно выводит «плод» из ряда «запретных». И я показываю примерное отношение к вопросу, которое, на мой взгляд, дает довольно спокойное взросление нашим детям.

— *Красиво, правда?* — это кто-то из родителей застал ребенка, смотрящим фильм с постельными сценами. Вопрос задан походя, без акцентов. Красиво и все. Не зазорно, не кто кого, не кто кому чего и сколько... Просто красиво. Остальное не оценивается никак.

— *А если там, на экране, некрасиво?* — спросили меня на семинаре.

Если некрасиво, так и сказать. И предложить альтернативу.

— *Есть такой фильм (дайте ваше название), мне показалось, там действительно любовь. Ты не видел? Посмотри обязательно! А это, мне кажется так, тянет максимум на второй сорт. А то и на третий...*

Отсутствие возмущения, вместо этого доверительный тон, да еще и альтернатива, и вот уже ребенок не вполне уверен, что очень хочет продолжать просмотр. Позже он, конечно, к нему вернется.

Но вот когда я нашла у кого-то из сыновей кассету с порнографией, случайно забытой рядом с телевизором, тогда еще были в ходу кассеты, то прибрала ее, а вечером вернула и попросила:

— *Не разбрасывай, пожалуйста, у нас в доме маленькие дети.*

Я еще его по голове погладила. Без унижения, без превосходства и без заигрывания. С любовью и пониманием. Может быть, даже сказала, кивнув: «Мы все через это проходим». Точно, сказала. Только не помню, ему или кому-то еще.

Сосенке должно хватать пространства, чтобы она росла ровной. Для нас же должно оставаться главным то, как мы относимся друг к другу. Это всегда «номер один», сначала мы вспоминаем о том, что любим друг друга, потом думаем о следующем шаге.

Да, дети вырастают, начинают влюбляться, но, в общем, ничего страшного не происходит. По современным стандартам, и я даже не знаю, сойдет эта фраза за шутку или нет, оставаться в параметрах нравственного человека куда проще, чем век назад. И наши дети могут слегка потешить себя в безопасности от дурных мнений. Если мы при этом остаемся их друзьями, если они и раньше имели возможность посекретничать с нами, и, повзрослев до секса, ее не утратили, то поиграют дети в секс и начнут искать любви.

То есть, я трагедии бы не делала, хотя порой от родителей это требует мужества.

- грамотный подход, безопасность — то, что требует современность;
- ваши установки, — то, что требуют правила дома;
- «правило трамвая».

Это правило я сформулировала бы приблизительно так:

«Отговаривая, оставлять себе возможность отступить, а запрещающая, соизмерять силы».

Но главное — хранить внутрисемейные отношения. Потому что никакие половые партнеры их не стоят. Нам постоянно надо печься о том, чтобы наш ребенок продолжал иметь в нашем лице близкого человека и друга, чтобы он был по-прежнему в нас заинтересован, и чтобы мы не разочаровывали его нехваткой времени, личными интересами или категоричностью. В долгий период, когда ребенок перестал быть маленьким, но еще не стал зрелым, самое главное оставаться с ним близкими людьми.

Может быть, для этого стоит вспомнить своих друзей и обстоятельства, при которых мы их теряли. Иногда это помогает понять, что ребенком движет. И мы неожиданно начинаем поддерживать нашего ребенка, вместо того, чтобы вступать в единоборство с ним.

Если ребенок с нами растет с детства, и если мы не шушукаемся по углам на «запретные» темы, если мы ребенка образовываем в плане анатомии и физиологии еще маленьким, даем ему здоровое понимание того, что такое наше тело и как с ним следует обращаться, это уже неплохая платформа.

Хорошо, если папа и мама в семье могут обнять друг друга при ребенке, чтобы он видел и нежность взрослых друг другу, и немного их ласк. Если у нас половинки нет, то можно заменить это рассказами о ком-то, о том, например, как общаются старшие в доме друзей.

— Знаешь, родители Кати всегда такие внимательные друг к другу! И обнимутся, и поцелуются. Так приятно на них смотреть!

— В семье у Бориса все так любят друг друга, я была у них на празднике и видела, как мужчины внимательны к своим женам. Это так здорово, в следующий раз я возьму тебя с собой...

Если мы с ребенком в гостях, и хозяйева дома проявляют нежность друг к другу, а наш ребенок к этому не привык, мы можем поговорить на эту тему на обратном пути:

— Правда, замечательно, когда люди любят друга, когда они вместе, когда у них такие отношения? Это так ценно: семья, верность...

Хорошо привлекать внимание ребенка к супружеским парам разного возраста. Это снимает напряжение с темы секса, переводя стрелки к любви. Я замечала, если просто показывать 11–12-летним подросткам, да и детям взрослее, стариков, идущих рядышком с цветами у женщины в руках, совсем молодые пары в каком-нибудь ликовании, супругов средних лет, когда они проявляют внимание друг к другу, и говорить о любви, то что-то очень хорошее происходит в душах наших детей. Они как будто открываются навстречу радости других людей, а напряженный интерес к сексу ослабевает.

Другое дело, если мы взяли девочку-подростка, и она прошла горькую школу.

В этом случае мы должны понимать, что сосенка уже выросла кривобокой. Она не смогла перегнуть березку, ей пришлось развиваться неправильно. Чтобы выжить.

И никакие хорошие условия, никакие наши доверительные беседы не смогут повернуть вспять процессов, которые заложены в ней, пока она сама не повзрослеет до того, чтобы захотеть свою программу изменить. В этом случае нам нужно думать вовсе не о ее сексе, а о том, как остановить дальнейшую деформацию, потому что та же тонкоствольная сосенка с кроной на бок первая может быть свалена ураганным ветром.

Нам нужно осознать, что каким бы ни было наше чувство к ребенку, мы не сможем изменить того, что уже произошло. Единственное, что способно замедлить разрушающие процессы, это наше бесконечное терпение. И я бы не стала тут обольщаться насчет любви к себе, замещающему родителю... Это сравнительно нечасто случается, если ребенок пришел к нам поздно. Но привязанность из благодарности может вырасти.

А благодарность из чувства безопасности.

А чувство безопасности из покоя и надежности, которые мы сможем нашему ребенку предложить.

И я приведу еще один пример из свода закона и порядка моего дома, из опыта своей семьи.

Девочкам своим я говорила:

— Что бы ни случилось, если вдруг ребенок, то это святое, и решение может быть только одно — рожать.

А мальчикам:

— К девочкам не лезь, и если вдруг ребенок — женись.

Вот наш труд — с ответственностью и осознанностью ежедневно представлять перед нашими детьми с теми качествами, какие мы мечтаем развить в них. Это наше «необходимо и достаточно», именно в этом условии нашей задачи.

Глава 25 .

ССОРЫ, ПРИМИРЕНИЯ И ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ

На последних страницах этой книги мне хочется оглянуться назад и еще раз проверить, что же мы успели. Может быть, стоит пробежаться по главным темам.

Нам важны Закон и Порядок нашего дома, мы поддерживаем Иерархию, наши Традиции крепки.

Мы заинтересованы в наших детях, как в личностях, мы намерены дружить с ними и ценить их доверие.

Уважение к нам наших детей не должно пошатнуться!

Мы ответственны за результаты, которые получаем, нам нравится владеть собой и управлять своими эмоциями.

Всем, чему мы учим своих детей, мы, безусловно, овладели сами.

Ради этого мы уже привели в порядок наши «пульты управления собой» и готовы работать над самосовершенствованием впредь.

— *Димка гад, гад!* — врывается в кухню мальчик восьми лет, что-то хватает, мечется.

Вслед за ним вбегает второй, девятилетний. Тот самый Димка.

— *Ты сам гад! Ты урод! Ненавижу!*

Мама срочно моет руки, удаляет следы фарша, который вымешивала. Берет полотенце и, вытирая руки, «перекрывает детям выход» - спокойно встает у двери.

— *Ты сам урод, понял? Урод уродский!* — тот, что постарше, Димка, не менее разгневан.

— *Мам, чего Сашка ко мне? Достал он меня! Не хочу с тобой жить, уходи!*

— *Сам убирайся!* — оба бычатся, все это происходит в течение минуты.

Дети взъерошенные, агрессивные. Несчастные.

Мама вздыхает незаметно, а потом довольно громко и размеренно стучит по стеклу кухонной двери. Оба сына невольно переводят взгляд на нее.

— *Брейк.* — Мама говорит это негромко, смотрит добродушно и внимательно. Слово это в семье в ходу, дети слегка «приглаживают перья», но остаются все еще очень взъерошенными.

— *Сейчас посмотрим, так ли это.* — Мама поднимает руку вверх, концентрируя внимание детей на себе.

Дети топчутся, они готовы пихаться, но стоят поодаль друг от друга.

— *Могу я сказать?*

Тишина.

— Я сейчас вам поговорю, а вы меня послушайте, хорошо? Прошу не перебивать, я вас послушала, теперь ваша очередь. Только подойдите ко мне оба. — И мама пододвигает к себе табурет, путей к физическому отступлению из кухни, тем не менее, детям не оставляя. Она «сгребает» сыновей и ставит их так, чтобы они не видели друг друга — по обе стороны от себя. Обнимает обоих и дальше говорит тихо, детей к себе в это время слегка прижимая.

— Дим. Помнишь, когда Саша болел, как ты сидел около него, и как помогал мне не уснуть. У Саши был ложный круп, нужно было не пропустить приступ, чтобы бежать с ним в ванну под горячий пар. Ты тогда был вместе со мной, как герой, ты спасал брата. Ты очень самоотверженный человек!

— Саш, а когда Дима сломал руку, помнишь, как ты ему помогал писать? Если бы не ты, ему бы было трудно в школе. А ты не дал ему превратиться в двоечника только потому, что у него такое случилось. Ты очень ответственный, ты настоящий друг!

— Дим, а когда Саша захотел ходить на у-шу, помнишь? Если бы не ты, я бы не согласилась, это ведь ты меня уговорил. Ты очень добрый и всегда горой за близкого!

— А ты, Саш, помнишь, как Димка наговорил случайных слов, и папа рассердился на него? Ты тогда ходил к папе, очень за брата просил. И доказал, что он не хотел говорить плохого. И мы с папой гордились, что у нас два таких прекрасных сына. Вы у нас очень хорошие!

— А еще, Саш, когда Дима у нас появился, ты же еще тоже очень маленьким был. Представляешь, ты переставал плакать, если плакал он, ты всегда давал мне его утешить первым... Ты очень терпеливый и добрый!

— А ты, Дим, ты, может быть, не помнишь, но в детском саду ты свой костюмчик волка отдал Саше, мы тогда не могли купить сразу два... Ты очень щедрый!

Мама говорит и говорит. О чем-то она вспоминает, что-то сочиняет на ходу. Это вполне возможно, все сочинения мамы все равно рядом с правдой. Мама не говорит ни одному своему сыну, какой хороший у него брат. Она говорит каждому, какой хороший именно он...

А впереди огромная жизнь, и каких только сюрпризов она ни готовит! Надо быть во всеоружии, чтобы встретиться с ними. Но разве это возможно, когда вокруг одни неотвеченные вопросы, их великое множество — повсюду!

- кто первым входит в дверь?
- когда ухаживают за тобой, а когда ухаживаешь ты?
- кто первым протягивает руку, здороваясь и прощаясь?
- всегда ли можно сесть, если хочется сидеть?
- кто и кому из нас должен прежде всего?
- если хочется поговорить, как лучше начинать разговор?
- а если говорить не хочется, как помолчать и никого не обидеть?
- как научиться думать о ком-то еще, кроме себя?
- а как научиться себя понимать?
- как понимать других?
- как проиграть и не разреветься?
- как выиграть и не задрать нос?
- сколько раз подряд можно сказать спасибо, чтобы от тебя не очумели?
- чего нельзя в чужом кармане?
- как быть, если нет носового платка, а в носу излишки?
- что делать, если рядом кто-то пукнул?
- а если один пукнул, а другой заржал, вести себя как?
- почему люди бросают друг друга?
- почему на земле нет мира?
- как сделать так, чтобы вокруг было побольше доброты?
- почему надо учить неинтересное?
- кто важнее, я или ты?
- что такое равенство?
- когда я становлюсь больше: если я что-то отбросил, как ненужное, или принял, хоть и непонятно пока зачем?

И дальше, дальше, дальше. А все эти «почему — не просто вопросы, это отдельные темы, на которые не только отвечать можно, на которые можно ЖИТЬ. И мы, поверив в силу игры, начинаем жить эту жизнь на глазах наших малышей с куклами в руках, и послушные куклы говорят с нашими детьми о том, что должно быть самым главным и неизменным для них, о том, что впоследствии должно стать основами характеров наших детей, силовыми линиями их судеб.

— *Здравствуй, Катя!* — кукла в нашей левой руке движется навстречу другой кукле, той, что в правой руке.

— *Здравствуй, Оля! Почему ты трешь глазки?*

— *Ой, я плачу, плачу! Я потеряла ключи от дома, а скоро придет дедушка! Он устанет стоять у двери до возвращения мамы!*

— *Не плачь, Оля! Давай предложим твоему дедушке подождать твою маму у нас? И ты подожди ее вместе с ним!*

— *Нет, мы не можем, ты живешь далеко, спасибо! Нам надо поскорее попасть домой!*

— *Тогда давай, я принесу стул для твоего дедушки? Он подождет твою маму у вашего дома, не устанет, потому что сможет сидеть!*

Вот такой короткий диалог, а сколько в нем важных событий. Внучка заботится о дедушке, но помнит она и о маме. Подружка тоже хороший человек, и к себе приглашает, и стул предлагает. Все помогают всем, очень неплохой жизненный старт. И вот преимущество игры. Оно в том, что при ней в нашей власти сотворить именно ту «начинку» нашему «пирожку», которая нам по нраву. По законам нашего дома. Ту начинку, которая нам по душе.

А как отвечать на вопросы, нам подскажет наше сердце и наши главные ценности, подскажет интернет с его обилием интересных фактов, прочитанные книги и с каждым днем растущий жизненный опыт.

Для себя я выбрала простой путь: сначала научить маленького человека добру, его ценности для нас, и тем самым закалить силу, чтобы бороться за это добро. Поэтому, играя в куклы или пред-

ставляя своему малышу кукольный театр, я буду рассказывать о маленьком человеке, который не прошел мимо ни одной несправедливости: помог старушке перейти дорогу, убрал с проезжей части коробку, которую машины объезжали, боясь наехать на нее, потому что вдруг там что-то тяжелое? Кстати, я так поступила сама, вот недавно огромную коробку с дороги убрала, возвращаясь с работы.

Я буду рассказывать ребенку, как маленький человек поднял птичку и принес ее домой, чтобы вылечить ей лапку, отнес на почту случайно попавший к нему не по адресу конверт. А потом человек купил красивых яблок старику, которому это было не по карману. Утешил неизвестно чьего ребенка, потому что малыш испугался в магазине, что потерял маму. Я буду рассказывать своему ребенку, что мой маленький человек считает себя обязанным это делать, ведь иначе он просто не может поступать. Но никто не говорит ему, что он это должен. Каждый определяет для себя сам, что именно и сколько он должен в этой жизни.

И жизнь определяет в ответ, насколько каждый из нас мал или велик.

Об этом можно говорить, шутя и в игре, а можно серьезно. Можно мимоходом, по фразе, а можно на примере кого-то, кого и выдумать не грех, а вообще надо просто внимательней посмотреть, и люди такие найдутся. И, конечно же, отвечая на вопросы.

Кто первым протягивает руку, здороваясь и прощаясь?

Хорошо бы это вместе с ребенком зазубрить. Если разговор о возрасте, то всегда старший протягивает руку первым. А если о девочках и мальчиках, о мужчинах и женщинах, то, и это надо усвоить, не мужчина, не мальчик, нет. А именно девочка, женщина.

Маленькому ребенку это лучше просто показывать, играя куклами и через них передавая информацию. А когда человек подрос, то хорошо бы и рассказать, что, помимо рукопожатия, суще-

ствует еще и возможность поцеловать руку женщине. Нам всем очень повезло, если у нас есть пример, есть кто-то, на кого можно кивнуть, рассказывая об этом.

Как научиться себя понимать?

Тут хорошо бы вопросом заняться буквально со сказок. Только это большая, очень большая тема. Потому что колобок хотел вовсе не уйти от всех, он хотел, чтобы им восхищались. И, правда, это тема для отдельной главы, чтобы показать все возможные варианты посрамления бедного Колобка, да еще и так, чтобы аналогии с хвастунами протянулись незримо, но верно.

Говорят, со сказками надо осторожней. Помню, лет двадцать назад, когда многие из них впервые «вскрыли», родители были в оторопи: что же такое они втолковывали своим детям? Беды, однако, не произошло, все-таки весть, которую мы несем, не линейна. Да и не так уж просто ее передать. И падает она, и деформируется, и улетучивается. Поэтому я брала бы сказки и препарировала бы их по-своему, обучая, таким образом, ребенка думать. Не кроху, конечно, а постарше, лет уже с восьми.

Я бы спросила, кто умел понимать себя в сказке «Красная шапочка»?

Оказалось бы, что, кроме волка, никто. Он один хотел есть и стремился к добыче. Остальные находились кто где по стадиям заблуждения. Я бы спросила с печалью у ребенка лет десяти, как же так можно, чтобы больная бабушка жила одна... Чтобы маленькая девочка без взрослых гуляла через лес... Я предположила бы, что мама, которая даже помахать дочке не вышла (я и правда такую иллюстрацию в одной из книг видела — Шапочка уходит по дорожке в лес, а мама в домике продолжает стоять у плиты), возможно, чем-то очень расстроена или больна...

Все детство своих детей я говорила им, поворачивая эту мысль под разными углами, что главная наша задача в этой жизни — пере-

стать обманываться насчет себя. Понимать себя люди учатся всю жизнь. А если нам удастся понять, чего же на самом деле хочет Колобок, да еще согласиться с этим, что нам его роль знакома не понаслышке, значит, мы уже далеко не дети.

— А если один пукнул, а другой заржал, вести себя как?

— Знаешь, я бы повернулась к тому, кто заржал, и сказала бы очень серьезно: «Это я так пукнула. Правда же, ужасно смешно?»

— А это правда ты пукнула?

— Нет. Просто я подумала, что тот, кто пукнул, сейчас очень переживает. И если я скажу, что это я, то он хотя бы придет в себя от конфуза. Кроме того, тот, кто заржал, ржать перестанет. Потому что я буду смотреть на него доброжелательно и спокойно. И ему станет стыдно. Его точно никто не поддержит, я уверена в этом. И потом, самое главное, такая неприятная штука может случиться с каждым. Поэтому это гадко и низко, смеяться, если с кем-то такое случилось.

Почему надо учить неинтересное?

Тут хорошо бы вспомнить Робинзона. И рассказать о том, как знания, которые совсем не были нужны ему на материке, буквально спасли его от смерти на острове. Рассказать и другие истории, вообще познакомить ребенка с понятием форс-мажор. Это уже лет в шесть спокойно можно делать, и потом, по мере роста человека, подбрасывать новые идеи из того, что можно уметь делать, и что пригодается, когда наступает момент.

Нам стоит всю жизнь чему-то учиться, чтобы это умение всего один раз в жизни помогло спасти человека. Или людей. Или остановить катастрофу. Разные примеры, их вокруг множество, стоит оглянуться. Просто если решить, что мы больше ничего не станем отбрасывать, а будем думать обо всем, что нам на пути встречается, эти примеры посыплются на нас как из рога изобилия, а мы, чтобы суметь их принять, начнем неумолимо расти.

Я предлагаю в это верить.

— *Слушай, сколько можно пялиться в ящик?* — обращается мама к сыну-подростку.

Парень вообще в сторону матери не смотрит. В ответ на ее слова он нажимает на пульт и увеличивает звук.

Мама резко поворачивается и выходит из комнаты, хлопнув дверью.

И мы имеем грустную картину: уроки не учены и не будут, мама не уважаена и не будет, ну а сын, соответственно, уважению не обучен. И да, видимо, тоже не будет уважен. Во всяком в случае, не будет здесь и сейчас.

Этот пример из раздела «проще некуда», и это, конечно же, не наш случай. Потому что мама тут не установила правил, а сын отвечает за себя сам. Скорее всего, эта мама уже давно так подходит к сыну, потому что его реакция не спонтанная, «хороший мальчик» так не сделает, тут все словно идет по накатанному, у этой «детки» в «анамнезе» уже есть ряд подобных реакций.

Нам же нужно понять только одно: мама пришла и обратилась к сыну, чтобы получить некий результат. Она результата не получила. Ей пришлось уйти. Скорее всего, она скажет потом, что ушла «потому что он». Как это заманчиво, объяснить всем и себе, что ситуация вышла из-под контроля, что я не при чем, это все не из-за меня. И мы сейчас снова вспомнили о том, как выглядят неработающие кнопки.

Теперь ситуацию переиграем.

И «запустим» маму в комнату к подростку еще раз.

Мама входит, музыка гремит, отрок смотрит в экран, уроки не учены. Мама это все видит, она прекрасно понимает, что, скорее всего, начать заниматься нужно было вчера, но перед ней спина ее сына. Не чужого человека, ее ребенка, и неважно, «самодельный» он или нет.

— *Нормальная группа. Напомни название?* — спрашивает мама и садится на подлокотник кресла.

— *Рашамба*, — подросток не поворачивает головы.

— *Ну, понятно, конечно же*, — мама кивает. — *Есть хочешь?*

— *Могу*, — подросток по-прежнему «не с нами».

Мама этого счастливого ребенка, а почему он счастлив, мы сейчас увидим, медленно выходит из комнаты. Едва закрыв за собой дверь, она молнией направляется к компьютеру. О, да эта группа и в Википедии!

Пробежка глазами, усилие памяти. Пара кусков еды с кухни. Мама возвращается, протягивает сыну бутерброд, тоже не отрываясь от экрана.

— *А кто из них Дедов?* — мама тоже откусывает от своего бутерброда.

— *А он уже не игра...* — сын отрывается от монитора и сначала с недоверием, а потом и с восхищением смотрит на мать. — *А откуда ты? Ты откуда про Дедова-то знаешь?*

Тут вариантов развития событий масса, мы это видим. Мама может выбрать свой ответ из множества. Важно не это. Важно то, что она сумела стать интересной для своего ребенка, смогла переключить его внимание на себя. И оттого, насколько мама будет изобретательна, гибка и находчива, ну и, конечно же, оттого, каковы их глубинные отношения с сыном, зависит, как долго и с каким успехом эта мама важным человеком для своего сына оставаться будет.

Примеры ответов мамы:

— *Я читала о них, у этой группы довольно интересная судьба. Но ведь, у рок-музыкантов, наверное, спокойных историй в жизни почти не бывает? Какая музыка, такая и жизнь?*

Это уже не попытка диалога, это настоящее общение. Если подросток не вычеркнул своих родителей из списков живых, он

непрерывно отзовется. И мама человеком, который ведет своего сына, как минимум, к выполнению уроков, быть продолжит. Какой бы далекой эта станция «учим уроки» в данный момент всем ни казалась. Вообще нам, родителям подростков или мамам и папам деток, которые буквально вот-вот подростками станут, кровные они или нет, очень полезно хотя бы немного разбираться в том, что интересует наших детей. Даже если у нас идиосинкрзия к тяжелому року, татуировкам или футболу.

Другой вариант ответа.

— Просто я хотела рассказать тебе одну историю, подумала, тебе может быть будет это интересно, история моя.

— История про что? — подросток сбит с толку. — И Дедов при чем?

— Ну как, — мама словно задумывается. — Мне кажется, если человек хочет быть интересным кому-то, то он и сам должен интересоваться этим кем-то. Я, например, хочу, чтобы тебе было интересно что-то мое. Тогда я буду обязательно интересоваться твоим. Чтобы мы могли меняться интересным...

Думаю, эта короткая речь не останется незамеченной, если подросток у нас не полностью оторван от общения с родными, а в нашем случае, когда мы любим наших детей осознанной любовью, это, конечно, не так.

Мы не потеряем наших детей. Ведь перед нами — обычные дети.

Дети, которые хотят, чтобы до них достучались.

Дети, которые страдают от ненужности.

Дети, которые мечтают о вожаке.

Дети, которых необходимо убедить, что они — ценность.

Я заметила, что многие из нас, для того, чтобы объяснить какое-то свое неделание, приводят в пример жизненные испытания, которые довелось пережить. Словно эти коллизии — главная жизненная заслуга, словно испытания и страдания — проездной билет пенсионера, который больше не может работать, а потому не в силах платить.

«Если бы вы знали, через что мне пришлось пройти! А мне.. А я вообще... А у меня, а я...!» — Это звучит повсюду на все лады. И это еще одна разновидность кнопки, которая, как нам кажется, дает нам право проиграть, не суметь, не найти, упустить шанс. Но мы-то еще полны сил, наши испытания закалили нас!

Я пережил, но я:

- с вами;
- стараюсь;
- не сломался;
- все еще верю;
- все равно не оставлю;
- осознанной любовью найду выход;
- пережил, потому и утверждаю.

Наше «тенивое я», это оно заинтересованно в наших провалах, побеггах, ошибках. Во всем, что у нас не получается со взрослыми и с детьми. Даже в наших страхах заинтересованно именно оно. Это именно оно не хочет «спуститься» на уровень ребенка, чтобы поиграть с ним... Оно хочет сделать нас людьми, не отвечающими ни за что. Но мы сильнее и разумней наших сомнений.

— Кто важней, я или ты?

— Ты. Всегда ты. И если рядом не мы с тобой, а я и кто-то еще, то он. Всегда он. Каждый из нас должен сказать себе, что главный всегда — другой. Тот, кто напротив, кто рядом. Тогда и мир оказывается совсем другим. Не таким, как мы его себе представляли. А больше. Лучше. Замечательней.

А ведь правда, стоит попробовать и посмотреть на окружающее именно так! И если познать себя — главная задача человека, то понять, что не Я важнее, а тот, кто рядом это задача человечества.

Мы выбираем осознанную любовь, наши шаги верны, и наш горизонт начинает стремительно расширяться.

На миг нам может показаться, что мы замахнулись на невысказанное. Но нет. Мы просто поняли, какими хотим быть сами. Каждый наш Реальный Я, мы же видим, какой он большой.

Расширяем наш мир до человечества, выращивая Человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семинар в центре «Про-мама» окончился, вместе со слушателями мы вышли на улицу и остановились у дверей здания. Народ разговаривал, а я рассматривала чурку с растущей из ствола живой веткой, - такой юной и такой сочной. Этот срез дерева кто-то поставил у дверей в качестве декорации. Видимо, в округе пилили деревья. В банке рядом с чуркой уродливо скукожились уже умершие ветки. А веточка спила зеленела — наполненная силами, юная, стремящаяся жить.

Ее бы прикопать... Наверняка она пустила бы корни! Я не могла отвести глаз от этого ростка. Так и казалось, что, срубленный кусочек дерева взывает о чем-то, силится произнести слова, которых я не слышу.

И тогда я позвала тех, кто стоял рядом. Спросила, как им пень? Нравится?

И люди сказали:

— *Какой красивый пень! Как удачно его поставили тут! Вот только бы банку с увядшими ветками убрать.*

Я спросила:

— *Красивый?* — и добавила: — *Мне кажется, эта веточка совсем как наши дети...*

Наступила тишина. Потом люди заговорили, задвигались... Достали телефоны, начали фотографировать... А я все смотрела. Даже физическую боль чувствовала. Потому что, сколько еще жить этой веточке, прежде чем она высосет все соки из обрубка ствола? Ведь тогда ей останется одно — умереть.

Корни. Я думала, что, может быть, это и есть главная причина многих жизненных неудач наших детей, что отрезаются корни?

Что не найдена пусть крохотная, но возможность примирения, связь, ниточка любви и печали, направленная туда, назад, в предыдущее поколение. Пусть они, кровные, не влияют и не мешают, но пусть сохранится внутренний мир, благодарность за жизнь — сломленной матери, неудачнику-отцу, жесткой родне... Внутреннее состояние прощения и, даже если нам не хватает фактов, чтобы какие-то действия оправдать, все равно пусть это будет НЕ агрессия, НЕ ненависть, НЕ топор и пила.

Я отошла в сторонку, а люди все стояли, смотрели и что-то переосмысливали. Особенно острым казался контраст еще живого ростка с ветками в банке, наглядная иллюстрация того, что эту дивную веточку скоро ждет.

Многие из стоящих вокруг в тот день людей еще не взяли ребеночка в свою семью, это вот-вот должно было произойти. Я стояла за их спинами. И думала:

Держитесь, веточки! Люди к вам спешат замечательные!

Серия «В фокусе:
ребенок-родитель-специалист»

ШАГИ НАШЕЙ ЛЮБВИ

М.: ООО «РПФ НИК», 2014. – 294 стр.
Подписано в печать 31.10.2014
Тираж 1000 экземпляров

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Программа «Семья и Дети»
timchenkofoundation.org

125284, Россия, г. Москва,
ул. Беговая, дом 3, стр. 1, этаж 40
БЦ «NordStar Tower»

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко создан в Москве в 2010 году. Фонд объединил в своем программном портфеле все направления семейной благотворительности. Деятельность Фонда направлена на помощь семье и детям, поддержку активного долголетия, развитие спорта и культуры. Эти стратегические направления нацелены на системное решение социальных проблем в России.

Настоящая книга создана в рамках издательского проекта программы «Семья и дети» фонда. Программа поддерживает развитие семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, профилактику социального сиротства, повышение профессиональных компетенций самих приемных родителей и специалистов, работающих в сфере защиты семьи и детства. Подробнее: www.timchenkofoundation.org

Россия, 125284, Москва, ул. Беговая, дом 3, стр. 1,
бизнес-центр «Нордстар»
Телефон: +7 (495) 660-56-40
Факс: +7 (495) 660-56-41
www.timchenkofoundation.org